О. А. СУХАРЕВА

ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД

БУХАРА

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛЛР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

О. А. СУХАРЕВА

ФЕОДАЛИЗМНИНГ СУНГГИ ДАВРИДА БУХОРО ШАХРИ

XIX АСР ОХИРИ — XX АСР БОШЛАРИ

ХУНАРМАНДЧИЛИК САНОАТИ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ · 1962

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

О. А. СУХАРЕВА

ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД БУХАРА

КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

РЕМЕСЛЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ · 1963

В книге освещается промышленная деятельность населения одного из крупнейших феодальных городов Средней Азии. Описываются многочисленные промыслы, применявшаяся в них техника, выпускаемая ремесленниками продукция, разделение труда, феодальные производственные отношения. Вместе с тем показывается зарождение в наиболее развитых промыслах капиталистического способа производства в форме мануфактуры.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН УзССР
Р. Я. НАБИЕВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7
Глава I. Общий обзор ремесел г. Бухары 16
1. Классификация ремесел и промыслов 16
2. Размещение отраслей кустарной промышленности на территории города 21
Глава II. Обработка металлов 31
1. Кузнечное и слесарное дело 31
2. Литье чугуна 31
3. Обработка меди 36
4. Литье бронзы 38
5. Ювелирное дело 40
Глава III. Обработка волокна 56
1. Выработка бумажных тканей 56
2. Выработка тканей из шелка 59
3. Прядение хлопка и размотка кокопов 68
4. Спование основы 71
5. Перевязка основы 72
6. Красильное дело 74
7. Подготовка основы для заправки в станок 76
8. Отделка тканей 78
9. Выработка тонких шелковых платков 81
10. Организации производственного процесса 83
11. Производственные отношения в ткацкой ремесленной промышленности 84
Глава IV. Строительные ремесла 99
1. Каменщики и плотники 99
2. Организация строительства и социальные отношения 101
Глава V. Обработка кожи 107
1. Кожевенники 107
2. Саножники 110
Глава VI. Изготовление одежды и ее деталей 112
Шитье халатов 112
Шитье тулупов 113
Шитье меховых шапок и тюбетеек 113
Изготовление тесьмы и кистей 114
Тканье поясов 115
Золотое шитье 117
Глава VII. Пищевые промыслы 120
Мукомольное и маслодавильное дело 120
Выпечка лепешек 121
Убой скота и разделка мяса 121
Поварское дело 122

Кондитерское дело 122
Прочие промыслы по изготовлению лакомств . 126
Глава VIII. Прочие промыслы 128
Гончарство 128
Различные ремесла по обработке дерева . . 130
Мыловарение 132
Отливка свечей 132
Переплетное дело и изделия из папье-маше . 132
Изготовление палаток 133
Плетение циновок 133
Глава IX. Историческая оценка промышленности г. Бухары конца XIX — начала XX в. 137
1. Бухара как крупнейший центр феодальной промышленности 137
2. Техника 139
3. Разделение труда 144
4. Социальная структура феодальной промышленности г. Бухары 149
5. Социальные отношения 157
Словарь терминов, связанных с ремесленной промышленностью Бухары 182
Приложение 196

ВВЕДЕНИЕ

Развитие городов и городской жизни — одна из важных сторон истории общества, его производительных сил и производственных отношений, его материальной и духовной культуры. Только во взаимной связи городского и сельского хозяйства, дополняющих друг друга в обеспечении общества необходимыми средствами существования, создаются силы, двигающие его вперед. Ноэтому проблема истории городов — их возникновения и развития, их роли в различные эпохи — является одной из самых актуальных в исторической науке.

Классики марксизма-ленинизма, создавшие материалистическую теорию истории городской жизни, впервые показали, что развитие городов было вызвано развитием производительных сил, общественным разделением труда, проявившимся в отделении промышленности и торговли от земледелия, города от деревни[1] и, как следствие этого,— ростом товарного хозяйства. Этот процесс начал развиваться в эпоху феодализма. На смену «нерасчлененному единству города и деревни[2]», свойственному более раннему периоду, пришла постепенная специализация городской промышленности, с одной стороны, и сельского хозяйства, с другой. Обособление промышленности от земледелия и выделение внутри их специализированных отраслей было одним из важнейших процессов, определявших развитие общества, а этапы эволюции ремесла составили основное содержание социальной истории феодального города.

Город стал центром промышленности именно в период феодализма. В средневековье появилась «особая форма развития промышленного труда — ремесленный труд»[3], который

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения т. 3, изд. 2-е, стр. 20, стр. 49—50.

[2] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 14.

[3] Там же, стр. 32.

стал специализированным, требующим «особого навыка к труду»[4].

В городской промышленности, по мере отделения ее от сельского хозяйства, складывались все более благоприятные условия, способствовавшие техническому прогрессу. Здесь накапливались силы для перехода к новой, более высокой ступени исторического развития, в городе осуществлялся обмен между отдельными хозяйственными районами и, таким образом, складывались предпосылки их экономического объединения. Уровень городской промышленности, структура и характер сложившихся в ней социальных отношений должны явиться основным критерием при исследовании города с позиций марксистской науки.

Со средневековой промышленностью — ремеслом в различных его формах — связан типичный для феодального города «цехово-корпоративный строй», построенный на корпоративных отношениях[5]. Социальную организацию городских ремесленников классики марксизма рассматривают как своеобразную общину[6] (по выражению Маркса, «коллектив»[7]). Основой «объединения работников каждого отдельного ремесла в цехи»[8] (при множестве причин, породивших необходимость такого объединения) были связывавшие их «узы общей собственности на определенную специальность»[9]. Право на ремесленный труд, на специальные трудовые навыки объединяло всех занимавшихся одной профессией в цеховую общину. Конечно, именно ее имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о том, что, переселяясь в город, крестьяне не находили там «организованную общину»[10].

Корпоративное, общинное начало, зародившееся и сложившееся в **рамках первобытно-общинной** формации, сохранялось, таким образом, и в условиях рабовладельческого и феодального обществ. На селе оно проявлялось в укладе сельской общины, в городе — в быту жилых кварталов и в производственной жизни городских ремесленников, в их цеховых корпорациях.

Понятно, что община в классовом обществе, и, в частности, в феодальном городе, отнюдь не была той родовой или соседской общиной, которые стали основной формой ор-

[4] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 32.
[5] Там же.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 51.
К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 28.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 51.
[8] Там же, стр. 50.
[9] Там же, стр. 51.

ганизации общественной жизни в доклассовом обществе. Это была уже глубоко пережиточная форма общины, в ко□ торой проявлялись классовая структура общества и клас□ совые отношения.

Одной из основных причин длительного сохранения об□ щины явилась застойность техники и всего процесса производ□ ства. Как говорит Маркс, «чем более самый способ произ□ водства соотьетствует старинным традициям..., тем устойчивее старые формы собстьенности... и коллектив вообще»[11]. Как известно, глубокая традиционность техники и производстьен□ ных отношений была отличительной чертой феодального городского ремесла.

Это дает ключ к пониманию причин сохранения в фео□ дальных городах общинных отношений. Феодализм оказался не в силах искоренить из жизни общества «все исконные от□ ношения, завещанные прошлым»[12]. Старые формы жизни сохранялись вплотв до образования капиталистической фор□ мации, со свойственным ей техническим прогрессом и господ□ стьом «чистогана» (Маркс), перед которым не могли устоять общинные патриархальные порядки, определявшие собой весь быт феодального общества.

«Крутое и резкое преобразование всех общественных отно□ шении», «ломка» всех старых укоренившихся отношений, эко□ номическим базисом которых было мелкое производство», могло происходить только «под влиянием машин (заметвте, именно под влиянием машинной индустрии, а не «капита□ лизма» вообще)»[13].

До Октябрьской революции в Средней Азии машинная индустрия не успела развитвся, а в Бухаре не появилась во□ все. Основой общестьенного строя здесь оставалось «мелкое производстьо», и это обусловливало бытование порожденных им институтов'.

Однако капиталистические отношения, зародившиеся в Средней Азии после присоединения ее к России, начали все больше проявлятвся в общественной жизни городов.

Песмотря на тормозящее влияние колониальных условий, препятствовавших развитию в стране собстьенной промышлен□ ности и консервировавших феодальные институты, пришли в действие вскрытые В. И. Лениным объективные законы разви□ тия городской жизни на начальных этапах капитализма. «Одна за другой отрасль промышленности, один за другим вид обра□

[11] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производ-ству, стр. 28.

[12] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и □государства. М., Госполитиздат, 1953, стр. 81.

[13] В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 215.

боткн сырого продукта от рывают ся от земледелия и становятся самостоятельными, образуя, след, индустриальное населе□ ние»[14] Оно концентрируется преимущественно в городах Го□ род всегда был своего рода котлом, где происходило «смеше□ ние и слияние земледельческого и неземледельческого насе□ ления»[15], которое «скопляет капиталистическое производ□ ство в крупных центрах»[16] Благодаря этому определя□ ется постоянно растуший перевес городского населения, и создаются предносылки, при которых «капиталистическое производство накопляет историческую силу движения общества вперед»[17]

Б Средней Азия, особенно в ханствах, все эти явления не успели в полной мере развитвся и были выражены еще слабо. Города оставались в основном феодальными, но в недрах го□ родской промышленности уже происходил процесс сложения капиталистического способа производства, зарождались капи□ талистические отношения

В сфере производительной деятельности горожан мы нахо□ дим ключ к пониманию городской жизни. Без всестороннего раскрытия ее социально□экономической основы нельзя пра□ вильно понятв ни структуру городского общества, ни взаимо□ действия и связей различных его элементов. Выявление проис□ ходивших в этой сфере подспудных, недостаточно внешне вы□ раженных и поэтому трудно доступных для исследования процессов чрезвычайно важно не только для понимания жиз□ ни города, но и феодального общества в целом. Несмотря на то, что феодальная городская промышленность, базируясь□ на ручной технике, развивалась довольно медленно, именно она, наряду с торговлей, была той сферой жизни, в которой прежде всего проявилось новое, складывались элементы новых отношений.

С исследованием ремесла в первую очередь связано реше□ ние «проблемы социально□экономического содержания город□ ской жизни , иначе говоря жизни людей, вопросов производи□ тельных сил и производственных отношений, т. е. классовой структуры, классовых противоречий, идеологии и т. д.»[18]. Для историков решение этих вопросов только по письменным источникам, «без привлечения прежде всего самих городов, во всем их материальном облике»[19], представляет большие трудности.

[14] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 206
[15] Там же, стр. 208.
[16] Там же.
[17] Там же
[18] А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории горо□ дов Средней Азии, Труды Таджикского филиала АН СССР т XXIX 1951 стр. 4.
[19] Там же, стр. 3

Вопрос о среднеазиатском ремесле давно привлекает к себе внимание исследователей, главным образом этнографов и археологов. К настоящему времени накоплено немало описаний различных отраслей и исследований отдельных вопросов истории ремесла. Однако эта важнейшая область жизни феодального общества все еще остается недостаточно изученной. В частности, нет ни одного научного труда, в котором были бы рассмотрены отрасли ремесленной промышленности в границах одного города, в их сочетании и взаимосвязях. Поэтому опубликование подобного исследования, проведенного на материале одного из крупнейших городов Средней Азии, в особенности такого, где еще отсутствовала машинная индустрия и где, таким образом, сохранялись типичные условия существования феодального ремесла, представляется нам весьма своевременным.

Промышленная деятельность населения феодальной Бухары изучена еще крайне слабо. Археологических материалов, характеризующих продукцию ремесленников за прошлые века, собрано немного, так как город всегда располагался на одной и той же территории и потому мало изучен археологами.

Письменные источники содержат о ремесле Бухары, как правило, лишь отдельные, нередко косвенные данные. Исключение представляет «История Бухары» Паршахи (X в.) с дополнениями Ахмада Кубави (XII в.)[20], содержащая такие подробные и точные описания ремесленного производства г. Бухары и ее сельской округи, каких мы не имеем ни по одному другому району Средней Азии. Конечно, ни один исследователь не проходил мимо этого замечательного текста, он был и остается основным источником всего, что написано по ремеслу Средней Азии XI—XII вв[21].

Тем не менее, специальному исследованию материалы среднеазиатских письменных источников о ремесле пока не подвергались, не решены многие основные вопросы городской жизни вообще, в том числе и ремесел. Не суммированы, в частности, данные о ремесле и ремесленниках, имеющиеся в актовых материалах[22], в которых встречаются указания на занятие ремеслом упоминаемых в актах лиц, названия кварталов, базаров или иных пунктов города, связанных с ремеслом.

[20] О датировке отдельных мест этой книги см. О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 7—10, 18, 23, 36, 37 и др.

[21] Автор настоящих строк также обращался к этому источнику а связи с работой над книгой «К истории городов Бухарского ханства».

[22] В их число входят акты сборника «Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века» (М.—Л., 1938. Перевод актов содержится в кн. П. П. Иванова. Хозяйство Джуйбарских шейхов (М.—Л., 1954).

Первая попытка свести эти данные, составив список ремесленников по отраслям, сделана М. Ю. Юлдашевым, использовавшим изданные казийские документы XVI в.[23] Несмотря на то, что этот список далеко не исчерпывает имевшиеся в г. Бухаре (и в ханстве) промыслы, он представляет собой большой научный интерес.

Производственные отношения в письменных источниках отражены весьма слабо, так как в Средней Азии многие сделки и соглашения, как правило, не оформлялись документально.

Вопрос о промышленной деятельности бухарцев очень плохо освещен и в литературе, хотя труды ранних путешественников и содержат некоторые ценные сообщения. Их ценность заключается в том, что это — свидетельства очевидцев, которые лично наблюдали Бухару в течение нескольких последних столетий. Дженкинсон (XVI в.), описывая г. Бухару, говорит, что «каждое ремесло имеет здесь особое место и свой рынок»[24], и сообщает, что «из Бухары индийцы вывозят шелковые материи...[25], а русские купцы увозят отсюда изделия из хлопка, различные сорта шелка и ткани». Из этого можно сделать вывод о значительном развитии в Бухаре производства как бумажных, так и шелковых тканей (о других промыслах Дженкинсон не упоминает).

О выработке различных шелковых и бумажных тканей говорится в записках Филиппа Ефремова (середина XVIII в.). Все разнообразие **бухарской ремесленной** промышленности в этих наиболее ранних литературных трудах остается неосвещенным.[26]

Несколько позднее, хотя и без столь ценных для нас подробностей, производительная деятельность бухарцев (понимая под этим жителей Бухарского ханства вообще) была описана Г. С. Бурнашевым (конец XVIII в.), выдержки из записок ко-

---

[23] М. Ю. Юлдашев, К вопросу о ремесленном производстве в Бухарском ханстве в XVI—XVII веках, («Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 4, стр. 31). Следует отметить, что некоторые термины поняты автором не совсем точно или неудачно переведены: «рехтагарон» переводится как «литейщики», следует — «литейщики бронзы» (в отличие от литейщиков чугуна, обозначенных специальным термином «чуягарон»; позже для этого промысла широко распространился термин «дегрезон»). «Гильгорона обозначает не «глинобитников», а мастеров по укладке кирпича, в то время как мастера по возведению глинобитных стен обозначаются терми-
ном «кабзабон».

[24] Дженкинсон, Путешествие в Средаюю Азию, 1558—1560 гг. Сб. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», Л., 1937 стр. 182.

[25] Там же стр. 184.

[26] Филипп Ефремов, Девятилетнее странствование М. 1950, стр. 26.

торого опубликованы Г. Спасским.[27] Бурнашев, будучи специалистом по горным работам, обратил особое внимание на добычу полезных ископаемых и выплавку руды; он упоминает также об очистке хлопка и его прядении, о выработке бумажных и шелковых тканей, чеканке монет, литье «из меди» и из чугуна, изготовлении пуль и пороха.

Развитие фабричной промышленности в России, особенно во второй половине XIX в., уменьшило вывоз из Бухары изделий многих отраслей ремесла. Поэтому упал интерес к ремеслу как у торговых людей, так и у путешественников.

Из путешественников первой половины XIX в. наиболее подробно описывает бухарскую промышленность Мейендорф. Он отмечает, что в Бухаре нет крупных промышленных заведений (grand manufacture), что ни в одной мастерской не работает одновременно более 3—4 работников; кратко описывает очистку хлопка от семян, окраску пряжи, перечисляет сорта тканей, изготовление шагреневой кожи, отмечает значительное развитие сапожного ремесла. Историческая ограниченность взглядов приводит его к неправильному выводу, что ремесла в Бухаре находятся «в детском состоянии (dans l'enfance)[28]. Такой же недооценкой бухарского ремесла отмечены взгляды Н. Ханыкова, который при характеристике промышленности всего Бухарского ханства ограничился одной единственной фразой, что там «... существует... только трояко рода промышленность, а именно: земледельческая, торговая и ремесленная, мануфактурная вовсе не существует, исключая одного чугунного завода»[29]. А. Леман, участник той же экспедиции, в которой был и Ханыков, отмечает искусность бухарских мастеров в изготовлении медных изделий, «пользовавшихся большим спросом со стороны населения»[30].

Столь же бегло касается вопроса о ремеслах А. Вамбери. Однако, перечисляя крупнейшие ремесленные центры Средней Азии, он на первое место ставит Бухару. Из отраслей промышленности А. Вамбери отмечает ткацкие ремесла, производство набойки, выделку шагрени и изделий из нее, выработку бумаги из шелка. Железных и стальных изделий, по его словам, в Бухаре, за неимением металла, производится мало[31].

Литература о Бухаре, появившаяся после присоединения

[27] Г. Спасский. Путешествие по Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году «Сибирский вестник», часть первая, 1818, стр. 75—83.

[28] Bar. Meyendorff, Voyage, d' Orenbourg a Boukhara fait en 1820, Paris, 1826, p. 216, 217, 219 221.

[29] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 111.

[30] М. М. Соловьева. Экспедиция в Бухару при участии натуралиста А. Лемана, М.—Л., 1936, стр. 77.

[31] Вамбери, Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 350—351.

Средней Азии к России, о бухарской ремесленной промышленности не дала ничего нового. В многочисленных публикациях можно встретить лишь отдельные упоминания о ремеслах. Так, гр. Головин замечает, что ткацкое искусство в Бухаре стоит выше, чем в Русском Туркестане, и в подтверждение своего положения говорит о производстве в Бухаре бархата[32]. У Гребенкина мы встречаем указание, что в Самарканде продаются ткани, привозимые из Бухары[33]: это является косвенным свидетельством о наличии в Бухаре ткацкой кустарной промышленности, работавшей на экспорт.

Недооценка роли ремесленной промышленности феодальной Бухары путешественниками, наблюдавшими город непосредственно, привела к тому, что вопрос о месте ремесла в жизни города остался малоизученным. Поэтому историки относят Бухару к городам по преимуществу торговым, «лежавшим на узлах больших караванных путей, служившим складочными местами, перегрузочными пунктами и биржами для вывозной и транзитной торговли»[34]. Однако, на основании собранных в советское время материалов, главным образом этнографических, мы должны признать Бухару не только важнейшим пунктом транзитной торговли, но и крупнейшим центром ремесленной промышленности, широко экспортировавшим свою продукцию.

За годы Советской власти были осуществлены обширные работы по изучению ремесла, в том числе в Бухаре и ее районах. К сожалению, результаты этих работ до сих пор не опубликованы, в печати появились лишь отдельные статьи[35].

Автор настоящей работы поставил перед собой задачу охарактеризовать разностороннюю деятельность ремесленников

[32] Гр. Головин. Кустарные промыслы Туркестана, отдельный оттиск (газ. «Вестник выставки», 1909 г.), стр. 6.

[33] Н. Ф. Гребенкин. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа, «Туркестанский сборник», т. 52, стр. 511—514.

[34] И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве хулагуидов. «Советское востоковедение», VI, 1948, М.—Л., стр. 87.

[35] В числе неизданных работ имеются монография П. А. Гончаровой, посвященная ремеслу бухарских золотошвеев (рукопись хранится в архиве Музея искусств УзССР за № 209); рукопись, составленная В. С. Затворницкой, много лет изучавшей ремесло бухарских медников (там же, № 58), материалы Н. В. Русиновой освещающие производство набойки, изготовлявшейся в сельских районах Бухары, сюда же относится составленный ею прекрасный альбом (Музей искусств УзССР), материалы по Бухарскому ремеслу, собранные Н. В. Русиновой во время руководимой М. С. Андреевым экспедиции 1940 г., содержащие ценные записки бесед с бухарскими ремесленниками и дающие представление о выработке тканей и пряжи, меньше — о ремесле кожевенников, медников, строителей и некоторых других; рукопись машинописи хранится в научном архиве Отдела этнографии; подлинники полевых записей, весьма трудные для расшифровки, принадлежат Музею культуры узбекского народа в Самаркапде). Материалы Н. В. Русиновой до известной степени использованы в настоящей работе.

т. Бухары в целом, проанализировать структуру промышленности и сложившиеся в нем производственные отношения. Это позволило установить неравномерность развития различных отраслей ремесленной промышленности и вместе с тем раскрыть значение каждой отдельной отрасли.

Основным источником настоящего исследования явились воспоминания престарелых бухарцев-ремесленников, статистические материалы в эмирской Бухаре не составлялись, да они и не могли бы вскрыть всех процессов, которые зарождались в промышленности того времени[36].

Конечно, опросные данные, к тому же собиравшиеся спустя 20—30 лет после революции, не всегда оказывались достаточными, что объясняет имеющиеся в работе пробелы. Не все отрасли оказалось возможным описать достаточно подробно. Однако этнографический источник, в силу своей специфики, позволил заглянуть во внутреннюю жизнь ремесла, проследить отражение происходящих в нем процессов на личной судьбе того или иного мастера, привлечь множество информаторов, каждый из которых хорошо знал особенности своей отрасли. Эти свойства этнографических материалов позволили автору показать те стороны жизни бухарских ремесленников, которые, как правило, не освещаются в письменных источниках[37].

Выполнить задачу, поставленную перед собой автором, было бы невозможно без активной помощи старшего поколения бухарских ремесленников, которые с большим сочувствием и доброжелательностью отнеслись к проводимой работе, щедро делясь с автором своими знаниями и богатым опытом, добросовестно припоминая то, что пришлось пережить или узнать им самим.

Настоящее издание представляет собой одну из трех частей написанной автором монографии. Первая часть — «Город и его население» и третья часть — «Жилые кварталы» будут опубликованы позднее.

Фотографии выполнены фотографами Е. П. Юдицким, Клемпертом и И. П. Погребняком. Для перерисовок использованы в основном фотографии С. Дудина. Рисунки по ним выполнены художниками Ю. Ляховым и Р. Кривошей.

[36] Насколько малодоступной для статистического обследования была структура среднеазиатской промышленности не только в ханствах, но и в районах Русского Туркестана, показывают опубликованные материалы переписей 1917 и 1920 гг. В них поименованы все ремесленники той или иной специальности, указано число станков или установок в мастерской, но совершенно не выявлено, был ли ее хозяин самостоятельным мастером или работал на предпринимателя («Материалы всероссийских переписей 1917 и 1920 гг.», Ташкент, 1923). Ремесленники Бухары, тогда еще находившейся под властью эмира, этими переписями не охвачены.

[37] Некоторые стороны жизни ремесленников отражены в мемуарах С. Айни (Воспоминания, М.—Л., 1960, Бадошта, т. 1 и II, 1949, ч. III, 1950, ч. IV, 1935).

Глава I

ОБЩИЙ ОБЗОР РЕМЕСЕЛ Г. БУХАРЫ

I. КЛАССИФИКАЦИЯ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ

Классификация отраслей ремесла может быть сделана на основании нескольких принципов: по их социально-исторической характеристике, по технике и обрабатываемым материалам или объектам деятельности, по выпускаемой продукции.

В настоящей работе в основу объединения отдельных отраслей в группы был взят обрабатываемый материал или объект деятельности. Исторический анализ отраслей и классификация их с точки зрения стадии развития дается в заключительной главе. В первых главах содержится описание конкретных отраслей промышленности, сгруппированных по материалу или объекту деятельности.

Нами выделены следующие отрасли городской промышленности. I. Обработка металлов. 2. Обработка волокна. 3. Строительные ремесла. 4. Обработка кожи. 5. Изготовление одежды и ее деталей. 6. Нищевые промыслы. 7. Нрочие промыслы, вырабатывавшие различные предметы быта.

Многие из ремесел, вошедших в одну группу, были между собой тесно связаны в своей деятельности, между другими эта связь была более слабой и отдаленной. Иногда в практической деятельности оказывались связанными между собой отрасли, попавшие по нашей классификации в разные группы.

1. Обработка металла. Этот вид ремесла разделялся на шесть самостоятельных отраслей:

1) К кузнечно-слесарным отраслям — *чилонгари, охангари* относились: а) собственно кузнецы — *чилонгар*, изготовлявшие всевозможные железные орудия и в соответствии с видом изделий разделявшиеся на специалистов по изготовлению кетменей *тешагар* и топориков *тешагар*; б) подковочники — *наългар*, в) замочники — *кульфсоз*, г) ножовщики — *кордсоз*, д) жестянщики — *тунукасоз*, появившиеся, по-видимому, только после того, как из России стала завозиться жесть, е) игольщики — *сузангар*, которые к концу XIX в. были представлены лишь отдельными мас-

терами, выделывавшими толстые иглы для зашивания мешков, ж) гвоздари — *мехчагар*, которые к XX в. уже исчезли[1].

2) Литье чугуна — *дегрези*[2] разделялось на мелкие специальности: отливка сошников — *позагари* и литье разнообразных бытовых предметов, которое объединялось термином *манкальрези* (литье жаровен).

3) Ремесло медников — *мисгари* не имело обособленных отраслей, хотя внутри ремесла выделялись специалисты по производству определенного вида изделий.

4) Литье бронзы — *рехтагари*, в котором выделялась, как особая отрасль, производство колокольцев и бубенцов *занглдсози*. Кроме того, среди мастеров существовало разделение по виду изделий: были специалисты по отливке жаровен *манкальрез*, чернильниц *давотсоз*, стремян и т. п.

5) Ювелирное дело — *заргари*. В нем выделились специалисты по различным видам женских украшений: серьгам — *халкопа* и кольцам — *узукгоз* и другие, и специалисты по изготовлению крупных вещей, в основном посуды из драгоценных металлов, украшавшейся чеканкой и эмалью. Особой специальностью была очистка драгоценных металлов от примесей и отделение золота от серебра — *гахбанди*. С ювелирами были тесно связаны работавшие преимущественно по их заказам гранильщики и шлифовальщики камней *хакок*. Таким образом, в металлообрабатывающих ремеслах насчитывалось 22 отрасли и специальности.

2. Обработка волокна распадалась на три крупные отрасли: подготовка пряжи, тканье, отработка готовых тканей.

1) Подготовка пряжи делилась на следующие отрасли: а) размотка коконов — *пиллякаши*, б) очистка хлопка от семян и коробочек, в) прядение ваты — *респонреси*, г) крашение пряжи в различные цвета — *рангрези*, д) крашение пряжи в синий цвет холодным способом — *кабудгари*, е) орнаментация тканей способом перевязки основы — *абрбанди*.

2) Ткачество распадалось на несколько почти самостоятельных отраслей в зависимости от вырабатываемых тканей: а) выработка бумажных тканей, не имевшая в Бухаре изучаемого периода, сколько-нибудь заметного значения, но еще в первой половине XIX в. игравшая ведущую роль, б) три отрасли

[1] Декоративные гвозди для обивания дверей и ворот в изучаемый период *зыковывали* кузнецы *чилонгар*, которые делали также цепочки и молотки для дверей. В прошлом гвозди выделывали жители квартала Мехчагарон.

[2] В книге И. К. Нарзикулова «Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана» употребляли термин «чуягрези» (стр. 29). В Бухаре изучаемого периода он не употреблялся, хотя и был известен.

по выделке полушелковых тканей — *алачабофи, бекасаббофи,* адрасбофи, в) выделка шелковых тканей, распадавшаяся на несколько отраслей — шохибофи, румолбофи, *бахмальбофи,* г) выработка тонких платков из неокрашенной грежи — *калагабофи.*

3) Различные отрасли по отделке готовых тканей: а) ло□щение хлопчатобумажных и полушелковых тканей — *пардозгари,* гудунггари, б) отваривание и орнаментация тонких шел□ковых платков — *калагайсози,* в) набивка узоров на бумажных тканях — *читгари,* г) выбеливание хлопчатобумажной ткани — маты — *шустагари.*

Таким образом, в производстве и отделке тканей выдели□лось 14 отдельных отраслей, две из которых — выделка полу□шелковых и шелковых тканей — распадались еще на 16 спе□циальностей, не получивших, однако, самостоятельного зна□чения[3].

3. Строительные ремесла. В строительном деле были заняты главным образом каменщики и плотники.

1) Каменщики — *гильгор* в свою очередь делились на три специальности: а) лойкор или *саддакор* — работали с гли□ной, представляя собой низшую категорию строителей, б) *хиштгкор* — строили различные здания из кирпича, в) *гачкор* — ра□ботали с алебастром, производили штукатурку[4], облицовку, резьбу по гачу. В Бухаре такие специалисты назывались также *хонакор, гилькор* или *гилькор*[5].

В некоторых случаях для украшений зданий применялись кирпичи с цветной поливой и майоликовые плиты, изготовляв□шиеся гончарами, главным образом гиждуванцами, у которых было развито производство художественной керамики.

2) Плотники — *дурезгар,* делившиеся на три специальнос□ти, играли также большую роль в строительном деле, особен□но в связи с распространенностью каркасных построек. Из них выделялись специалисты по выделке дверей (дарсоз), а поз□же — рам для остекленных окон (*рохчи*).

В тесном контакте со строителями обеих специальностей работали мастера по росписи *наккош,* украшавшие росписью деревянные и алебастровые части зданий.

Столь же тесно связанными со строительным делом были и ремесленники, изготовлявшие строительные материалы: кир□пичники *хиштпез* — мастера по обжигу кирпича хумдончи и спе□циалисты по выработке алебастра: обжигальщики *гачпаз* и дробильщики гачкуб.

[3] Пилавкаши, пилдофи, респопреси, рангрези, кабулгарон, абрбанди, карбосбофи, алачабофи, бекасаббофи, адрасбофи, шохибофи, румолбофи, бахмальбофи, калагабофи, нардозгари, калагайсози, читгари, шустагари.

[4] Штукатурку глиной с саманом выполняли гильгоры и лойкоры.

[5] Уточнено по записям Н. Б. Руспановой.

Таким образом, в строительном деле выделились 11 отрас□ лей: три — по обработке дерева, три по глиняным и алебастро□ вым работам, одна — по росписи зданий и четыре по изготов□ лению строительных материалов, если не считать гончаров, привлекавшихся в редких случаях.

4. **Обработка кожи.** Среди кожевенников вы□ делились: а) специалисты по выработке подошвенной кожи — *чармгар*, они же выделывали козлиную кожу для верха обуви, б) кожевенники, вырабатывавшие белую лайку из бараньих шкур — мешигар и в) шагренщики — *кемхтгар*.

Сапожники делились по виду выделяемой обуви на пять специальностей: а) шившие сапоги на твердой подошве — *мирзадуз*, б) на мягкой подошве — *махсидуз*, в) кожаные ка□ лоши — *кафшдуз*, г) сапожники, ремонтировавшие старую обувь — *кухнадуз*, д) специалисты по обновлению (чернению) поношенной обуви — *сиёхкор*.

В особое ремесло выделилось шорное дело — сарродж и и выделка сундуков из кожи — *яхдон* употреблявшихся раньше для перевозки ценных грузов на вьючных животных.

Таким образом, в Бухаре изучаемого периода было отмече□ но три отрасли по выделке кож и семь отраслей по изготовле□ нию предметов из кожи.

о. **Изготовление одежды и ее деталей.** Здесь были представлены: а) шитье ватных халатов — *ожомдуз*, б) шитье тулупов — *пустиндуз*, в) шитье меховых шапок — *телпакдуз*, г) шитье тюбетеек и других головных убо□ ров этого типа — *каллякдуз*, д) изготовление золотошвей□ ных одежд, обуви и других предметов быта — *зардуз*, е — ж) изготовление басонных изделий — тесьмы *зехдуз* и кистей — *туфбофи*, э) изготовление поясов — *тасбандбофи*. После появления швейной машины образовалась девятая отрасль — шитье одежды на машине — *машиначи*.

Кроме шитья золотом, в Бухаре производилась вышивка шелком предметов одежды и декоративных панно типа сузане, которые вышивались иглой (*кашидуз*) и тамбурным крючком (*дарафшдуз*). К началу XX в. в Бухаре появилась новая отрасль — вышивание на тамбурной машине. Все эти отрасли не оформлялись в самостоятельные ремесла, так как были пре□ имущественно в руках женщины.

6. **Ремесла, связанные с производством пищевых продуктов.** Нищевая промышленность была одной из развитых отраслей ремесленного производства. Преж□ де всего надо отметить: а) мукомольное дело — *ордкаши*, б) изготовление растительного масла — *рауганчари*, в) убой скота и разделка мяса — *кособи*.

Различные виды пищи изготовлялись специализированны□

ми промыслами. В Бухаре было очень развито хлебопечение — *нонпази*, поварское дело — *ошпази*, в которое входила выпечка мясных пирожков — *самбусапази* и изготовление шашлыка — *кабобпази*.

Изготовлением сладостей было занято несколько отдельных отраслей. Разные сорта халвы и других сладостей изготовляли *халвогары*, леденцы — *канноты*, жареный горох — *бирёнгары*, соленые косточки и фисташки — *писташкапы*.

7. **Ремесла по выработке различных предметов быта.** Эта группа объединяет условно все отрасли, ремесла, не вошедшие в основные группы. Как правило, это мелкие ремесла, представленные небольшим числом мастеров, работавших на узкий рынок.

Гончарное производство, занимавшее в кустарной промышленности других городов Средней Азии заметное место, в Бухаре было развито очень слабо, потому мы и отнесли его в сводную группу наряду с другими мелкими ремеслами. В изготовлении гончарных изделий выделились мастера по выделке чаш — *косагари* и по выделке глиняных печей для выпечки лепешек — *тандурсози*.

К этой группе ремесел относились: токарное дело — *харроти*, выделка мелких предметов (вил, сит, посуды) — *согутарони*[6], люлек — *гаворпсози*, гребней для расчесывания волос — *шонатарошн*, изготовление сундуков — *сандуксози*, шкатулок, яшиков и пеналов — *кутпсози*, изготовление лошадиных седел — *эпссози*, арб — *аробасози*, производство мыла — собунгари, свечей — *шамарези*, циновок — *бойрабофи*, переплетное дело — *сиофи*, шитье садовых палаток — *чодирдузи*, изготовление ослиных и верблюжьих седел — *тахтидузи*, изготовление ножен и сабель — *гилофдузи*. Всего в седьмую группу вошло 11 отраслей.

Сделанный нами обзор (в котором, несомненно, могут быть пробелы) свидетельствует, что ремесло Бухары даже в изучаемый период, когда в конкуренцию с ним вступила фабрично-заводская промышленность, было представлено самыми разнообразными отраслями. Всего нами зарегистрировано 99 отраслей. Они удовлетворяли все основные потребности населения города и его сельской округи в промышленных и продовольственных товарах. Многие товары вывозились из Бухары и в другие районы Средней Азии. Правда, в изучаемый нами период в Бухаре появилось уже много фабричных товаров, однако в быту бухарцев еще не все их виды играли решающую роль. Изделия кустарной промышленности занимали доминирующее положение: в богатой, праздничной одежде широко применялись кустарные ткани, носилась обувь из местных сортов кожи, упо-

[6] СоГу — деревянный сосуд.

требовались местные, сделанные ремесленниками, орудия, бухарцы писали камышовыми перьями и приготовляемой в Бухаре тушью, предпочитали бумагу местного производства и т. д.

2. РАЗМЕЩЕНИЕ ОТРАСЛЕЙ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА

Характер расселения ремесленников и размещение отраслей ремесленной промышленности не были случайными — они определялись либо историческими традициями, либо целесообразностью, либо профессиональными или родственными связями между ремесленниками. Следует отметить, что городской быт приобретал прочные формы, сохранявшиеся длительное время. Нраво собственности считалось священным, и если та или иная часть территории принадлежала ремесленной корпорации или находилась во владении отдельных семей ремесленников, то никто не мог нарушать это священное право. К чисто правовым соображениям нередко присоединялся суеверный страх перед патронами ремесла, в особенности, если за ними признавалась большая «сила». Лишь к концу XIX в. некоторые производства в принудительном порядке были вынесены за стены города или на его окраины. Таких фактов нам известно очень мало, в большинстве случаев те или иные отрасли ремесла в течение многих веков помещались на одном и том же месте.

Ремесленники одной отрасли и даже группы отраслей расселялись обычно в одном или нескольких близлежащих кварталах, реже — в разных частях города; места их поселения определялись характером промысла, его историей и большим удобством сбыта продукции.

Размещение одних групп ремесленников в окраинных кварталах, а других — в центральных было вызвано многими причинами. Вероятнее всего, ремесленники одной специальности, жившие компактной группой в центральных районах города, унаследовали традиционное местожительство с очень давних времен; группы ремесленников, осевшие на окраинах города, образовались, по-видимому, в более позднее время, когда центр Бухары был уже густо заселен и обжит.

Рассмотрим расселение ремесленников и размещение отдельных ремесел по городу.

Среди двух с лишним сотен кварталов Бухары конца XIX — начала XX в. лишь четыре квартала носили названия, указывавшие на занятие их жителей металлообрабатывающими ремеслами: Дегрези, Мехчагарон, Мисгарон (или Арроки Мисгари), может быть — Хоса-пулод. Но металлисты отмечены в 57 кварталах города. В некоторых кварталах они жили компактными группами, в других — единичными семьями.

Кузнецы и слесари концентрировались в двух местах. Нер□ вое находилось в центре города — в квартале Амири — и в близлежащих кварталах Сузангарон, Мухаммад□ер□атолык и Мароки-Курпа. Здесь же (в квартале Сузангарон и Ходжа□ Хызр) жили ножовщики и жестянщики. Именно в этом районе находились в средние века «Ворота кузнецов» (Дари оханга□ рон), упомянутые в источнике начала XVI в.[7]. Из этого видно, что размещение здесь обработки железа следовало старой традиции.

Вторым районом города, где жили кузнецы, был квартал Ахтачи, лежавший к востоку от проспекта Хиёбон, на терри□ тории, которая до постройки последней городской стены[8] представляла собой окраину города. Жившие здесь металли□ сты специализировались на изготовлении замков, т. е. занима□ лись преимущественно слесарной работой. Замочники прода□ вали свои изделия в рядах, помещавшихся в квартале Амири. Специальность кузнецов□слесарей, вероятно, сложилась тогда, когда вошли в быт железные замки, сменившие более архаи□ ческие деревянные. Последние употреблялись в более глухих районах ханства, а иногда встречались и в самой Бухаре вплоть до начала XX в.

Отдельные семьи кузнецов□слесарей отмечены в обоих кварталах Лрабон (около ворот Салихходжа и у Зиндана), в кварталах Суфиён и Мурдашуен, в последнем они специали□ зировались на выделке кетменей. Во многих кварталах города зарегистрированы полковочники: они жили в кварталах Пус□ тиндузон, Мехтар□Шохбек, Ходжа Рофе, Шарифджон и Куча□ бог, нигде не составляя, однако, численно значительной группы.

Литейщики жили в одном месте: в квартале Дегрези, где они составляли большинство и где находились их торговые ряды; в соседнем квартале Мавлоно-Шариф жили отдельные семьи.

Медники жили компактно лишь в квартале Арроки Мис□ гари, большая часть территории которого была занята их торговыми рядами; в других кварталах отмечены лишь не□ большие группы или отдельные семьи медников[9].

Литейщики бронзы жили в разных кварталах, концентри□ руясь в компактную группу лишь в селении Зангулясози,

[7] Вопрос о местонахождении этих ворот рассматривается в книге автора «К истории городов...», стр. 21, и в статье И. И. Умняковой «К вопросу об исторической топографии Бухары», стр. 150 (И. Умнякова ненравильно отождествил их с «железными воротами» — Дари оханин или Баб-ал-хадид X века).

[8] См. О. А. Сухарева. К истории городов..., стр. 52—53.

[9] В кварталах Кози-урда, Модари-хон, Сузангарон, Ходжа-дорит Песо□ хон.

сразу же за Каракульскими воротами. В прошлом они, вероятно, населяли расположенный в центре города квартал Зангулясози, где в изучаемый период их уже не было.

Наиболее многочисленными из металлистов были ювелиры. Они зарегистрированы в 30 кварталах, в центральных районах города они жили **целыми** группами, составляя в кварталах Азизон и Косим-шейх подавляющее большинство. К этим семьям примыкали ювелиры, проживавшие во многих близлежащих кварталах[10].

Ювелиры имелись также среди евреев в еврейских кварталах. Торговые ряды ювелиров располагались в самом центре шахристана — около пассажа Токи-Заргарон. Вокруг этого района ювелиры и жили наиболее компактной группой. Обращает на себя внимание, что в окраинных кварталах ювелиры встречались очень редко.

Как видно из вышеизложенного, подавляющее большинство металлистов всех специальностей концентрировалось в центральных кварталах **города,** захватывая **шахристан** и прилегающую к нему территорию самого **раннего** рабада. Это может указывать на то, что одной из **первых отраслей** городского ремесла была обработка металлов.

Совсем иной характер носило размещение по городу ремесленников, занятых обработкой волокна. Эта отрасль городской промышленности, получившая в Бухаре конца XIX— начала XX в. наибольшее развитие, была представлена в 51 квартале. Ткачи концентрировались в двух районах города. Основным местом их расселения был Джуйбар и кварталы, прилегавшие к нему с востока[11]. Здесь ткачи жили компактной массой, составляя во многих кварталах подавляющее большинство населения. Но мере удаления от Джуйбара, ткачей встречалось все меньше, и в более отдаленных от Джуйбара кварталах они были представлены только отдельными семьями. В районе Джуйбара разметались и многие подсобные отрасли: размотка

[10] Тагбандбофон, Аюкабандон, Чори-хиндажир, Мулло Пайрав. Кроме того, ювелиры зарегистрированы в кварталах Шохи-Ахси, Пустиндузон (около пассажа Саррофон), Мир-Масъуд, Чашма Аюб, Кони Мадраса, Мирджон-кельди, Кошлог Мирджон Али, Кози Файзи, Усто-Рузи Мехтар Шохбек, Ходжа Курбон Хоса-нулот, Арабон (около Зиндана), Ходжа Рофеъ, Хофиз-гунгрот, Модари-хон, Мухаммад-Саъдатолик, Шарифджон Мир-Ибролим, Ходжа Булюр, Аларилж, Мулло-Шамси-Мухаммад.

[11] Здесь ткачи отмечены во всех кварталах Джуйбари: Шох-Малик, Пистадизон, Хаузи-нау, Хонака, Чинор, Абдулло-холиф, Шахри-нау, Кози-Зохид, Пухтабофон, Карчигай, Дастурбандон, Джуйнар, Чармгарон, Хальфа-Худойдод, Чукур-Махалля, Тим-чорбог, Вакф, а также во всех соседних Хаузи-Балянд, Ходжа-Гуллжори, Шиша-хона, Мир-Дустум, Кукальтош, Волидахони-шахид, Мехтар-Ориф, Пайкар, Мирджон-кельди, Ходжа-Хабибулло, Моркуш, Шейх-Джалоль, Гиджич, Почакуль-ходжа, Мирзо-Хайдари-поён, Пустиндузон (около пассажа Токи саррофон).

шелка, крашение пряжи (горячим способом), лощение тканей, набойка и выбеливание бумажных тканей[12].

Вторым местом расселения ткачей и других ремесленников, занятых обработкой волокна, был восточный район города. Компактной массой они жили в квартале Корхона. Находящийся поблизости квартал Хуллябофон в прошлом также служил местожительством ткачей, но в изучаемый период там их было уже немного. Ремесленники, занятые обработкой волокна и выделкой тканей, встречались и во многих других кварталах этой части города [13] и даже на территории шахристана.

В еврейских слободах также было немало семей, занимавшихся выработкой и отделкой пряжи и тканей (кубовое крашение, изготовление тонкой шелковой ткани для платков из неокрашенной пряжи).

Ткачи группировались и по видам тканей: выработка чисто шелковых тканей (канауса), бархата, платков с тканым узором была сосредоточена преимущественно в кварталах Джуйбара, частично населенных так называемыми форсами, полушелковые ткани (адрас и др.) вырабатывались в кварталах, населенных коренными бухарцами, в частности, в квартале Корхона и других кварталах этого ткацкого района. Выработка полосатых тканей (бекасаб, алача) производилась в квартале Нухтабофон и в незначительном количестве — в соседнем квартале Хонако (Джуйбар).

Расселение текстильщиков в окраинных, самых молодых районах, включенных в черту города лишь при постройке последней стены в XVI в., находится в непосредственной связи с обычной для феодализма структурой города, состоявшего из центра и окружающих его ремесленных пригородов — рабадов, постепенно, по мере развития городской жизни, включаемых в черту города. И в Бухаре до середины XVI в. поселения ткачей находились в основном в сельских районах, в которых, вероятно, и до включения их в город было развито ткачество.

Подобная картина наблюдалась во многих местах вплоть до начала XX в.: широкой полосой селений, где было множество ткачей, окружен был Самарканд; значительная часть китабских тканей изготовлялась в пригородных селениях, в селениях, расположенных за стенами Бухары, жили ткачи, тесно связанные своей деятельностью с ткачами и торговцами-горожанами. Промышленное значение этих районов должно было еще более увеличиться после переселения сюда форсов —

[12] Квартал Пухтабофон и квартал Ходжа Гуиджори.

[13] Кварталы Мухо-Шамси-Мухаммад, Эшони-пир, Алвонди Ходжа Булгар, Куйи-мурчуш, Хуллябофон, Ходжа-Нисомаддин, Тут-хона, Шохи-Ахси, Кокилдаш-калон.

жителей Мерва, разоренного Шах-Мурадом и его сыном Хайдаром. Сложение в Джуйбаре и в прилегающих к нему кварталах ткацкого промышленного района, в том виде, в каком он дошел до нас, относится, таким образом, к периоду, между второй половиной XVI — и началом XIX в. Восточный район расселения ткачей — квартал Корхона и близлежащие кварталы — имел совершенно иную историю. Он расположен на территории, включенной в город еще в XII в.[14] Жившие здесь ткачи принадлежали, в отличие от многих ткачей западного района, к исконному местному населению и вырабатывали типичный для текстильного производства Средней Азии вид ткани — полушелковый адрас с основой из шелка и бумажным утком. На традиционность ткачества в этом районе указывает и то, что здесь находилась святыня, связанная с этой отраслью ремесла: по повершо, иод хаузом помещалась мастерская святого суфия Юсуфа Хамадони[15], считавшегося патроном шелкоткачей.

Совокупность всех этих фактов позволяет считатв этот район старым центром ткачества в Бухаре[16].

Определенные районы города служили местом поселения мастеров-строителей. Жители квартала Мулло-Хоки-рох в подавляющем большинстве (60 семей) так же, как и многие семьи из соседних кварталов[17], были строителями — каменщиками, штукатурами, резчиками по ганчу. В расположенном в южной стороне города, недалеко от ворот Саллахона, квартале Мулло-Хоки-рох находился один из дьух «рынков поденщиков» бозори мардикор, труд которых в Бухаре применялся в основном на строительных работах. Группа каменщиков, населявших этот квартал, образовалась не так давно: переселенцы из селения Поноб, откуда ведут свой род строители этого квартала, появились здесь в конце XVIII или в самом начале XIX в.

Вторым районом, где встречалось много строителей, как каменщиков, так и плотников, была обширная территория в западной части города. Более компактно они жили в квартале Джанафарон и в прилегавшем к Джуйбару с востока квартале Ходжа Туйгун. В остальных кварталах этой территории

[14] См. О. А. Сухарева. К истории городской стр. 55.

[15] Юсуф Хамадони жил в XII в. О» считался патроном шелкоткачей.

[16] Несмотря на заманчивость отождествления квартала Корхона с тем местом, где, по свидетельству Наршахи, в VIII—X вв. была ткацкая мастерская (كارگاه или بيت الطراز), такое толкование названия квартала Корхона будет неправильно: известно, что мастерская, упомянутая Наршахи, помещалась гораздо западнее квартала Корхона, между арком и нахрисаном (Наршахи. стр. 29).

[17] Кварталы Шейх-Шох, Баракён, Аладдж

строители отмечены небольшими группами или отдельными семьями. Всего гилькоры отмечены в 34 кварталах[18].

Плотники жили чаще всего смешанно с каменщиками в одних и тех же кварталах, что соответствовало их жизненной практике — постоянному сотрудничеству в строительстве зданий. Плотники были отмечены в 33 кварталах. Особенно много плотников жило в кварталах, расположенных к северу от дороги, ведущей к воротам Шергирон, и к востоку от проспекта Хыёбон. Много было их в квартале Ходжа Туйгун, а также в некоторых центральных кварталах[19].

История и время образования здесь компактной группы строителей остаются невыясненными. Можно лишь отметить, что, живя в Джуйбаре и в северо-западном углу города, они могли сказаться в черте города не раньше XV в., а группа, поселившаяся в квартале Ходжа Туйгун, территория которого входила в состав города до постройки последней стены, могла быть более старой.

Токари по дереву занимали специальный квартал Харротон, откуда они расселились, отдельными семьями или небольшими группами, в соседние кварталы[20]. Около Регистана жили мастера, выделывавшие преимущественно колыбели и мелкие деревянные предметы (сочтарошй). Они населяли кварталы Сочтарошон, Пистакиканон (около Регистана), Гаукушон и Усто Рухи. Таким образом, в Бухаре описываемого времени ремесленники-деревообделочники располагались к северо-западу от Регистана.

Неполны сведения о расселении седельщиков (отмеченных в кварталах Абдулло-кушбеги и Мирджон-келди), сундучников (отмеченных лишь в квартале Ялангг-Бокиджон-кушбеги); отсутствуют сведения о месте поселения гребеночников — их торговые ряды были расположены неподалеку от мечети Магоки-Аттори. Производство арб находилось на дровяном базаре в квартале Бозори чуб, но где жили мастера — осталось невыясненным.

В четко определившихся районах жили и работали кожевенники, ремесло которых требовало наличия воды для про-

[18] Абдулло-ходжа, Шахри-нау, Кози-Зохид, Дастурбандон, Джуйбар, Ходжа-Хабибулло, Нодир-курит, Ходжа-дорго, Сирхоз, Зиёфаниль-Ахмади-джоми, Кабуль-ато, Чашма-Аюб, Кош-Мадрасп, Мир-Дустум, Мирджон-кельди, Ялангг-Бокиджон-Кушбеги, Кукалтош, Мавлоно-Асири, Мирджон-Али. Отдельные семьи гильгоров зарегистрированы также в кварталах Арабон (около зиндана), Туп-хона, Аллакабандон, Мачити-бегутун, Чуббоз, Джафар-ходжа.

[19] Усто-Рухи, Арабон (около Зиндана), Тупхона, Аллакобандон, Ходжа Зайниддин и в Еврейских слободах.

[20] Квартал Чашма-Аюб, Дарвозайи Уголи, где группа токарей занимала одну часть квартала, Кози-Фейзи, Мирджон-кельди.

мывки кож и места для их сушки. В Бухаре, как и в других городах[21], кожевенники жили преимущественно в кварталах, расположенных поблизости от городских ворот: в квартале Чармгарон и частично Хальфа-Худойдод у ворот Шергирон и в кварталах Эшони-пир, Арабон, Мир-Масъуд у ворот Сал□ ляххона. Третий район расселения кожевенников — это квар□ тал Искандархон и отчасти соседние кварталы Истемур и Олим□ходжа, находившиеся в северной части города, где име□ лись пустыри и болота. Все указанные районы располагались на территории, включенной в черту города лишь в XVI в., ког□ да Бухара превратилась в столицу государства Шейбанидов. Можно предположить, что до того кожевенники жили и рабо□ тали, как было и позже во многих среднеазиатских городах[22], в сельских пригородах. Шагренщики жили и занимались про□ изводством в самом центре города, в квартале Кемухтгарон, а отдельные семьи — в соседних кварталах Дегрези и Забуда. Поселение кожевенников в самой гуще жилых строений, на наиболее плотно населенной территории древнего шахриста□ на столичного города, было неудобным и могло сохраниться лишь в силу древней и прочной традиции. Этот центр коже□ венного производства, образовавшийся вокруг небольшого бо□ лота, имел, вероятно, многовековую историю. Шорный промы□ сел отмечен в тех же районах, где жило большинство коже□ венников: в квартале Хальфа Худойдод, где шорники состав□ ляли заметную группу. В прошлом они жили также на терри□ тории шахристана в квартале Сарроджон («Шорники»); в изу□ чаемый период шорников там уже не было.

Сапожный промысел был отмечен в 32 кварталах. Ком□ пактными группами сапожники жили в двух пунктах: в квар□ тале Миракон, где сапожным делом занималось большинство жителей, и в близлежащих кварталах (Шох-малик, Кутлуг, Шейх□шох). Второй центр сапожного производства находил□ ся на восточной окраине города — в квартале Кара-Камоль и в соседних кварталах, где сапожным делом также занима□ лось большинство населения[23]. Немало сапожников, не состав□ лявших, однако, компактных групп, было и в северо□западных

[21] Например, в Шахрисябзе (см. О. Л. Сухарева, К истории городов..., стр. 136—137).

[22] В Самарканде, например, обработка кожи производилась в районе Обе Мангал (около Шахи Зинда) и с. Кафтархона и др. В гг. Карши и Шахрисябзе этим ремеслом занимались жители окраинных кварталов Ча□ ригар (см. О. А. Сухарева, К истории городов ..., стр. 125, 136—137).

[23] Имелись отдельные семьи сапожников и в других кварталах: Коки-лайи-хурд, Корхона, Чуббоз, Шохи-Аксы, Чорбакколи-дарвозайи-Самарканд, Ходжа-Булгор, Ходжа-Ханну и др.

[24] Вакф, Надыр-курчи, Ходжи-дарго, Сорбоно, Кул-Мухаммед холжи, Деволи-поеса и др.

кварталах города[24]. Отдельными семьями жили они также и во многих центральных кварталах.

Закономерности в расположении различных отраслей са□ пожного производства не было, так как для него не нужно было каких□либо особых условий. Концентрация промысла в некоторых пунктах, вероятно, объяснялось наследственностью занятия.

Многообразные промыслы по изготовлению одежды и ее деталей по большей части увязывались с определенной терри□ торией. Шитьем тулупов, например, были заняты жители двух кварталов, носивших по этому промыслу название Нустинду□ зон: **наиболее** традиционным и распространенным этот промы□ сел был в квартале Пустиндузон, расположенном к югу от пассажа Тоди-Саррофон. Шитье меховых шапок сосредоточи□ валось в квартале Мусурмон-эшага. В соседнем квартале Дуст□нурогоси в изучаемый период имелось много торговцев меховыми шапками. Так как торговцы одной специальности территориально обычно не объединялись, можно преднолагать, что и раньше здесь существовало производство этих голов□ ных уборов. Торговцы меховыми шапками, вероятно, являлись потомками мастеров, конечно, наиболее богатых, оставивших производственную деятельность в процессе отделения ремесла от торговли.

Ватные халаты шились на продажу во многих семьях, жив□ ших в разных частях города. Только в квартале Моркуш они составляли довольно значительную группу.

Ремесло золотошвеев сосредоточивалось в квартале Мнр□ дустум: золотошвеи отмечены также в кварталах Кози□Файзи, Муддао, Мачити бесутун, Алокабандон и в других.

В одном пункте — в квартале Тагбандбофон — жили и ра□ ботали мастера по выделке широких поясов. Этот промысел, несомненно, принадлежит к одним из самых ранних, и поселе□ ние ремесленников этой специальности в самом центре горо□ да, и притом в его древнейшей части, мы считаем не случай□ ным. Когда□то столь же строго локализованным было произ□ водство различных басонных изделий (тесьма, кистей), тради□ ционных для бухарского костюма и быта. Об этом свидетель□ ствует наличие квартала Алокабандон, помещавшегося непо□ далеку от квартала Тагбандоофон. К изучаемому периоду чим промыслом здесь занималось лишь несколько семей, остальные ремесленники этой специальности жили разброса□ но по всему городу.

Различные отрасли по производству съестных продуктов размещались в зависимости от характера производства и сбы□ та продукции. Несмотря на сугубо городской характер жизни

бухарцев, здесь вплоть до революции производились размол муки и выработка растительного масла. Такие производства находились в основном не в центральном районе, больше всего мельниц (которые в Бухаре приводились в движение лошадью или ослом) и маслобоек зафиксировано в западной, окраинной части города[25]. По были они и в центральных кварталах, например, в расположенном около Регистана квартале Мехтар-Шохбек, где имелось три маслобойки — по две ступы в каждой.

Мясники, имевшиеся во многих кварталах города, компактной группой, как правило, не селились. Хлебники новой также жили во многих кварталах города. Больше всего информаторы отмечали их в западной части, начиная с кварталов, прилегавших к проспекту Хьёбон и кончая районом, расположенным между воротами Шергарон и Тали-поч. В квартале Хаузи-Калянд находилась крупнейшая хлебопекарня Бухары, хозяин которой поставлял лепешки в арк. Размещение выпечки хлеба в окраинных кварталах, вероятно, объяснялось зависимостью этого промысла от крестьянского привоза в город зерна и топлива.

Изготовление сладостей было распространено на всей территории города. Мастера по выделке халвы и леденцов были отмечены в 21 квартале, находившихся в различных частях города — на западе, в Джуйбаре, в кварталах, примыкавших к шахристану с востока и других[26], а также в некоторых кварталах центра города[27]. Любимое в Средней Азии лакомство — жареный горох — изготовляли мастера, жившие в кварталах северо-западной окраины города[28]. Многие из мелких ремесел, объединенных нами в сводную группу, занимали в одних случаях определенную территорию, в других — размещались разбросанно.

Производство мыла было отмечено в восьми кварталах[29]. В квартале Собугарон, название которого показывает, что здесь когда-то мыловары составляли определенную группу населения, в изучаемый период ни производства, ни семей мастеров уже не было, так как мыловарение в конце XIX в. в густонаселенных кварталов было запрещено.

---

[25] В кварталах Мирджон-кельди, Собугарон, Ходжа-Чоршанба, Кози-Файзи и др. По сведениям М. С. Юсупова, участника экспедиции М. С. Андреева, в городе имелось до 30 мельниц.

[26] В кварталах Шахри-нау, Чукур-маҳалля, Вакф, Деволи похса, Урусон, Шишаҳона, Мир-Дустум, Кирғиз-оқим, Мехтагарон, Мир-Иброхим и др.

Амири, Тут-кона и др.

Кварталы — Деволи похса, Дарвозаи Ургон, Муҳаммад-пай, Забобён.

[28] Мавлоно-Асири, Кози-Файзи, Турки Джанди, Шейх-шох, Ходжа-Хилми, Алвандж, Чоршанби-қазоқ, Бойробофои.

Производством и продажей циновок занимались главным образом жители квартала Буйробофон, переселенцы с Аму-Дарьи, потомки которых с XVIII в. населяли этот квартал. Однако этот промысел раньше располагался и в других районах города, о чем свидетельствуют документы XVI в., упоминающие базар циновщиков в квартале Амири[30].

Слабое развитие в Бухаре гончарного дела в XIX — начале XX в. не позволяет наметить какую-нибудь закономерность в размещении этого промысла; отдельные семьи гончаров отмечены в разных частях города, в кварталах Хоса-пулот, Мачити-бесутун, Кокилаш-хурд, Такия. В прошлом гончары жили, как свидетельствуют названия кварталов, компактными массами в двух пунктах. Квартал Косагарон (Чашечники)[31] расположен в юго-западной части города, которая до возведения последней стены была его окраиной. Из документа первой половины XIX в. мы узнаем о существовании квартала Кулолон («Гончары») в центре города, на территории шахристана, позже он получил название Кемухтарон[32].

Гончары, выделывающие тануры, жили в квартале Мачити-бесутун, но обосновались они там не так давно — это были переселенцы из тумана Пирмаст.

Из других мелких, слаборазвитых, но, вероятно, старых ремесел нужно отметить производство ослиных и верблюжьих седел, на котором специализировались жители небольшой улочки Тукумдузон, известно, с XVI в.[33], входившей в квартал Аюрдашуен и некоторые жители квартала Джон-Кубади-хурд.

Шитье садовых палаток было сосредоточено в руках группы семей в восточной части квартала Кукалтош, называвшейся Кучайи-чодирдузон (Улица мастеров палаток). Это было также ремеслом некоторых жителей кварталов Дилкушойи-лаури и Кара-Кязюль, расположенных в восточной части города на самой окраине.

Таким образом, размещение промыслов на территории города сохраняло характер, свойственный феодальному городу: и крупные и мелкие промыслы имели тенденцию группироваться по отдельным районам; не только сбыт продукции, осуществляемый в специальных торговых рядах, но и бытовой уклад ремесленников отражал характерную для феодализма тенденцию объединения населения в обособленные группы, к замкнутости всех проявлений жизни в строго определенных границах.

[30] Из архива шейхов Джуйбари, № 27, стр. 21.

[31] Квартал Косагарон нам известен по документу XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», № 41, стр. 50).

[32] Вакуфные грамоты, удостоверенные печатью Насруллахана (одна из них датирована), говорят о «мечети Кулолон, известной как мечеть Кемухтарон» (ЦГА УзССР, ф. 323, № 146/219, 147/220, 148/221).

[33] Из архива шейхов Джуйбари, № 16, стр. 27.

Глава II

ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ

Промыслы по обработке металлов, в которых осуществлялась «производство средств производства», занимали в жизни населения — не только города, но и сельских районов — большое место. **Ремесленники-металлисты** удовлетворяли потребности местного населения в орудиях труда, что играло определяющую роль в прогрессе местной техники вообще. Из металла изготовлялись, в частности, самые разнообразные инструменты, употребляемые бухарскими ремесленниками.

I. КУЗНЕЧНОЕ И СЛЕСАРНОЕ ДЕЛО

Чеканщиков в Бухаре было, по подсчетам нашего информатора Усто Шарифа Камолова, около 150 человек[1], из них 30 *ташгаров* занимались изготовлением кетменей, 50 досссозов — серпов, некоторые мастера специализировались на выработке различных мелких предметов —цепочек и колец для дверей (*занджир, дульфин*) и т. д., другие — на выделке различных специальных орудий для ремесленников: разнообразных стамесок и долот для резчиков по дереву, орудий для резьбы по алебастру, ножниц и топориков *теша*, выделка которых считалась сложной, ее **знали лишь** специалисты — т ешагары.

Мастеров, знавших несколько узких специальностей, было немного. Для того, чтобы освоить их, приходилось прибегать к различным уловкам и хитростям. Усто Шарнф Камолов рассказывает, что, научившись от своего отца **выделывать** кетмени, он в Бухаре не мог получить доступ к другой специальности, так

[1] Наблюдатель начала XX в. отмечает, что «... есть в Бухаре очень много кузниц и слесарен, в коих делают всякую **медную** посуду, железные и стальные вещи, кроме **ружейных** замков, коих там делать не умеют» (Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца). «Справочная книжка Оренбургского Края на 1871 г.» стр. 27). В противоречии с этими наблюдениями стоит высказывание Вамбери, что в Бухаре «железных и стальных изделий за неимением металла — мало». (Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865).

как его в городе знали как ташгара, и никто не согласился бы научитв его другому ремеслу. Решив освоитв также производство топориков, он поехал в Самарканд, где работал очень известный мастер Усто Тохир. Выдав себя за плотника, он заказал Усто Тохиру топорик, попросив разрешения посидеть в мастерской, пока заказ не будет готов. Будучи уже хорошим кузнецом, Камолов сразу смекнул, в чем суть применяемых Усто Тохиром приемов, и уже самостоятельно овладел ими. Камолов сам говорил о себе, что он «воровал мастерство» (*хунар жедузлидам*).

Кроме основных специальностей, среди кузнецов имелось и несколько мелких. Были иголочники сузангар, чьим именем назывался квартал Сузангарон, к началу XX в. это ремесло заглохло, так как кустарные иголки были вытеснены изделиями фабричного производства. По той же причине исчезли гвоздари, жившие в квартале Мехчагарон.

В конце XIX — начале XX в. прекратило свое существование и оружейное дело. Ружейники *милтыкеса* занимались лишь починкой старых ружей.

Мастерские и торговые лавки челонгаров, игольщиков и ножовщиков находились в базарных рядах около Кунола продавцов шапок, в квартале Амири. Около Регистана имелся специальный купольный пассаж *тимча*, где располагались оружейники. Пазвание пассажа Токи камонгарон показывает, что это место было занято оружейниками очень давно — еще в то время, когда основным оружием было не ружье, а лук[2].

Орудия кузнеца-челонгара состояли из набора молотков, каждый из которых предназначался для особой операции, кувалды и дьух напильников разной формы. В мастерской имелась укрепленная на чурбаке наковальня сангдон, меха дам и тиски *гиро*. Металлисты Средней Азии не были знакомы с резьбой, поэтому винт тисков — *уқи* гиро — делался из железного стержня, на который напаивалась медная проволока. Тиски укреплялись на деревянном столбике и служили для укрепления в них изделия при его обработке напильником. Обрабатываемое изделие (теша, кетмень) насаживалось на короткую деревянную ручку, которая и зажималась в тиски.

Для работы в мастерской челонгара необходимо было не меньше трех человек: кроме самого хозяина мастерской, выполнявшего обычно самые ответственные операции, работал молотобоец — *чуқучизин* и ученик — *шогирд*, который раздувал горн мехами. Передко, кроме них, в мастерской работал мастер, занимавшийся формовкой выделываемого предмета и его от-

[2] Квартал Камонгарон (Лучники) назван в бухарском шкуфной грамоте XVII в.

делкой — *чиндагар*. Роль чиндагара иногда выполнял сам хозяин мастерской.

Бухарские мастера снабжали своими изделиями только город и окрестные селения. В отдаленных крупных селениях работали свои мастера[3].

Челонгары объединялись в одну цеховую корпорацию, имевшую общего аксакала. В корпорацию не входили лишь подковочники — *ма'лар*, имевшие своего аксакала.

2 ЛИТЬЕ ЧУГУНА

Литье чугуна в изучаемый период в самом городе не производилось: оно размещалось в пригородных селениях. В городе находились лишь торговые ряды литейщиков, имевшиеся в квартале Дегрези, где жили мастера-литейщики и торговцы чугунными изделиями. Однако этимология названия квартала Дегрези (*букв.* — «отливка котлов») показывает, что когда-то мастерские литейщиков находились на городской территории. Вынесение мастерских за пределы города вызывалось особенностью литейного производства, требовавшего большой площади.

Когда появилось название квартала Дегрези остается неизвестным, так как у нас нет указаний ранних источников. Однако местоположение квартала литейщиков на территории шахристана позволяет предполагать, что население квартала специализировалось в чугунолитейном деле очень давно.

В XIX — начале XX в. мастерские бухарских дегрезов находились в пригородных селениях: в кишлаке Мугулони-кари имеюсь две больших мастерских, принадлежавших двум братьям, так что фактически все это производство находилось в руках одной семьи; две мастерские были в селении Откурчи, одна мастерская — в селении Зарманок, в селении Водживктэ было три мастерских. Всего в пригородах Бухары имелось восемь мастерских, теснейшим образом связанных с городом. Мастера жили в городе, там же находился рынок сбыта всей продукции. В квартале Дегрези было 19 лавок, через которые реализовывалась большая часть продукции бухарских чугунолитейщиков. Всего же в Бухаре и пригородах насчитывалось до 40 лавок. Многие литейщики, проживавшие в сельской местности, кроме ремесла, занимались возделыванием земли.

К началу XX в. главное место в продукции литейного производства занимали лемехи поза. Изредка отливались котлы

[3] Например, в Каракуле было 10—15 мастеров, в основном вырабатывавших кетмени и другие сельскохозяйственные орудия.

дег, когда-то являвшиеся главными изделиями литейщиков. В XIX в. кустарные котлы были вытеснены фабричными русского производства. Однако вплоть до XX в. кустарные котлы специального назначения еще находили себе некоторый сбыт: бухарские литейщики поставляли, например, котлы большого размера для бань местной конструкции.

Бухарские мастера изготовляли чугунные светильники чирог, находившие применение там, где керосиновая лампа со стеклянным колпаком оказывалась неудобной (например, в банях). Освещение масляными светильниками было к тому же более дешевым, поэтому их употребляли в основном в бедных семьях. Светильники делались на один и на несколько фитилей, иногда подъесные. В лучших образцах такие чирога украшались снизу или сверху ажурными решетками.

Значительное место в продукции чугуполитейщиков занимали жаровни (манкалдон или просто манкаль), применявшиеся для обогревания помещений. Жаровни представляли собой низкий сосуд на ножках с вертикальными стенками, имевший форму квадрата или многогранника. Стенки состояли из отдельных досок, их число определяло размеры жаровни и число составлявших ее граней. В лучших образцах этого вида изделий верхние части досок переходили нередко в ажурную решетку, на углах, в месте скрепления досок, украшались фигурками птичек.

Для отливок из песка делались формы калиб, в которые наливался расплавленный чугун. Чтобы отлить художественную вещь, украшенную ажурной решеткой, песочную форму отрабатывали ножом. После отливки такие изделия шлифовались на станке чарх.

Отливка изделий производилась в каждой мастерской раз в два месяца. Остальное время велась подготовительная работа, не требовавшая большого числа работников. Во время литья у мастера должно было быть, по крайней мере, два квалифицированных помощника и много подручных. Обычно ему помогали постоянно работавшие в мастерской хальфа[1]. На обязанности хальфа лежала, в частности, формовка, которой они занимались в течение двухмесячных перерывов между литьем. Хальфа играли в литейном производстве большую роль. Многие из них происходили из самой Бухары, но были и такие, которые приходили сюда на работу из туманов — Ромметана, Гиждувана и др. Подручные нанимались из молодых дехкан лишь на время выплавки.

Процесс выплавки чугуна протекал непрерывно в течение суток. Чугун (в изучаемое время его получали из лома, за-

[1] Хальфа — мастер, работавший в мастерской по найму.

возившегося из России) расплавлялся в специальном горне, обмазанном огнеупорной глиной. Воздух непрерывно подавали человек десять поддувальщиков *дамгар*, сменявших друг друга; особые работники *мулинпарс* разливали чугун по формам, несколько работников ёригар, знакомых с этим производством, выполняли различные подсобные работы. Всего при отливке партии **чугуна** в мастерской было занято до 30 работников: три мастера, 10 подсобных работников ёригар, 10 подувальщиков и человек пять разливальщиков. Часть из этих работников **имела** квалификацию **и работала** в производстве постоянно, другая часть представляла собой временную рабочую силу.

За один раз отливалось много изделий. Так, в мастерских, выпускавших лемехи, одновременно отливалось по 1200 штук.

Несовершенство техники и отсутствие точных знаний приводили к тому, что литейщики никогда не могли быть уверенными за исход литья. Не всегда умея разгадать причину неудачи, ее часто приписывали сглазу, колдовству или наказанию, ниспосланному духом патрона ремесла за какой-нибудь тайный проступок. Поэтому на время отливки специально приглашали для чтения корана муллу, становившегося, таким образом, обязательным «участником» производства. Иногда при начале литья резали барана или покупали мясо и готовили жертвенное кушанье, которое съедалось всеми присутствовавшими. Литейщики составляли отдельную корпорацию, возглавляемую аксакалом и его помощником *пойкор*. Сохранение старой техники, феодальной цеховой корпорации и феодальной системы эксплуатации имело своим следствием сохранение связанной с ремеслом идеологии — профессионального культа патрона ремесла, каковым считался, как и у всех металлистов, пророк Давид (Хазрати Доуд) и совершение посвященных ему обрядов. Ритуальное пиршество *ароши* пир совершалось литейщиками, по обычаю, на мазаре Ходжа Баховаддин.

По феодальные отношения в этом промысле постепенно уступали место капиталистическим. К XX в. торговля чугунными изделиями почти полностью отделилась от производства. Вся продукция **чугунолитейщиков** скупалась скупщиками во *фрди*, которым принадлежали лавки в торговом ряду. Из всех имевшихся в Бухаре хозяев мастерских только один Усто Солехбой — лучший мастер художественного литья — сам реализовал свою продукцию, являясь собственником одной из лавок в торговом ряду квартала Дегрези. Скупая всю продукцию, скупщики фактически становились и хозяевами мастерских, поэтому бухарцы причисляли их к литейщикам и считали мастерами (устокор), хотя к производству в изучаемый период они

не имели никакого отношения. От продажи чугунных изделий скупщики получали большой доход. Например, покупная оптовая цена одного лемеха равнялась трем танга, а продажная — 8—10.

Наряду с зародившимися элементами капиталистических отношений в промысле сохранялись такие феодальные институты, как цеховая корпорация, **бунак**, цеховая обрядность.

3. ОБРАБОТКА МЕДИ

Обработка меди занимала среди металлообрабатывающих ремесел Бухары большое место*. Бухарские мастера славились своим искусством, их изделия вывозились во все города Средней Азии.

Вырабатывалась главным образом посуда: кувшины для кипячения воды и заваривания чая (*чойджуш*), кувшины для умывания (*офтоба*) и крупные — для ношения и хранения воды *хум*. Медники делали также чаши косa, тос, подносы *лаган*, умывальники *дастшуй*, плевательницы туфдон, коробочки для табака *нос дон*, зубочистки *дандон-пакканак* и т. п. В лучших и наиболее дорогих образцах изделия украшались чеканкой *калам*, отличавшейся в Бухаре невысоким рельефом и чрезвычайно тонким и богатым орнаментом. Такие изделия представляли собой предметы роскоши, именно они и вывозились за пределы Бухары, создавая славу бухарским мастерам.

Медь употреблялась двух сортов — красная мис и желтая *биринджи* (бронза). Весь металл в изучаемый период поступал из России: через Самарканд его поставляла фирма Вагау. До проведения Ташкентской железной дороги медь завозили в Бухару из Казани.

Медное изделие составлялось из нескольких спаянных частей. Вначале медь разбивалась на листы, которые можно было резать ножницами. Затем на специальных наковальнях сангдон этим частям придавались нужные формы. Наковальни были нескольких видов: *сангдони дунгля* — наковальня с двумя отростками, *сангдони кўлдароз* — наковальня с длинным отростком, употреблявшаяся для выбивания горла кувшинов, сангдони *сирға*, *мехлос сангдон* и др. Припаивание частей изделий *кафшер* осуществлялось при помощи смеси раствора буры танакор и опилок из красной и желтой меди. При нагревании на сильном огне металл образовывал сплав *лахим*, плотно скреплявший части изделия.

* В кн. М. М. Соловьева «Экспедиция в Бухару в 1841—42 гг. при участии натуралиста А. Лемана» приводятся слова А. Лемана: «Весьма искусными были пользовавшиеся большим спросом со стороны населения медные изделия Бухары: подносы, вазы, чайники с оригинальными и художественно выполненными рисунками», стр. 77.

Посуду, изготовленную из красной меди, смазывали смесью соли и нашатыря *нашадур*, сильно разогревали на огне, а потом погружали в воду, от чего медь получала красивый красный цвет. Этот процесс назывался «шуроба кардан». Сосуды, употребляемые для кипячения воды или накаливания масла, не лудили, те же изделия, которые не ставились на огонь — кувшины для воды, чаши, подносы, — покрывались оловянной полудой *калаи*, «выбеливались» («сафед мекардан»). Орудиями медника служили молотки *болка* различного размера (для тяжелых и более тонких работ) и шипцы. При чеканке пользовались стамесками калам дьух видов: для прорезывания борозд *каламн джуябарони* и для нанесения тонких линий узора каламами *накоши*. Узор наносили на изделие от руки или при помощи шаблонов, вырезанных из бумаги, при этом пользовались камышовым пером (потом его заменил карандаш). Покрываемые чеканкой подносы для удобства укреплялись на доске при помощи завозившейся из Ирана мастики *кандил*.

Большинство мастеров специализировалось на выделке определенных предметов: одни делали кувшинчики для чая *чойджуш*, другие — кувшины для воды *офтоба* специфической бухарской формы, без ручки, третьи — медные чаши коса, тос или подносы. Лишь лучшие мастера знали все виды работ и умели изготовлять любые предметы из бухарского ассортимента медных изделий. Они же владели искусством художественной чеканки.

Большая часть ремесленников работала на дому. Во многих мастерских работали мастер-хозяин и два *халифа*, иногда ученик.

Положение хальфа в этом ремесле занимали главным образом мастера невысокой квалификации. Всякий, кто хорошо овладел профессией, мог, по условиям производства, которое не требовало больших расходов на материалы и орудия, работать самостоятельно. Однако мастера не были экономически независимыми: сбыт медных изделий находился в основном в руках скупщиков.

Кроме частных мастерских в арке имелась государственная мастерская, в которой работали лучшие мастера. Там изготовлялись вещи специально для эмирского дьора. Организацией производства, оплатой мастеров и их питанием во время работы ведал девонбеги[6].

Общее число мастеров-медников установить сейчас трудно. По сообщениям, хороших мастеров насчитывалось до сотни,

[6] Организация мастерских детально не изучена. Вероятно, она имела много общего с организацией казенной золотошвейной мастерской, которая была описана П. А. Гончаровой. Ее интересная работа, к сожалению, до сих пор не издана и хранится в рукописи в Музее искусств УзССР.

общее же число медников приближалось к четырем сотням. Говорят, что всегда занято было в этом производстве свыше тысячи человек.

Медники объединялись в отдельную корпорацию. Цеховой старшина назывался бобо, его подручный, как и в других ремеслах,—*пойкор*.

4. ЛИТЬЕ БРОНЗЫ

В Бухаре сохранялось древнее искусство отливки из бронзы —*рехтагари*. Бронзу приготовляли сами мастера, сплавляя медь с оловом в тиглях бута из огнеупорной глины. На одну часть олова *рух* брали две части меди. По рецепту другого информатора, на 5 мискалей (золотников) олова шло 7,5 мискалей желтой меди или бронзового лома и 7,5 мискалей красной меди. Тигли делали сами мастера из приводной глины — ее доставляли на верблюдах (по одним сообщениям, из Шахрисябза, по другим,— из Гиссара). Тигли обычного размера вмещали до четырех килограммов металла; для мелких поделок употреблялись маленькие тигли. Мастерам постоянно приходилось делать новые тигли, так как тигель сохранял прочность до тех пор, пока был на огне — его можно было даже поднимать, держа за край щипцами. Но как только он остывал, глина становилась хрупкой и рассыпалась.

Горн кура представлял собой высокий передвижной очаг высотой 40 см и около 75 см в диаметре. Для снимания тигля с огня употребляли специальные щипцы *анбур* с очень длинной ручкой, которая позволяла ставить тигель на землю, не нагибаясь. Отливка производилась в формы *тавонак*, представлявшие собой бронзовые изложницы. Они состояли из двух половин, которые назывались «*нар-у* мода» (самец и самка). Мужской половиной считалась та, на которой имелся шрифт.

Заполнив обе половинки изложницы песком, смешанным с клеем (на 10 кг песка 0,5 кг клея ширеш), оттискивали форму отливаемого предмета. Такие формы *калип* резали из дерева или гипса. Все приготовленные для литья изложницы ставились рядами и скреплялись железной цепью так, чтобы образующиеся при соединении половинок изложниц отверстия оказывались наверху. После отливки изделия обрабатывались напильниками сувон, которых имелся целый набор.

Процесс производства проходил ритмично: пять дней вели подготовительные работы, два дня отливали (этот процесс всегда относили «на начало недели»). Многие предметы составлялись из отдельно отливаемых частей, спаиваемых затем друг с другом.

Для изготовления жаровен *мангал* отдельно отливались доски, ножки, дно и ручки, потом все это спаивалось вместе. Изготовляли и художественно выполненные жаровни. Стенки их украшались резными решетками *шабака* и литыми фигурками птиц *тути*. Величина жаровни определялась числом составлявших ее досок, которых могло быть от 4 до 12. Четырехугольные жаровни, наполняемые раскаленным древесным углем, употреблялись для обогревания лавок, большие жаровни — в помещениях для гостей в богатых домах (при этом дьери всегда оставались открытыми).

Жаровни были самым сложным и крупным изделием бухарских рехтагаров. Гораздо больше здесь изготовлялись мелкие предметы: кольца, молотки и ажурные пластинки *пулакча* для дьерей, щипцы для снимания нагара со свечей *шам-кайчи*, пряжки для поясов военнослужилых *людей*. Пряжки были с литыми узорами, форма для узоров имелась на самих колыбах. После окончательной отработки *пардоз* пряжки покрывались полудой. Их носили низшие **прослойки** военнослужилых **людей и** сарбазы. Рехтагары изготовляли также чернильницы *дават*, украшения (пуговицы, бронзовые кольца без камня), различные украшения для сбруи, **стремена** и т. д. Литейщики бронзы изготовляли также отдельные детали медной посуды: венчики для горлышка и наконечники для носика к кувшинам для умывания *(лафоба)*, фигурные ручки к кувшинчикам для кипячения воды и особенно для заваривания чая *(кайджуш)*. Последние делались очень тщательно, так как являлись дорогими изделиями.

В особую отрасль выделилась отливка разной формы колокольцев и *бубенцов — зангулисои*. Это считалось одной из самых сложных работ, выполняемых литейщиками бронзы. Отливались большие длинные колокольцы *акказак*, подвешиваемые на шею *верблюду*; плоские колокольцы до 15—20 см длиной и круглые — *тосак* употреблялись для той же цели. Большие бубенцы *зонубанд* привязывались верблюду к ногам. Маленькие колокольцы *алафи* предназначались для мелкого скота, чтобы легче было по звуку находить пасущееся животное, скрытое растительностью **или** темнотой.

Для танцовщиц и скороходов отливали бубенчики *зангулайи дастбанди*, издававшие мелодичный звон. Для голубей делали специальные бубенцы в виде колец, надеваемых на лапки.

В старину рехтагары отливали оружие, в частности пушки. Престарелый рехтагар, ученик одного из лучших мастеров — Усто Тохтамыша, рассказывает о попытке отлить пушку еще в начале этого века. Он вспоминает, что однажды за его учителем прислали из арка и увели его туда на работу. Вер-

нувшись, он по секрету сообщил, что работавший в дворцовой мастерской мастер Усто Очил вызвал его, чтобы помочь при отливке пушки. Была изготовлена форма, отверстие дула хотели сделать, вставив в форму железный цилиндр, однако из этой затеи ничего не вышло, отлить пушку не удалось.

Среди мастеров была узкая специализация по видам изделий. Литье из бронзы в конце XIX — начале XX в. принадлежало к числу слаборазвитых промыслов. Всего в Бухаре этого времени в литье бронзы участвовало человек сорок — пятьдесят, из них триднать человек были прошедшими обучение мастерами. Кроме мастеров-горожан, в промысле **участвовали** жители пригородного селения Зангулясози (около Каракульских ворот), где из 28 дворов 12 занималось отливкой бронзовых колокольцев и бубенцов.

Все мастера-рехтагары должны были пользоваться подсобной рабочей силой, так как без помощников при литье обойтись было невозможно. Поэтому большинство мастеров держало учеников. У наиболее крупных рехтагаров было одновременно по 5—6 человек. Вопрос о значении в этом производстве труда зависимых мастеров-кальфа остается недостаточно выясненным.

Ученичество длилось много лет. Семидесятилетний мастер из с. Зангулясози рассказывает, что он проработал учеником 13 лет. Интересен его рассказ об условиях ученичества. Сначала он работал бесплатно: проработав весь день, вечером он подходил к суфе, на которую семья хозяина садилась за ужин, хозяйка протягивала ему половинку лепешки, а мастер говорил: «беги теперь **домой!**» Позже, когда он начал овладевать навыками ремесла, хозяин стал выдавать ему по базарным дням деньги на мелкие расходы.

5. ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО

Ювелирное дело — одно из древних и высокоразвитых ремесел, **имевших** в Средней Азии глубокие традиции. Еще в начале VIII в. арабы нашли в Бухаре громадное количество золотых изделий, представлявших собой нередко настоящие произведения искусства[7]. В Бухаре конца XIX — начала XX в. ювелирное искусство было очень развито. В столичном городе, где жила значительная часть феодальной знати, было много богатых купцов и состоятельных ремесленников, **изделия** ювелиров пользовались большим спросом. Украшения, изго-

[7] Многочисленные упоминания о золотых и серебряных венцах местной работы встречаются у Наршахи, стр. 15, 37, 51, 59, см. также «Историю Узбекской ССР», т. I, книга первая, Ташкент, 1955, стр. 82 и др.

товленные бухарскими мастерами из серебра и особенно зо□ лота, покупались и приезжими из других городов и районов. Однако вывоз бухарских ювелирных изделий был ограничен: в каждом районе употреблялись свои типы изделий, изготов□ лявшиеся на месте. Для вывоза производился специальный то□ вар, предназначавшийся главным образом для окружавших Бу□ хару степных районов, населенных полукочевниками.

Наличие широкого и постоянного спроса обеспечивало юве□ лиров постоянной и выгодной работой. Среди них была распро□ странена поговорка: «Пока есть на свете хотя одна женщина, дело ювелиров не замрет». Женские украшения составляли основную продукцию ювелиров. Кроме того, ювелиры изготов□ ляли посуду и другие предметы из драгоценных металлов, украшавшиеся чеканкой и эмалью. Эти вещи выполнялись почти исключительно по заказу эмира. Для двора изготовля□ лись также нарядная сбруя и другие принадлежности верхо□ вой езды, украшавшиеся серебром, золотом и драгоценными камнями.

Инструментарий ювелира был несложен, но очень хорошо приспособлен для изготовления обычного ассортимента изде□ лий; набор стамесок и форм для чеканки и штамповки изде□ лий отличался большим разнообразием. В мастерской ювели□ ра находились небольшой самодельный горн кура в виде переносного очага, небольшие ручные меха дам разного раз□ мера, которые раздувал сам мастер, так как необходимо было тщательно следить за состоянием металла (расплавляемого всегда в очень небольшом количестве) или положенного на огонь изделия. Для особо тонкой работы употреблялась мед□ ная поддувательная трубка *дамидан* 30—35 *см* длиной, в ко□ торую дули ртом. При изготовлении большого количества сплавов или при очистке благородных металлов от примесей воздух нагнетался большими мехами через сложное сопло, со□ ставленное из расширяющейся к одному концу толстой трубы из простой глины сардоба, в узкий конец которой, обращен□ ный к огню, вставлялось небольшое сопло из огнеупорной глины. В широком конце трубы укреплялось отверстие мехов.

Тигельки из огнеупорной глины, как и у литейщиков брон□ зы, делал сам мастер. Для прихватывания тигелька, раскален□ ных изделий и очень мелких деталей (например, зерни) юве□ лир имел набор пинцетов *тустак* разного размера. У него был также набор шипцов *албур* и молотков *хоиск*, железная нако□ вальня сангдон с тонким отростком, приспособленным для из□ готовления колец и серег. Расплавленный металл выливался в металлическую изложницу, в которой он застывал в виде тонкой продолговатой пластины. В дальнейшем пластина под ударами молотка превращалась в лист, либо в тонкий

брусочек, из которого можно было волочить проволоку. По□ следняя операция осуществлялась при помощи специальной железной пластинки *кириё* с отверстиями различного диаметра.. Протаскивая приготовленный брусочек сначала через более□ широкие отверстия, потом через все более узкие, получали круглую в сечении проволоку разной толщины. Для того, что□ бы придать ей форму кольца, мастер обертывал ее вокруг круг□ лого конца щипцов *амбур*, с которых изготовленное колечко можно было легко снять, так как щипцы имели коническую форму. Чем ближе к концу накручивалась проволока, тем меньше в диаметре получалось колечко.

В ювелирных изделиях Бухары, как и многих других райо□ нов Средией Азии, широко применялись кованые купольчи- ки в форме полого полушария, так называемые **кубба**. Они де□ лались разного размера при помощи специального приспособ□ ления, представляющего собой толстую литую бронзовую пластинку **манкол**, имеющую сферические углубления разного диаметра, и пестов *манколдаста*, по размеру соответствующих углублениям. Богат был набор инструментов для чеканки *қалам*, состоящий из стамесок с лезвиями различной формы. Некоторые стамески имели на конце выпуклый узор. При уда□ ре молоточком узор оттискивался на металле. Мастер, чеканя узор, менял стамески, подбирая их в соответствии с задуман□ ным орнаментом и строя узор из тех элементов, которыми он располагал. Решая построение орнамента, мастер всегда рас□ считывал на свой набор стамесок, а при необходнмости изго□ товлял себе новую стамеску нужного профиля. Благодаря это□ му остроумному приему сложный и тонкий чеканный орна□ мент выполнялся быстро и легко. У ювелира также имелся набор штампов **колиб** для выполнения изделий со штампован□ ным орнаментом. Штампы были бронзовые, узоры на них ре□ зались самими ювелирами. Кроме обычных штампов, каждый из которых был рассчитан на один узор, имелись штампы со множеством мелких узоров **хазор|колиб**, среди которых легче было подобрать нужный при ремонте старых украшений. Инструментарий ювелира дополняли ножницы, которыми они резали металл. Многие ювелирные инструменты насчитывали, вероятно, много десятков, если не сотен, лет существования.

Покупая или получая их по наследству, мастера часто не знали, кто и когда их изготовил, и поэтому некоторые из юве□ лиров высказывали мнение (например, в отношении **хазор|ко□ либ**, **кирийо**, **манкол**), что инструменты привезены в Бухару из Ирана. Однако их специфическая форма и орнамент, харак□ терные для типичных среднеазиатских украшений, являются убедительным опровержением этого мнения.

Кроме всех описанных инструментов и приспособлений, каждый ювелир должен был иметь весы, так как и металлы, и камни, и жемчуг, и кораллы покупались и продавались на вес. Весы необходимы были и при определении платы за работу. Мерой веса были золотник *мисколь* и горошина *нахўд*. Необходимой принадлежностью ювелирной мастерской был пробный камень — *махак* (отсюда «махак задан» — ставить пробу), представлявший собой круглую хорошо обточенную водой гальку кайрок темного цвета. Если провести по пробному камню золотом, на камне останется след, по цвету и виду которого опытный глаз точно определял пробу. Определяли пробу и по цвету **металла.**

Материалами для изделий служило главным образом серебро. Однако ювелирное дело Бухары отличалось тем, что здесь в сравнительно широких масштабах употреблялось и золото. По словам стариков-ювелиров, оно особенно распространилось с конца XIX в. при эмире **Ахадхане,** когда в моду вошла пышность и расточительность. В этот период золото и серебро в виде плиток размером «с полкирпича»[1] начали завозить в большом количестве из России. Название «гумбурғил ло», закрепившееся в Бухаре за чистым золотом **сотой** пробы, свидетельствует, по-видимому, что оно импортировалось сюда какой-то гамбургской фирмой. Некоторое количество золота Бухара получала из Гиссара, где имелись его месторождения. Серебро в виде слитков ввозилось также из Китая.

Золото и серебро употреблялись лишь высокой пробы. Особенно ценились эти металлы в чистом виде, хотя работать с ними было нелегко — они оказывались слишком мягки. Стопроцентные металлы, по словам мастеров, шли на чеканку монеты. Это подтверждает и Бурнашев: «...золото и серебро на дело монеты употребляется чистое»[2].

Благородные металлы низком пробы в Бухаре раньше совсем не применялись, так как они плохо куются и не соответствуют разработанной в Средней Азии технике холодной ковки. Золото и серебро смешивались: на один золотник золота клали один, два или полузолотника серебра. Получался очень ковкий металл бледно-желтого цвета, который назывался «молочным золотом» *гилолйи джувоти*. Как известно, такой сплав (так называемый электр) употреблялся для **изготовления** драгоценных вещей и в древности.

Литье драгоценных металлов (за исключением зерни) бухарскими ювелирами не применялось (*рехтан* да заргари на буд). По-видимому, оно вообще не было известно в Средней

[1] Имеется в виду местный кирпич плоской квадратной» формы.
[2] Г. Спасский указ. соч., стр. 82.

Азии. Бухарские мастера считают, что их научили отливать некоторые украшения кавказцы (капкозо)[10] в формах из особой завозной мастики (кафки дарье — букв. морская пена); мастика имела вид плиток, довольно мягких. В них оттискивали с обеих сторон отливаемый предмет, соединяя половинки, получали форму, в которую лили расплавленный металл. Отливкой золотых вещей занимались не столько сами ювелиры, сколько литейщики бронзы, имевшие в этой технике специальные навыки. Они применяли сначала, как и при литье бронзы, формы из песка, смешивая его с раствором сахара, потом научились делать их из мастики. Позже мастера-кезгины научили их употреблять металлические формы. Для литья употреблялся металл, в котором на 14 «горошин» (нахуд) золота было 10 «горошин» меди. Отливкой изготовляли только перстни специфической формы с глубоко сидящим камнем, вошедшие в моду лишь в начале XX в.

Местные ювелиры разработали два способа очищения благородных металлов от примесей и отделения золота от серебра. Один из них, старый местный способ, носил название *гахбанди*, а мастер, производивший эту операцию — *гахбанд*. Плавление производилось в вырытой в земле ямке *гах*. Стенки ямки выкладывались золой из верблюжьей колючки, которая имела свойство вбирать в себя примеси *гач*. Зола прибивалась к стенкам ямки особой деревянной колотушкой из твердого дерева. На дно ямки клали свинец *курошим*, поверх него — кусочки металла, подлежащего очистке[11]. Все это закладывалось древесным углем и разжигался огонь.

Соотношение свинца и благородных металлов было определенным: на 100 золотников подлежащего очистке серебра или золота нужно было взять полкилограмма свинца. Когда металл расплавлялся, свинец и вместе с ним все прочие примеси соединялись с золой, покрывавшей стенки ямки, а серебро или золото постепенно очищалось, его поверхность становилась все более светлой, блестящей. Процесс этот был очень длительным: начиная плавить утром, заканчивали к вечеру.

Если надо было отделить золото от серебра, то расплавленный в тигельке металл выливали с некоторой высоты в котел с **холодной водой**. Металл, быстро охлаждаясь, оседал на дно котла в виде мельчайших зернышек или хлопьев. Их погружали в сосуд с соляной кислотой *тезоб*, в которой серебро растворялось, а золото осаждалось на дно сосуда в виде

[10] Литье из золота считали неместной техникой и ювелиры Самаркан-да Введение литья и изготовление форм они приписывали персам.

[11] Таким же способом выделяли драгоценные металлы из золы и сора, собиравшихся в ювелирной мастерской. Зола скатывалась в виде круглых шариков и высушивалась.

очень мелкого песка черного цвета. Промыв его в воде, пла□ вили в тигельке и получали чистое золото. Чтобы выделить из кислоты серебро, кислоту сливали в глиняный таз *тагора* с холодной водой и хорошенько перемешивали. Стоило бро□ сить в эту воду куски меди *мис*, как серебро начинало выде□ ляться из растьора « в виде снега». Это также было серебро сотой пробы. Такое серебро называлось *тезоби*, а мастер, умею□ щий его получать —*тезобгар*.

Технические приемы бухарских мастеров были разнообраз□ ны. Помимо изготовления предметов при помощи ковки, они умели волочить проволоку, делать филигрань (*рахкори*, мас□ тер□филигранщик — рахсоз), чеканить «*кандакори*», резать ажурные решеточки — *табакакори*, лить зернь — *равирса*, делать позолоту —*халитилло* и чернь —*асвоткори*, украшать изделия цветной **эмалью** — *минокори* и камнями.

Ювелиры изготовляли лишь **мелкие** предметы. Крупные же вещи из драгоценных металлов — подносы, кувшины, чаши и т. п. — делали для них медники. Получая из рук медников го□ товую посуду из драгоценных металлов, ювелиры подьергали ее художественной отделке: покрывали художественной че□ каншой, резьбой и эмалью. К этому же типу **изделий** относи□ лись мелкие бытовые вещи — **чернильницы**, шкатулочки для табака нос, а также пряжки и бляхи для поясов.

Орнамент на ювелирные изделия наносился пером или ка□ рандашом, либо прямо от руки, либо по шаблонам, вырезан□ ным из бумаги. Чеканили узор при **помощи** специальных рез□ цов-бронзовых или железных стамесок калам. Рабочая часть стамески имела форму наносимого узора, который легко от□ тискивался на мягком металле. Работали, легко ударяя моло□ точком по другому концу стамески.

Если вешь украшалась эмалью, то фон между узорами **и** места, которые предназначались под эмаль, выбирались при помощи особого маленького резца в виде ложечки с закруг□ ленным концом, отчего фон получался с рябинкой, придавая блеск металлу, что было обязательным при нанесении прозрач□ ных эмалей. Эта техника носила название «*гурсум*», «*гурсум задан*».

Эмали *мина* привозили из Китая в виде круглых плиток. Эмаль толкли в порошок, смачивали водой и в сыром виде вмазывали в углубления узора. При обжиге изделия в горне, эмаль плавилась и заполняла выемку. После этого на застыв□ шей эмали при помощи напильника *сувон* выравнивали все неровности и подтеки, изделие полировали песком (регшуйи мекардан) и опять ставили ненадолго в горн. Эмаль снова расплавлялась, и ее поверхность становилась ровной, блестя□ шей и прозрачной.

Поверхность чеканных узоров, не покрывавшихся эмалью, разделывалась тонкой штриховкой *тахрир*. Некоторые изделия украшались, кроме того, ажурными прорезными решеточками *шабака*, которые делали или при помощи стамесочки *калам* или особой шилкой *арича*.

Из числа ювелиров, знающих чеканку, выделились специалисты по изготовлению печатей *мухркан*. Спрос па их изделия был постоянным: печати обязаны были иметв все должностные лица, кроме того, многие бухарцы (даже неграмотные) заказывали себе именные печати. Мастера этой специальности, работая в дьорцовой мастерской, занимались также чеканкой монет, а позже резали штампы для бумажных денег.

Чеканка или, вернее, штамповка металлических монет производилась в дьорцовой мастерской. Па специальной наковальне была укреплена формочка, на дне которой было вычекане но то, что должно бытв отнечатано на одной стороне монеты. Опустив в формочку кусочек металла определенного веса, приставляли к нему круглый металлический стержень, на нижнем конце которого был рисупок для другой стороны монеты. Когда поверхнему концу стержня ударяли молотком, кусочек металла принимал вид кружочка, а на его обеих сторонах отпечатывались изображения или надписи.

Специальные технические приемы были созданы для изготовления более дешевых массовых украшений, так как массивные вещи из драгоценных металлов, особенно из золота, были недоступны широким слоям населения. Бухарские ювелиры разработали специальную технику изготовления серебряных вещей с накладкой из золота, известных под названием *дуостара* (двухполкладочные). Для них употреблялись благородные металлы без всяких примесей. Золото составляло в таких изделиях всего одну сотую часть: на 100 золотников серебра золота брали только один золотник. Приготовив из серебра кубик, золото разбивали в листик того же размера. **Сложив** их вместе, мазали края бурой *тинкор* и ставили на огонь. Как только золото начинало спаиваться с серебром, огонь убирали; дав металлу остыть, кубик осторожно разбивали на наковальне в тонкую пластинку. Чтобы смягчить удары, между кубиком и наковальней клали кусок свинца такой же формы. Получавшаяся при этом пластинка оказывалась настолько тонкой, что ее можно было резать ножницами. Из такого материала изготовляли пряжки для поясов, лошадиную сбруи и другие крупные вещи. Этот остроумный прием свидетельствует о большой изобретательности бухарских ювелиров.

Золочение при помощи ртути — *хали симоби* было хорошо известно бухарским мастерам. Золото вместе с ртутью расплавляли в тигелечке на медленном огне. Сплав выливали в холодную воду, налитую либо в чашку (если работали с малым количеством металла), либо в глиняную лохань. Слив воду, получали серое вещество, вроде жидкой глины. Обмазав им предназначаемый для позолоты предмет, ставили его на огонь. Ртуть испарялась, и предмет оказывался покрытым тонким, но очень прочным слоем позолоты. Известен был и другой способ — «водяной» *хали оби*, более дешевый, но худший по своим результатам: такая позолота быстро стиралась.

Древнейшее искусство литья зерни *заварса* довольно широко применялось бухарскими ювелирами. Было известно два способа литья зерни — в куске древесного угля и в тигельке. Первый — старый, местный способ, при крайней трудоемкости, давал особенно хорошие результаты: зернь получалась правильной **круглой** формы.

Смоченные в растворе буры кусочки мелко нарезанной золотой или серебряной проволоки закладывались в углубления, высверленные в куске древесного угля. Когда положенный в горн уголь раскалялся докрасна, кусочки проволоки плавились; тогда мастер, взяв **кусок** угля пинцетом, опрокидывал его над чашкой с холодной водой. Металл мгновенно застывал в виде зернышек, размер которых определялся размерами употребленных для изготовления зерни кусочков проволоки.

Заргары применяли и другой способ, основанный на том же принципе: кусочки проволоки расплавлялись в тигельке смешанные с толченым углем. Этот способ применялся, когда производилось за один раз много зерни. Большое искусство требовалось для того, чтобы, спаяв вместе отдельные зернышки, придать им определенные формы. Широко применялись в ожерельях, серьгах и подвесках маленькие колечки из зерни, которые назывались *зиғири* («льняные зернышки»). Зернью украшали филигранные изделия, массивные украшения или резные ажурные решеточки.

Особая техника была разработана для изготовления украшений, состоящих из полых форм, заполненных мастикой. Такие украшения были чрезвычайно распространены во второй половине XIX в., в XX в. они вышли из употребления и сохранились лишь в отдельных старых экземплярах.

Изделие, заполняемое специальной мастикой[12], делали из очень тонких листиков позолоченного серебра в виде двух половинок. Поставив нижнюю на огонь, клали в нее кусочек мас-

[12] Мастика привозилась из Ирана и Афганистана и дополнительно обрабатывалась самими ювелирами.

тики, которая, расплавляясь, заполняла всю форму. Охладив мастику, накладывали верхнюю уже окончательно отделанную половинку, и снова ставили на огонь. Мастика плавилась и при оствывании прочно соединяла вместе обе половинки изделия. При помоши той же мастики укрепляли в специально приготовленных гнездах камни (обычно бирюзу).

Этим способом изготовлялись довольно крупные красивые **украшения,** в которых золото удачно сочеталось с бирюзой разных оттенков. Такие украшения, более дешевые и массовые, изготовлялись в подражанье дорогим вещам из **массивного** золота, носимым знатью. Остроумным приемом ювелиры избегали впечатления мишурности, которое мог бы производить металл, обращенный в тонкий лист: изделие покрывалось мелким штампованным орнаментом, скрывавшим все неровности, скрывавшие структуру изделия.

Техника нанесения штампованного орнамента была очень проста. Каждый из бухарских ювелиров **имея** набор бронзовых штампов с вырезанным на них орнаментом. Положив поверх штампа листик серебра, а поверх него кусочек свинца ударяли молотком. **Мягкий** свинец, заполняя углубления резьбы, вдавливал в них серебряный листик, на поверхности которого образовывался орнамент невысокого рельефа[13].

Бухарскими мастерами была разработана также техника, носяшая название *тахшикон*, при которой вся поверхность изделия покрывалась как бы чешуйками из серебра и бирюзы, наноминая собой по виду перегородчатую эмаль (клуазоне), в которой место эмали занимала шлифованная бирюза. **Такие** вещи изготовлялись следуюшим образом: на поверхность изделия напаивались ячейки из серебряной проволочки. В ячейках при помоши мастики укреплялись кусочки бирюзы. Затем изделие отдавалось гранильшику (*хакнок* — арабское حكاك), который шлифовал его на специальном точильном станочке (чархи сангтарош). Шлифовальный станочек имел два сменных колеса: сначала шлифовали (метарошидан) на точильном камне из песчаника (чархи реги), потом изделие отделывали (пардоз медодан) на колесе, сделанном из орехового дерева. Бирюза и проволочка, образуюшая ячейки, стачивались, образуя ровную, гладкую поверхность[14]. Техника эта

[13] Эта техника примепялась и в средневековой Руси под пазванием «басманной». Название указывает па возможное происхождение ее с Востока (*басма* — тюркское «отпечаток», «печать»). Б. А. Рыбаков, описав эту технику («Ремесло древней Руси», 1948, стр. 634), высказывает предположение, что ее появление в России связано с влиянием Византии (там же, стр. 305).

[14] В Средней Азии камни преимушественно пе гранились а шлифовались.

применялась до конца XIX в., после чего совершенно вышла из употребления. По в конце XIX — начале XX в. в Бухаре было еще четыре хаккока.

Бухарские ювелиры делились по специальностям. **Одни** делали лишь кольца, другие специализировались на производстве серег, третьи — на филигранных изделиях, но были и такие, которые вырабатывали все виды женских украшений.

Кольца изготовлялись из расплющенной ударами молотка проволоки, из **такой** же проволоки делались гнезда для камешков *нигин*. Поэтому гнезда (нигинхона) были высокие и это составляло характерную черту среднеазиатских колец.

Особенно много ювелиров занималось изготовлением серег. Старинные бухарские серьги *халка* состояли из кольца, продеваемого в ухо, и длинных подвесок из камней, жемчуга и металлических бус. Подьески представляли собой подвижно укрепленную на кольце проволочку, на которой были нанизаны различной величины и качества бусы (в лучших образцах из изумруда, рубина, или благородной шпинели), камни были обычно невысокого качества, светло-зеленого и розового цвета. С ними сочетались металлические ажурные (филигранные) бусы. Состаз подьесок дополнялся вставленными между бусами кружочками, спаянными из зерни, и мелким жемчугом. Наиболее типичные бухарские серьги имели три подьески (се поча). Такие серьги очень ценились и назывались «большими» (*халкаи калон*).

Разнообразны были ожерелья. Среди них выделяются два типа: ожерелья, плотно охватывающие шею, и нагрудные украшения, состоящие из украшенного камнем крупного ажурного филигранного медальона, висящего на цепочках, или низких бус, перемежающихся с такими же медальонами меньших размеров.

Разнообразны были изготовляемые ювелирами головные украшения. Старинным считалось украшение *шаш-ло*, состоявшее из шести отдельных нитей, на которые были нанизаны различные бусы, кисти из черного шелка, металлические полусферические *куполъчики* с подьесками из мелких жемчужинок[15]. Изготовлялись также налобные украшения *бареак* в виде диадемы, составленной из подьижно скрепленных квадратных пластин, украшенных камнями. Диадемы ювелиры также считают старинным видом головного убора. Палобное украшение *абру* — «брови»[16], представляло собой сделанные из металла (обычно серебряные, позолоченные) бро-

[15] Такое украшение носили, наматывая на головную повязку, причем концы нитей свободно свисали вдоль щек.

[16] В Самарканде украшение угон формы называется «кош тилло», узбекско-таджикское — «золотые брови».

ви, сходящиеся на переносице, как того требует местный идеал красоты.

Типично бухарским украшением была «головная булавка» (сар□сузан), которой прикалывался платок к тюбетейке или (раньше) к носимой под платком шапочке. Такая булавка не□редко увенчивалась небольшой фигуркой птички.

Браслеты дастонаи Бухаре делали больше всего филигран□ные, нередко очень тонкой работы, украшенные зернью и мел□кими камешками.

Мастера соперничали друг с другом в оригинальности своих изделий, в изобретательности и наиболее остроумном исполь□зовании имеющихся у них материалов, известных им приемов. При этом иногда ювелиры делали очень сложные вещи. Рас□сказывают, например, что один из лучших мастеров конца XIX в., каршинец по происхождению, Усто Насреддин, сде□лал по заказу эмира головную булавку, которая была укра□шена осыпанной бриллиантами фигуркой птички на пружин□ных ножках. Как только птички касались рукой или встряхи□вали булавку, птичка приходила в движение.

Как показывают изложенные факты, ювелиры, а в особен□ности бухарские, владевшие всеми достижениями этого искус□ства, эмпирически владели знанием технологии металла и многих химических реакций. В этом отношении они пошли значительно дальше, чем ремесленники других специальностей. За ними сохранялась слава средневековых алхимиков, кото□рые также, вероятно, в своем большинстве выходили из среды ювелиров. Ловкость и «чудесные» для непосвященных знания ювелиров вошли в пословицу. В Бухаре говорили: «Дуза на лоби, заргара куш» — «Если не найдешь вора, убивай ювели□ра» (т. е. знай, что это — дело его рук).

По сообщениям, в Бухаре насчитывалось до четырехсот ювелиров. (Эта цифра была указана в списке, составленном для сбора среди ювелиров средств па ремонт их торговых ря□дов). В числе лучших бухарских мастеров конца прошлого — начала этого века называют Усто Аъло или Сайид Аъло — дядю работающего в наши дни мастера Усто Косима Мира□кова. Усто Аъло знал все виды ювелирных работ, в том числе и чеканку, в частности, он работал над изготовлением печатей. В начале этого века известностью пользовались Исхоккуль□туксабо, Кори-Шариф-туксабо и другие. Уже в советское вре□мя продолжали работать прекрасные мастера Садреддин По□лоев, Усто Мухтор Мухсинов, Косимджон Мираков и их более молодой сотовариш по профессии Гиёсджон Зиёвиддинов.

Паряду с мужчинами ювелирным делом занимались и жен□шины—их родственницы или жены. Они обычно делали

лишь мелкие украшения — кольца, полые подвески в виде миндалинок лонча и т. п.

Несмотря на всю выгодность профессии, в условиях феодальной Бухары не было крупных ювелирных предприятий. Наиболее типичным для Бухары изучаемого периода был мастер, работавший в одиночку. Техника этого ремесла вполне позволяла ему осуществлять весь производственный процесс без помощников, а слишком узкий, хотя и постоянный рынок сбыта продукции и сохранение системы работы на заказ не стимулировали расширения мастерских.

Если мастер получал большой заказ, например, от эмира или сановника, он приглашал себе в помощь одного или нескольких хороших мастеров, на которых он мог положиться. Получив плату за работу от заказчика, он расплачивался с приглашенными мастерами в соответствии с выполненной ими работой, и на этом все их взаимные обязательства кончались.

Лишь самые крупные ювелиры, в особенности те, в деятельности которых большое место занимала торговля, держали наемных мастеров — хальфа. Труд хальфа в этом ремесле применялся очень мало. Немногие наиболее богатые и предприимчивые мастера держали по два — три хальфа. При поступлении на работу хозяин корфармо давал задаток — бупак. Однако бупак был у ювелиров значительно ниже того, который получали хальфа в ткацком и сапожном ремеслах, да и брать его соглашались лишь те, кто оказался особенно обремененным долгами. Поэтому такой закабаленности хальфа у ювелиров не было.

Система оплаты хальфа была специфическая: при выполнении сложной работы он получал столько же, сколько стоил обработанный им металл. Этот порядок особенно точно соблюдался при изготовлении серебряных изделий.

Так как труд хальфа в ювелирном деле не получил широкого применения, основное значение в социальных отношениях приобретала эксплуатация учеников. Срок ученичества был продолжительным — 10—15 лет. Хозяин долго не давал своего согласия на посвящение ученика в мастера, поэтому ученичество длилось гораздо дольше, чем было нужно, чтобы овладеть сравнительно сложными техническими приемами и получить необходимые знания. Хозяин неохотно допускал к ним ученика, особенно из посторонних. Обычно ученика не обучали, а лишь позволяли ему присматриваться к тому, что делает учитель, иногда умышленно скрывая некоторые тонкости ремесла. По все же, по прошествии 4—5 лет в распоряжении хозяина оказывался, по существу, хорошо обученный мастер, который бесплатно работал на него еще 5—10 лет, прежде чем получал посвящение.

Принудить его к повиновению удавалось благодаря тому влиянию, которое имели сложившиеся издавна идеи и корпоративная этика. Несмотря на то, что цеховой культ и связанная с ним обрядность у ювелиров пришли к изучаемому периоду в упадок, больший, чем во многих других ремеслах, все же посвящение (хотя бы в виде разрешительной молитвы) являлось у заргаров обязательным. Отсутствие благословения учителя, или хотя бы его недовольство учеником, считались причиной неудач мастера в его работе.

В этих взглядах проявлялась идеология, которая, сложившись на основе феодальных производственных отношений, поддерживала и защищала интересы хозяев мастерских. К изучаемому периоду влияние этой идеологии стало несколько ослабевать. Обряд посвящения в этом ремесле в течение изучаемого периода потерял свою былую обязательность. Правда, ученики из посторонних должны были его совершить, «чтобы показать себя всем мастерам», но иной раз и они обходились без формальностей, а для учеников из **семей** ювелиров, особенно, если они обучались у отца или близкого родственника, он считался вовсе необязательным. Даже самые пожилые из бухарских ювелиров получили посвящение без тех затрат, которые несли ученики в других ремеслах.

Как проходило обучение ученика из семьи потомственного мастера, показывает **биография** старейшего бухарского ювелира Усто Мухсинова. Первым его учителем был отец. К 13—14 годам мальчик овладел ремеслом настолько, что мог самостоятельно изготовлять простые изделия. После этого, он поступил в обучение к Кори-Шарифу — туксабо, который был известен как хороший чеканщик **и** резчик печатей. У Кори-Шарифа Мухтор обучался, работая вместе с ним в дворцовой мастерской. Лишь после долгих лет ученичества молодой мастер получил разрешение на самостоятельную работу. Оно было дано во время работы в дворцовой мастерской. Учитель велел Мухтару сесть на свое рабочее место и, подняв руки, прочел разрешительную молитву. Тут же послали на базар за сладостями и шашлыком для всех работающих в мастерской, и на этом дело было покончено; не было ни угощения членов цеха, ни специфических обрядовых блюд. Этот пример свидетельствует о том, как далеко зашло к началу XX в. изживание **цеховой** обрядности.

Так мог проходить ученичество и получать посвящение ученик, который происходил из семьи потомственных мастеров, первым учителем которого был отец, стремившийся как можно скорее обучить сына.

Иначе обстояло дело в тех случаях, когда в обучение попадали со стороны. Тогда ученик много лет должен был служить •

хозяину, исполнять всевозможную работу по дому, очень мало участвуя в производстве. Усто Косим Мираков рассказывает, что первый в их роду ювелир — его прапрадед, происходивший из дехкан, был отдан отцом в обучение к ювелиру-горожанину, мастеру невысокой квалификации, занимавшемуся изготовлением колец. По ремеслу мальчик не обучался. Он возился со скотом, исполнял домашние работы. Сделавшись взрослым, но ничему не выучившись, он решил вернуться домой и «лучше послужить отцу, чем постороннему человеку». Узнав об этом, мастер очень быстро обучил его своему нехитрому искусству.

Наряду с работой на частного заказчика и на рынок ювелиры работали и на казну, в дворцовой мастерской. Мастерская, находившаяся в арке, делилась на две части: в одной половине — «корхонайи танга» чеканились монеты (в последнее время, преимущественно серебряные), в другой изготовлялись различные золотые и серебряные вещи. В начале XX в. в дворцовой мастерской работало около двадцати мастеров со своими учениками. Расплачивались с работавшими раз в неделю, по пятницам, оплачивая каждое изделие в зависимости от его сложности и качества. Кроме того, все получали ежедневно по три таньги — *кунлук* и питание. Крупным мастерам, имевшим придворный чин, дважды в год — весной и осенью — жаловался полный костюм *сарпой*, кроме того, они получали *кормление-ратиф*: в начале каждого месяца им выдавались, как и многим чиновникам, рис, жир и др.[17]

Несмотря на то, что в дворцовой мастерской изготовлялись наиболее ценные вещи, за которые плата полагалась большая, а в случае удачи можно было надеяться получить чин и награду, мастера шли туда неохотно. Чаще, чем награды, мастеров ждали в арке обиды и оскорбления со стороны эмира и его приближенных. Тяжела была принудительность, подневольный характер этой работы. Однако отказаться от нее никто не мог — это была обязательная феодальная повинность, накладываемая на ремесленников.

Ювелиры составляли особую корпорацию *касаба*, возглавляемую аксакалом. Его обязанностью было наблюдение за торговлей ювелирными изделиями, за качеством работы и за ценами на изделия и материалы.

Аксакал выбирался на собрании мастеров (*маджлис*) и утверждался казикаляном с ведома самого эмира. Новому аксакалу выдавался ярлык. По этому поводу полагалось да-

[17] Об этом институте см. О. А. Сухарева, К истории городов ... стр. 101—102.

вать угощение всем членам корпорации элифати окола-
лона).

Торговые ряды ювелиров состояли из 40 лавок и находи-
лись около медресе Улугбек по обеим сторонам улицы, идущей к нему с востока. Ряды составляли собственность корпорации, вследствие чего ювелиры были избавлены от тяжелой повин-
ности, лежавшей на ремесленниках остальных специальностей, платитв арендную плату за лавки-мастерские. По преданию, это место было подарено за оказанную ими услугу каким-то прави-
телем и являлось их «мульком». В подтверждение этого преда-
ния, старики-ювелиры рассказывают, что, когда один богатый купец захотел построитв на этом месте караван-сарай и обра-
тился за разрешением к эмирским властям, корпорации уда-
лось доказать свое право на место. Так как дарственная грамо-
та, подтверждаюшая их право, к этому времени не сохранилась, они сослались на вакуфную грамоту медресе Улугбек, в кото-
рой была указана, как одна из границ медресе, «земельная соб-
ственность ювелиров» (мульки заргарон). Пока эта вакуфная грамота нам неизвестна. Если ссылка на нее правильна, то это служит доказательством большой давности образования этой собственности, попавшей к корпорации еще до постройки медресе Улугбек, т. е. до XV в.

Так как торговые ряды были собственностью всего цеха, мастера пользовались ими сообща, и члены цеха следили за тем, чтобы соблюдалась некоторая справедливость. Однако места в лазках получали, как правило, наиболее состоятель-
ные мастера. Остальные бывали вынуждены прибегатв к их помощи, чтобы продать СБОЮ продукцию, и тем самым попа-
дали от них в зависимость. Их положение облегчалось воз-
можностью сбыватв свою продукцию, продавая ее с рук в своем торговом ряду — это право признавалось за каждым членом цеха.

У членов корпорации существовал профессиональный культ, патроном ремесла, как и у всех металлистов, считался святой Доуд. В его честв совершалось ритуальное пиршест-
во — *арвохи* пир, во время которого происходило поминовение патрона и посвящение *камарбаста* учеников из посторонних.

Однако ювелиры, в среде которых деньги, «чистоган», играли большую роль, руки которых все время касались дра-
гоценных металлов, к совершению культа относились равно-
душно. Несмотря на то, что они в массе принадлежали к со-
стоятельным ремесленникам (а по сложившимся понятиям, за хорошие доходы следовало хорошо жертьовать на соверше-
ние культа), ювелиры делали жертьенное пиршестьо очень ред-
ко и без особой пышности. Усто Асалю Васееву, родившемуся около 1885 г., привелось на своем веку увидеть этот обряд лишь

дважды. Оба раза празднество происходило в городе, в доме одного из наиболее состоятельных мастеров. Приглашались 6—7 мулл (кори), которые прочитывали весь коран. Для пиршества варили плов из 2—3 манов риса. Усто Косим Мираков, родившийся около 1890 г., ни разу не видел обряда арвати пир. Он описывает лишь угощения, которые устраивал мастер, получая место в базарном ряду. По этому случаю он выносил в торговый ряд угощение—приготовленные дома обрядовые кушанья (халвойи тар и буй)[8] — и дарил старшине цеха **халат.** Угощенье съедали все, кто в это время оказывался в торговом ряду.

Корпорация ювелиров представляется нам социально **раздробленной.** Среди ее членов выделялись богатые мастера, державшие хальфа, мастера-одиночки, наемные мастера-хальфа, не имеющие средств производства, и ученики.

Представители высшего слоя богатых ювелиров занимали особое положение, они были близки ко двору и даже получали придворные чины. Глава цеха, посредник между двором и мастерами, наживался совершенно легально на всех получаемых заргарами заказах, не говоря о доходе от своего собственного производства. **Последний** аксакал Бахрамджон был одним из самых богатых горожан. Он был крупным скупщиком и торговцем ювелирными изделиями и, разъезжая **по** стране вместе со своими знатными приятелями (аз сипохо), ловко обделывал свои торговые дела.

В связи с развитием капиталистических отношений часть разбогатевших ювелиров превратилась в скупщиков. Цеховой строи, а вместе с ним и профессиональная этика в среде ювелиров стали расшатываться. Исчезали прежняя **боязнь** наказания за нарушение цеховых правил со стороны патрона ремесла и воспитанная традицией **добросовестность.** С появлением **новых** материалов и поддельных **камней** оказалось возможным изготовлять вещи из некачественных материалов, и тем самым обманывать покупателей. Раньше это пресекалось строгим контролем со стороны старшины цеха. По к началу XX в. цеховая регламентация **производства,** свелась на нет, и последний аксакал ювелиров — Бахрамджон смотрел на нарушения правил сквозь пальцы. Он и сам, как и другие богатые мастера, был больше всех заинтересован в продаже подделок. В ювелирном, как и в других ремеслах, наряду с сохранением феодальной основы, зарождались элементы капитализма. Однако у ювелиров, промысел которых оставался в значительной мере ремеслом в узком смысле этого слова, эти новые отношения оставались еще оплетенными феодальными обычаями и порядками.

[8] Оба кушанья — поминальные. Халвойи тар — сладкий кисель на жире. буй — жареные в масле кусочки теста.

Глава III

ОБРАБОТКА ВОЛОКНА

Большую роль в промышленности города играли ремесла, занятые обработкой волокна. Бухарцы считают, что одних только ткацких станков в самом городе и непосредственно примыкающих к нему пригородах насчитывалось от 10 до 12 тысяч. Хотя, возможно, эта цифра сильно преувеличена, все же косвенно она может дать представление о размерах ткацкого производства в Бухаре. Паблюдавшие жизнь города путешестьенники и купцы, начиная с Дженкинсона, отмечали, как наиболее развитую, именно эту отрасль ремесла.

В обработке волокна, помимо ткачей, были заняты красильщики, лощильщики, сновальщики, вязчики ремиз и гребней для берд, набойщики и другие. Ткачи делились по видам вырабатываемых тканей на *алачабофов, шойбофов, адрасбофов, бахмальбофов* и *румольбофов*. Ткачей, занимавшихся выработкой бумажных тканей, в изучаемый период уже не было, в прошлом же это производство занимало здесь главное место.

1. ВЫРАБОТКА БУМАЖНЫХ ТКАНЕЙ

Бумажные ткани вырабатывались в Бухаре с глубокой древности. О бумажных тканях говорится у Наршахи — упоминаемые им *зандаджи* были хлопчатобумажными. Еще з начале XIX в «зендени» или «зендежи» (как эти ткани называют русские авторы) составляли один из основных предметов торговли Средней Азии с Россией. Пебольсин говорит о них, как о бумажных тканях синего цвета. По-видимому, именно к «зенденям» относятся хранящиеся в Самаркандском музее куски ткани сине-зеленого цвета, служившие для застилания пола в крупнейших мечетях города.

Из упомянутых Наршахи занданичи красного, белого и зеленого цвета (سرخ سفید و سبز) до нашего времени дошли белая ткань, которую мы видим в различных сортах маты *карбос*, и зеленая. Ее можно было еше встре-

тить в вещах, изготовленных в конце XIX— начале XX в. Традиционным предметом были, например, сделанные из нее садовые палатки *чодир*, составлявшие обязательную принадлежность быта богатых купцов и знати.

О производстве бумажных тканей в Бухаре XVIII в. мы имеем сообщение П. Григорьева и Филиппа Ефремова. Последний отметил, что «особливо же здесь в великом количестве родится хлопчатая бумага, из коей прядут пряжу, а из пряжи ткут чадры, широкий холст, с которого в России делают полуситец, набойку, кисеи, пестреди, выбойки, фаты, бурметы, бязи и другие разные ткани и отвозятся в другие государства»[1]. К началу XIX в. относится сообщение, что в Бухаре «городские жители занимаются ремеслами и рукоделием. Ткут бумажные материи, красят их...»[2] А. Вамбери указывает на большое потребление в Бухаре **алачи**, причем подчеркивает, что, в то время как в Хиве ее ткут из бумаги и шелка, в Бухаре, как и в Коканде, алача делается из одной бумаги[3].

Из записанной П. В. Русиновой беседы со старым ткачом Аброром Махмудовым видно, что сами мастера еще хорошо **помнили, что шелкоткачество в Бухаре** раньше не **имело** такого массового характера, как в конце XIX— начале XX в. До того Бухара больше славилась выработкой бумажных тканей. Еще дед Усто Аброра ткал бумажную алачу.

В изучаемый период из бумажной пряжи в небольшом количестве здесь производилась **ткань** *кялями*[4]. Не вырабатывали для себя в семьях ткачи полушелковых тканей, где всегда мог оказаться излишек бумажной пряжи, и ткань доставалась, как говорят ткачи, «даром». Промышленное производство этой ткани — дешевой и не требовавшей тонкой техники — было сосредоточено в сельских районах. В конце XIX — начале XX в. крестьяне производили ткани в той «системе домашнего производства», которая сложилась уже в X—XV вв.[5]. В дехканских хозяйствах **женщины** пряли собранный с собственного поля хлопок и ткали грубые ткани для своей семьи. **Мужчины** также занимались этим в зимнее время, свободное от полевых работ. Обеспечивая тканями

[1] Филипп Ефремов, указ. соч., стр. 26.

[2] Некоторые сведения о Бухарии, «Отечественные записки», 1821, ч. VI, стр. 48.

[3] А. Вамбери, указ. соч., стр. 154, 351.

[4] *Кялями* — плотная грубоватая ткань из кустарной пряжи, в синие и красные полосы. Эта ткань служила обычным материалом для мужской верхней одежды небогатых горожан.

[5] А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», Л., 1933, стр. 6 и др.

своей работы прежде всего свою семью и продавая излишки, крестьяне довольствовались самым ничтожным заработком. Городские ткачи, отделенные от сельского хозяйства, не могли с ними конкурировать в дешевизне своей продукции, и поэтому от производства бумажных тканей к изучаемому периоду отказались[6].

Бумажная алача, о широком потреблении которой в Бухаре говорит Вамбери и о производстве которой помнят еще бухарские ткачи со слов своих отцов и дедов, отличалась от калями более тонкой и ровной пряжей, насыщенной многоцветной расцветкой полос и синим утком. К изучаемому периоду ее в Бухаре не производили даже для себя; для алачи были нужны высококачественная пряжа, большие затраты на окраску и кропотливый, тщательный труд квалифицированного ткача. Все это было гораздо выгоднее употребить на выработку более ценных тканей — шелковых или полушелковых.

Несмотря на то, что в самой Бухаре бумажная алача не производилась и не потреблялась, ее было много на бухарском рынке, так как на нее имелся спрос со стороны многочисленных приезжих — крестьян из окрестных и более отдаленных селений, и торговцев, вывозивших эти ткани в другие места. В Бухару алача попадала из крупных промышленных селений бухарских туманов («джондорская алача»), из Самарканда, Ургута и других мест.

2. ВЫРАБОТКА ТКАНЕЙ ИЗ ШЕЛКА

Искусство обработки шелка было развито в Средней Азии еще в глубокой древности. Некоторые ученые высказывают предположение, что «Иран и Туркестан (Средняя Азия) — родина шелковичного червя, производившего желтые коконы»[7]. Известно, что в VI в. шелк вывозился из Средней Азии в Иран[8]. Это свидетельствует о значительном развитии здесь шелководства.

За последнее время накоплено немало сведений, доказывающих развитие производства шелковых тканей в Средней Азии эпохи арабского нашествия. По свидетельству Табари,

[6] То, что деревенский ремесленник, связанный с землей, довольствовался более низкой оплатой труда, по сравнению с городским работником, отмечено В. И. Лениным и в отношении России (Сочинения т. 3 стр. 388—389).

[7] И. П. Петрушевский, приводя это мнение д-ра Таки Бахрами, считает, что оно «возможно, не лишено вероятия» («Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.». М.—Л., 1960, стр. 166).

[8] Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946, стр. 227.

шелковыми тканями оплачивалась служба воинов[9]. Образцы древних тканей, среднеазиатское происхождение которых недавно удалось доказать[10], представляют собой произведения высокой технической и художественной культуры, свидетельствующие о наличии здесь старых традиций в выработке тканей из шелка.

Дальнейшая история среднеазиатского ткачества остается пока одним из неизученных вопросов исторической науки. Известно, что в более позднее время обработка шелка не имела здесь такого развития. Среди историков, следовавших в этом за В. В. Бартольдом, было распространено мнение, что искусство обработки шелка в Средней Азии совершенно исчезло и было восстановлено лишь в XVIII в. «в Бухарском ханстве под влиянием Персии, как в Кокандском — под влиянием Китая»[11]. При этом восстановление шелкоткачества в Бухаре связывается с поселением там жителей Мерва, насильственно переселенных Шахмурадом в свою столицу[12].

От этой точки зрения надо отказаться. К настоящему времени накоплено множество фактов, доказывающих, что и до XVIII в. в Бухаре производство тканей из шелка имело значительное развитие.

Правда, **Наршахи,** как и его переводчик **и** соавтор **Абу** Наср Ахмад Кубави, которому, вероятно, принадлежит описание торговли тканями в сельских районах Бухары[13], о шелковых тканях не упоминают, а производимые в Бухаре хлопчатобумажные ткани описывают как высшее достижение среднеазиатского ткачества — из них «все вельможи и цари шьют себе одежды и покупают по той же цене, что и парчу[14].

[9] А. М. Беленицкий и И. Б. Бентович, Из истории среднеазиатского шелководства, «Советская археология», 1951, № 2, стр. 71.

[10] См. указанную статью А. М. Беленицкого и И. Б. Бентовича. Отметим лишь, что их мнение о том, что позднее (в X в.) термин «ардаджечи» был перенесен на **бумажные** ткани под **влиянием** прекращения импорта шелка из Китая, недостаточно **убедительно:** в Средней Азии производилось достаточно своего шелка. **Причину** не прекращения, а, вероятно, сокращения шелкоткачества можно скорее искать во **внутреннем** положении страны, находившейся в периоде распада рабовладельческого строя и становления феодального общества.

[11] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 108.

[12] Сводку сведений источников о производстве шелка и шелковых тканей в Мерве дал В. Жуковский (Древности закаспийского края. Развалины старого Мерва, «Материалы по археологии России», 1894, № 16, стр. 15, 16, 17, 20, 25).

[13] Многие места источника, трактующие вопрос о производстве тканей, возможно принадлежат не Наршахи, а его переводчику и соавтору Ахмаду бен Насру Кубави и, следовательно, относятся к XII в. (К истории городов..., стр. 32).

[14] Наршахи, стр. 23—24.

Но в более поздних источниках, начиная с XVI в., встре□ чается много упоминаний о производстве в Средней Азии, в том числе и в Бухаре, шелковых тканей. Это с полной убе□ дительностью доказывает, что если производство тканей из шелка в той или иной мере прекращалось, то между XII и XVI в. оно было восстановлено.

Бабур говорит о производстве малинового бархата в Са□ марканде, Дженкинсон сообщает о вывозе из Бухары шелко□ вых тканей в Индию и в Россию. Нотребление в Бухаре шелковых тканей было немалым (конечно, лишь в среде зна□ ти и, возможно, крупнейших купцоз). Об этом свидетельству□ ет тот факт, что бухарцы импортировали пестрые шелка из Ирана, а атлас, кямху — из Китая[15]. В недавно изданном списке ремесел Бухары, составленном по казанским доку□ ментам XVI в., упоминаются пачи шелковых материй (пно-хубафон), при этом вырабатывавшие шелк чрезвычайно вы□ сококлассный — кимхоб (пиоун).

Источники позволяют проследитв существование шелко□ ткачества в Бухаре с XVI в. Дженкинсон и казанские доку□ менты, как мы видели, засвидетельствовали производство шелковых тканей в Бухаре в середине XVI в. Бухарский по□ сол Мулло Фаррух, который приехал ко дьору московского царя Алексея Михайловича в 1671 г., сообщил, что «в Бухаре выделывают кидяки, зендени, китайки, а камок и атласов мало и те обыкновенные»[16]. Это подтверждает высказанное выше мнение, что наряду с производством бумажных тканей, в Бухаре выделывали и шелковые ткани. В XVII в. бухарской промышленности требовалось шелка больше, чем его произ□ водили в районах Бухарского ханства. Но сведениям купца Пазухина, «в Бухаре шелку на отъоз не делают, потому что у них много расхода в Бухарах». Бухарцы за шелком ездили в Хиву и «покупали его на отвоз»[17]. Купец Н. Григорьев (се□ редина XVIII в.) отмечает производство в Бухаре «шелковых парчей», бархата и «других шелковых, также бумажных ве□ щей»[18], а Ф. Ефремов (семидесятые годы XVIII в.) подробно описывает производство тканей в Бухаре. Он сообщает, что в Бухаре «выкармливаются шелковые черви, кон производят множество шелку, из коего ткут парчи полосатые с золотыми

[14] Дженкинсон, указ. соч., стр. 184.

[15] В. А. Уляницкий, Сношения России с Индией и Средней Азией в XVI—XVII вв., «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских», кн. 3, 1889, стр. 43.

[16] Там же, стр. 42.

[17] В. В. Вельяминов□Зернов, Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул□Хаир□хана (1748—1769 гг.), приложение, т. I, Уфа, 1853. (Цит. по «Истории народов Узбекистана», т. I, книга вторая, стр. 19).

и серебряными узорами, атласы, бархат, **мафрематы, кутни** полосатые с золотыми мелкими травками и всякие другие **парчицы»**[19].

Среди упомянутых Ф. Ефремовым тканей не все находят себе аналогии с теми, которые производились здесь в XIX—начале XX в. В частности, среднеазиатские ткачи не применяли жокардовую (браную) технику[20], обеспечивающую получение тканого узора («парчи полосатые с золотыми и серебряными узорами», «кутни полосатые с золотыми мелкими травками»). Но полосатость тканей — типична для среднеазиатских традиций, и в «парчах полосатых», и «кутне полосатой» мы видим наши алачп и бекасаб],[21] Как мы видели, атласы и бархаты здесь умели вырабатывать и раньше.

Мы не собираемся отрицать большую роль переселенцев из Мерва, принесших в Бухару сложившиеся традиции шелкоткачества со своей прежней родины, они внесли немалую ленту в развитие этого промысла в Бухаре. Однако влияние их искусства не было «влиянием Персии», как рассматривает его В. В. Бартольд. Мерв был исконным среднеазиатским городом, хотя нельзя отрицать наличие экономических, политических и религиозных связей с Ираном, особенно после того, как Мерв вошел в состав Сефевидского государства и значительная часть населения города сделалась шиитской.

льная часть населения города сделалась шиитской.

К концу XIX— началу XX в. выработка тканей из шелка в Бухаре достигла исключительного развития. Изменение всего направления ткацкой промышленности Бухары произошло очень быстро. К концу XIX в. здесь производились уже только шелковые и полушелковые ткани. Производство различных сортов их было развито неодинаково. О степени развития той или иной отрасли можно судить по приводимому Н. В. Рутиковой отзыву одного из ее информаторов: он считал, что **адрасбофов** было в Бухаре в 5 раз больше, чем бекасаббофов, а **шойбофов** — в три раза больше, чем адрасбофов.

На производстве различных видов тканей специализировались разные этнические группы, что, несомненно, указывает на различный генезис тканей.

Особое место занимали полушелковые ткани: два сорта полосатых (*алача* и *бекасаб*) и ткань адрас в пестрый (аб-

---

[19] Филипп Ефремов, указ. соч., стр. 26.

[20] Принцип орнаментирования среднеазиатских, в том числе и бухарских тканей совершенно иной: носителем орнамента является здесь основа, которая делается из наиболее качественных материалов и настолько плотной, что уток остается невидимым. В отличие от техники жокардового тканья уток не участвует в образовании узоров.

[21] В. Даль слово «кутня» объясняет как «азиатская полушелковая ткань аладжа» (Толковый словарь, II, стр. 227).

ровый) рисунок. Их отличительными чертами была шелковая основа, несущая узор, и бумажный, более толстый уток, бла□ годаря которому на ткани получался характерный попереч□ ный рубчик. Ткани эти дьухсторонние, так как ткались на дьух ремизах, простым миткалевым переплетением[22]. Го□ товые ткани выбивались **тяжелым** деревянным молотком *гудина*[23]. Благодари расплюшиванию шелковых нитей на тка□ ни получался муар. Своеобразной чертой техники тканья алочи и *бекасаба* является смачивание при тканье их бумаж□ ного утка, благодаря чему он прибивался очень плотно.

Разнообразные сорта полосатых тканей, весьма традици□ онных в Средней **Азии,** несомненно, генетически связаны друг с другом. В производившихся повсеместно полушелковых, а **в** Бухаре **шелковых** полосатых тканях можно видеть более роскошные варианты широко распространенных **и** более древ□ **них бумажных тканей** — *адраса* и *алочи*[24].

Термин алоча является, по□видимому, уменьшительной формой *ала* — пестрый[25].

Этимология термина бекасаб менее ясна. В источниках встречается термин «кассаб» ( ), обозначающий многоцветную ткань «простую или с золотым шитьем»[26], из чего видно, что среднеазиатский термин «бекасаб» имеет в своем составе отрицательную частицу «бе» (без). В изучае□ мый период термин касаб был неизвестен.

Бекасаб и алоча отличались друг от друга не столько качеством или техникой тканья, сколько расцветкой: узор *бекасаба* состоял из мелких полос, алочи — из более широ□ ких полос. Алоча к XX в. в Бухаре стала производиться в более роскошном варианте из чистого шелка, с шелковым

[22] Этим объясняется распространенное в Ферганской долине название адраса — ДУруя (*тадж.* двусторонний).

[23] В Самарканде и др. — кудупг.

[24] Это подчеркивается употреблением в Бухаре термина «алоча» для обозначения полушелковых и шелковых полосатых тканей. В других местах (Самарканд, Ургут), термин «алоча» обозначает только высоко□ сортную **бумажную** полосатую ткань, тогда как для обозначения полу□ шелковой **применяется** термин «бекасаб».

[25] Этот термин имеет полную аналогию в русском «пестрядь», кото□ рый, по В. Далю, означает полосатую или клетчатую ткань (Толковый словарь т. III, стр. 104).

[26] См., например, И. В. Петрушевская и др., История Ирана с **древнейших** времен, гл. **VIII, Л,** 1958, стр. 287. В словарях термин имеет, среди других, значение муслин, кисея (Персидско□русский сло□ варь И. Д. Ясевич). В словаре اللغات غياث термин قصب объясняется как одежда, соткапная из **льна** и шелка: پانداز کتاب ادریث ریشم (Ли□ тография, стр. 19). Первое значение термина—„камышинка„ / :» позво□ ляет предполагать, что он перенесен на ткань по ее полосатому узору.

же утком. Такая алоча шла на мужские халаты бухарской знати.

Наряду с алачой и бекасабом в Бухаре вырабатывалось еще несколько менее ценных сортов полосатых тканей, в которых в основе перемежались полосы из бумажной и шелковой пряжи. Близкой к бумажной алаче была ткань *шоича*, в бумажную основу которой шелк вводился одного-двух цветов (обычно желтого или малинового), образуя неширокие полоски. Ткань «пари-паша», шедшая в основном на паранджи, имела в основе равное количество белого шелка и темно-синей бумаги, их чередование составляло узор в тоненькие полосочки, создающие ровный синевато-серый тон. В более ценном «багорасе» белого шелка было значительно больше, а темно-синяя бумага выступала тоненькими, чуть заметными полосочками. Уток во всех этих тканях употреблялся бумажный, синего цвета; он был невидим из-за высокой плотности основы.

Таким образом, в Бухаре завершился весь цикл развития полосатых тканей — от бумажных к полушелковым (*шоича*, пари-паша, бекасаб) и, наконец, к тканям с чисто шелковой основой. Самой последней ступенью развития полосатых тканей можно считать выработку полосатого канауса, употреблявшегося, как и бекасаб, на паранджи женщин из самых богатых семей.

Время появления полосатых тканей в Средней Азии неизвестно. Насколько можно судить по описанию Наршахи, в Бухаре X в. вырабатывались только гладкие ткани. В средневековых миниатюрах местного происхождения изображения одежды из полосатых тканей встречаются очень часто[27]. Автору случилось видеть также фотографию одного очень раннего блюда, на котором был изображен всадник в полосатом халате[28]. Если к сказанному добавить свидетельство Филиппа Ефремова о выделке полосатых тканей в Бухаре его времени, как о производстве высокоразвитом, успевшем накопить богатые художественные и технические тради-

[27] Например, в рукописи مجالس العشاق XVIII в. ИВ (?) АН УзССР, № 66. Каталог «Собрания восточных рукописей Академии наук УзССР», т. III. №2489. На одной из миниатюр изображена Ширин в полосатой одежде, на другой — знатный человек и его друг معشوق, оба в полосатых халатах.

[28] Эту фотографию автору показывал в 1946 г. А. Ю. Якубовский,

коричневый. Археологи относят появление этого типа керамики к VIII

ции (а это видно из перечисляемой им продукции бухарских ткачей), то можно утверждать, что полушелковые полосатые ткани — бекасаб и алача — имеют здесь многовековую исто□ рию. Они вырабатывались в Средней Азии во всех без ис□ ключения ткацких районах, и везде сложились свои стили орнаментации и расцветки, имелись бесчисленные варианты узоров, представлявших прекрасно найденные сочетания по□ лос разного цвета и ширины. В городах полушелковые ткани производили таджики и узбеки. Так называемые форсы и гарии в основном занимались выделкой чисто **шелковых** тканей. Так было и в Бухаре, и Самарканде.

Адрас — полушелковая ткань, по техническим показате□ лям близкая к **алаче** и бекасабу, отличалась от них своим абровым узором и более сильным лощением, доводившим поверхность ткани до зеркального блеска. Это достигалось смазыванием ее во время лощения взбитым белком яйца, смешанным с клеем.

Выделку адраса ткачи считают более трудной, чем выра□ ботку не только алачи и бекасаба, но и абрового канауса. При тканье всех шелковых тканей с таким рисунком ткачу был нужен опытный помощник — правшик основы *шитибар*, который следил бы за состоянием основы, смазывая ее **клей□ стером** и предотвращая искажение рисунка или обрыв нитей. Если при тканье чрезвычайно плотного бухарского **канау□ са** — выделка которого была делом очень трудным и слож□ ным — достаточно было одного шитибара, чтобы обслужить 2—3 станка, то при тканье адраса он мог следить лишь за одним станком. Таким образом, в его выработке участвовало три человека: ткач, правшик основы, равный ему по своей квалификации и одинаково оплачиваемый, и лощильщик. Понятно, что это очень удорожало стоимость ткани.

Раньше адрас очень ценился и считался наиболее богатой тканью, что нашло свое отражение в одном из названий адраса — подшохи (падишахский), имевшем очень широкое распространение, во многих местах совершенно вытеснив основное название ткани.

Этимология термина адрас неизвестна[29], неясно и проис□ хождение этой ткани. Но своему рисунку адрас близок к пестрым канаусам и бархатам, первый, вероятно, был заве□ зен извне, второй примыкал к местным старинным полосатым полушелковым тканям и, так же как и они, производился преимущественно ткачами из местных народностей.

Адрас вырабатывался во всех шелкоткацких центрах: в Бухаре, Самарканде, Маргелане, в Ходженте (ныне Ленин-

[29] В персидско□русском словаре этого термина нет.

абад). Бухарцы считали эту ткань своей, исконно местной и неоднократно отмечали, что «адрас — это дело таджиков. форсы ткали канаус» (адрас — кори таджиков, форс шохи бофи мекарлан)[30]. В Бухаре адрас вырабатывался и в западных кварталах города, где жили смешанно бухарцы и форсы, и в квартале Корхона, который, как было сказано, является, по-видимому, старым городским центром шелкоткацкого производства, в отличие от молодых районов города — Джуйбара и Хыебона.

Все эти факты заставляют нас считать, что адрас — ткань местного происхождения. У нас нет оснований для предположений, что ее производство возникло в Средней Азии под влиянием извне. Окончательное решение этого вопроса связано с выяснением происхождения техники абровой окраски основы, что должно явиться темой специального исследования с привлечением материалов по истории техники зарубежного Востока. В Бухаре адрас шел на праздничную, преимущественно женскую одежду, из него изготовлялись тюфячки, одеяла, чехлы для подушек, покрывала, заменявшие здесь декоративные выпускные — сузане. Бухарский адрас вывозился в Хорезм и Туркмению, Самарканд и Ташкент, кочевую степь, в Синьцзян и Афганистан.

Из-за трудоемкости производства, требовавшего слишком больших расходов, а также конкуренции со стороны чисто шелковых тканей, выделка адраса в конце XIX — начале XX в. почти прекратилась.

Таким образом, адрас предстает перед нами как один из старинных сортов тканей. В конце XIX в. адрас вышел из моды.

Среди роскошных сортов, на которые был спрос у богатых горожан и знати в Бухаре изучаемого периода, основное место занял канаус. Повсюду в Средней Азии он был известен под именем «шохи» (букв. «шахский»). Технической особенностью этой ткани является то, что она имеет шелковые основу и уток, равные по толщине. Поэтому ткань получается с плотной и гладкой поверхностью. Бухарские канаусы сильно отличались от канаусов, производившихся в других местах, своей плотностью. Это был жесткий, негнущийся шелк, почти не пропускавший воду. Плотность достигалась применением очень частой основы: сквозь каждое отверстие в гребне берда пропускалось до 6—7 нитей.

В Бухаре производство канауса держали в своих руках форсы — потомки переселенцев из Мерва. Но в конце XIX—

[30] Слова форса-ткача из Джуйбара.

начале XX в. появились в городе ткачи канауса из местных бухарцев; их было немного и обучались они, по свидетельству мастеров, у форсов. Производство ткани было сосредоточено в кварталах Джуйбара и в пригородах, где жили форсы: в Джуйбари беруп (за Каракульскими воротами), в с. Шергиром (за одноименными воротами), в Кучкормахалля, Тоторомахалля, Хонабод, Кумрабод (он же Дарвозайи калом).

Все эти факты показывают, что происхождение производства в Бухаре канауса можно связыватв с переселением сюда форсов из Мерва.

В руках форсов в изучаемый период находилось и производство бархата *бахмал*. Однако оно не было завезено сюда переселенцами из Мерва. Это явствует из упоминания производства бархата Филиппом Ефремовым, не говоря уже о вышеприведенном свидетельстве об этом же Бабура. Следует в этой связи особо отметить, что в Самарканде воспоминания о былой выработке бархата сохранились не у живуших там иранских держателей производства канауса, а у таджиков, жителей пригородных кишлаков.

В Бухаре бархат вырабатывался и с шелковым и с бумажным утком, чаше всего пестрый, с абровым узором. Меньше выпускался гладкий бархат прекрасного малинового тона, который можно сопоставитв с самаркандским малиновым бархатом, описанным Бабуром. Бухарский бархат пользовался большим спросом во многих областях Средней Азии.

Производился в Бухаре и атлас. Он ткался в небольшом количестве, дьух сортов — с бумажным и с шелковым утком. Атлас выпускал, например, наряду с другими тканями, крупный ткач-предприниматель, хозяин мастерской по выработке **аачи** — Казокджони-алоча. Его атлас отличался своим утком из красной фабричной пряжи (сурхи мапютин).

Значительное развитие получило в Бухаре производство платков и шарфов *румоль, лачак* с мелким тканным узором *тарма*. Платки были квадратные и пользовались спросом как в самой Бухаре, так и в окрестных районах, частью — в Афганистане; шарфы (1 м X 2,5 м), выполненные техникой *атлас*, вырабатывались для Туркмении.

В Бухаре изготовляли также в небольшом количестве ткань для тонких, прозрачных платков *калагай*, украшавшихся затем сложными набивными узорами. Эта ткацкая специальность называлась здесь *джонбофи*. Ткачи таких платков *калагайбоф, джонбоф* были исключительно из местных еЕреев, главным образом из слободы Амиробод. Так как исконное бухарское население этой техникой не владело — она была распространена в Ферганской долине, поставлявшей Бухаре большую

часть ткани этого сорта — можно предполагать, что производство калтая в Бухару было завезено из Ферганы, куда оно, возможно, проникло из Китая.

Выработка калтая очень своеобразна и резко отличается в техническом отношении от других среднеазиатских тканей. Калгай ткут из неотъаренной грежи, и сначала получают ткань-полуфабрикат (доройи). Для того, чтобы она превратилась в готовую ткань, необходима специальная отделка, которая описывается ниже.

В выработке шелковых тканей бухарские мастера достигли исключительного мастерства, не имея себе равных во всей Средней Азии. Лишь Ферганская долина — в основном Маргелан — могла противопоставить достижениям бухарских ткачей свои великолепные хан-атласы. Однако бархат умели вырабатывать только бухарцы, а качество бухарских абрисов и канаусов, плотных и богато орнаментированных, было в XIX — начале XX в. значительно выше ферганских.

В Бухаре для выработки почти всех тканей употреблялся станок обычного для Средней Азии типа. Он имел опускаемые нажимом педалей ремизы (гуля), число которых определялось сортом ткани, бердо (гет), укрепленное в подвижной деревянной раме (дасах, из дастах) и навой (навард). Станок устанавливался на колышках или вкопанных в землю бревнах, несколько выше уровня земли; подножки (полипиль) опускалась в яму (чахча), на края которой опиралась дощечка, служившая сидением для ткача. Бухарский станок отличался от станков подобного типа утяжеленной рамой берда, в нее с этой целью наливался свинец. Это было необходимо, так как в Бухаре выделывались особенно плотные ткани, что затрудняло прибивку утка.

Характер тканья определялся числом ремиз и чередованием нитей основы. Двусторонние ткани простого миткалевого переплетения (алоча, бекасаб, абрас) ткались на двух ремизах, при двух педалях; более плотный канаус, хотя имел такое же переплетение нитей, ткался на четырех ремизах, но соединенных попарно с двумя педалями. Платки тирма, имевшие тканный узор и шашечку, ткались на четырех ремизах и четырех педалях, которые нажимались в порядке I—IV, II—III (справа налево) или I—II—IV—III, что давало узор «соловьиный глаз» (чашми бульбуль).

Наиболее сложно было тканье бархата. Основа его была двухрядная, одна — для ворса, шелковая, орнаментированная перевязкой в узор гор, другая — одноцветная, из некрученого шелка (хомак-бершум) или бумаги, держащая уток. Навоев тоже было два: к одному (пеш-навард) прикреплялась шелковая основа, которая затем, перейдя через ремиз-

ный аппарат, поднималась к потолку, на катушки блоков (ғарғара), как при тканье всех других тканей; но здесь основа должна была быть натянута слабо, поэтому к ее спускающемуся до земли концу привешивался небольшой груз (1—3 кг). Второй ряд основы прикреплялся ко второму навою (пас-навард), от которого она шла на раму (шамьдастак), укрепленную на расстоянии двух метров от ремизного аппарата. К перекинутым через эти рамы концам основы привешивались тяжелые грузила (два, по 10 кг в каждом), чтобы обеспечить сильное натяжение основы. Станок имел шесть ремиз и пять педалей. Две ремизы (I и II) держали бумажную основу и имели одну общую педаль, четыре ремизы (III—IV—V—VI), прикрепленные каждая к отдельной педали, были вязаны на шелковой основе, образующей ворс. Порядок нажатия педалей был следующий: I и II одновременно, потом VI—III отдельно, затем I и II одновременно, потом все четыре педали с шелковой основой (III—IV—V—VI) — нажимались сразу, обеими ногами. После этого в основу вставлялся отливавшийся ремтагарами тонкий бронзовый прут — (миль), на который ложилась шелковая основа для ворса, и ткач перерезал ее острым ножом-бритвой (поку), имевшим небольшой выступ, которым нож зацеплялся за медный прут: этим обеспечивалась ровность среза. Основа тут же поднималась в виде ворса и закреплялась плотно прибиваемым утком. Пачиная ткатв, делали безворсную полоску (якранг, сари-кор), нажимая по порядку все педали.

Чтобы не мять ворса, ткач не наматывал сотканную ткань на валик, а ткал до тех пор, пока его руки доставали до зева. Под конец он вынужден был ткатв стоя и почти ложась на станок, чтобы дотянуться. Это был труд невероятно утомительный, гораздо более тяжелый, чем труд ткачей других специальностей.

3. ПРЯДЕНИЕ ХЛОПКА И РАЗМОТКА КОКОПОВ

Несмотря на прекращение производства бумажных тканей, бухарским ткачам была нужна бумажная пряжа для утка полушелковых тканей. Поэтому в изучаемый период в городе производились все процессы по первичной обработке хлопкового волокна, вплотв до прядения.

Ткачи, специализировавшиеся на выработке полушелковых тканей, осенью закупали хлопок местного сорта (новые сорта хлопчатника в ханстве почти не сеяли), и отдавали его в очистку. Руками освобождали волокно от коробочек, а затем очищали его от семян на небольшом деревянном

станочке *хаддаджи*, примитивном, но очень остроумно сконструированном. Он состоял из вертикальной рамы и двух установленных на ней горизонтально валиков, которые, вращаясь при помощи рукоятки по направлению друг к другу, захватывали волокно, не пропуская семян. Семена скатывались по прикрепленной к станку тряпке в сторону работающего, в то время как чистый хлопок собирался по другую сторону станочка.

Работа производилась женщинами. Очистка хлопка выполнялась как в дехканских семьях, так и горожанками по заказу крупных ткачей.

Еще в 1826 г. Мейендорф наблюдал работу станка[31]. Но на русских фабриках специальных машин не было даже в начале второй половины XIX в. и, не умея освободить хлопок от семян, их просто дробили на мелкие кусочки, которые оставались в волокне и переходили на ткань. При этом из семян выдавливалось масло, которое пачкало волокно, мешало его окраске, что сильно ухудшало качество тканей[32].

Для выработки **бумажной** пряжи здесь употреблялась ручная самопрялка — чарх обычного для Средней Азии типа. Однако бумажной пряжи, вырабатываемой в городе, бухарским ткачам не хватало, и пряжа завозилась сюда из сельских районов.

В сельских районах Бухарского ханства выработка бумажной пряжи на продажу по-видимому, очень распространена. Небольсин пишет, что бумажная пряжа, поступавшая в Россию из Средней Азии, была исключительно из Бухары[33]. На городском базаре продавались мотки кустарной пряжи (калава), которые поставлялись торговцами, скупавшими ее в туманах. Начиная с конца XIX в., бухарские ткачи, наряду с кустарной, стали применять фабричную пряжу.

В Бухаре потреблялось большое количество шелковой пряжи. Она производилась в городе и его пригородах — Аушор-махалля, Ушод и других. Кроме того, шелк завозился из более отдаленных центров шелководства: Рометана, Комиджара (Вобкентский район), Каракуля, Хатирчи и города Карши. Но лучшая шелковая пряжа, идущая на ткани высших сортов, могла производиться преимущественно в самой Бухаре, где имелись мастера самой высокой квалификации, хорошо приспособившиеся к потребностям бухарского ткачества.

[31] Bar. Meyendorff. Voyage... p. 217.

[32] В. Долинский. О торговле с Бухарой. «Наше время», 1860 г., №21, стр. 335.

[33] П. И. Небольсин. Очерки торговли России со Средней Азией. «Записки ВОРГО», 1855 г., стр. 211.

Ноэтому мастера предпочитали, покупая коконы, производить размотку коконов в Бухари. Выработка грежи была делом очень тонким, требовавшим специальных навыков и знаний. В изучаемый период не оставалось и следа того положения, которое отметил цитированный выше автор начала XIX в., когда изготовлением бумажной и шелковой пряжи «в основном занимались женщины»[34], разматывавшие шелк самым примитивным образом, используя для этого туже самопрялку, которой они хорошо овладели в продолжении многовековой работы над хлопком[35].

В Бухаре конца XIX— начала XX в. размоткой коконов занимались в особых мастерских квалифицированные специалисты пиллякаш, имевшие по нескольку помощников, каждый из которых владел навыками для выполнения одной определенной операции.

Оборудование мастерской состояло из установки для разматывания коконов и различных приспособлений для размотки и кручения грежи. Распаривание коконов производилось в большом котле. Над ним было укреплено металлическое колечко, сквозь которое через блок (гаргара) нить шла к мотальному колесу. Шелкомотальщик пиллякаш был главным мастером, от искусства которого зависело качество пряжи, ее тонина и ровность. Держа в правой руке простой сучок с развилками на конце, он подхватывал им концы шелковых нитей от нескольких коконов, добиваясь нужной толщины пряжи. Если кончался один кокон, он подхватывал нить от другого, и долголетняя практика, приобретенная во время длительного ученичества и работы, позволяла ему регулировать толщину нити на ощупь. Качество бухарских тканей показывает, что здесь шелкомотальщики обладали настоящей виртуозностью.

Мотальное колесо (ок. 1 м в диаметре), вращал работник ночабаран при помощи железной ручки. Второй работник ноча-пиллякун при помощи колеса меньших размеров сматывал грежу на большие катушки. На третьем колесе (девчарх), очень большого диаметра, грежа крутилась. Исполнитель этой работы назывался чархгоб.

В дальнейшем грежа отваривалась в растворе поташа. К которому примешивался отвар сморчков ушна, придававший шелку белизну. Только после этого грежа становилась мягкой и пригодной для работы. Отъаркой грежи за

[34] Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца). «Справочная книжка Оренбургского Края на 1871 г.».

[35] Описание размотки шелка женщинами см. в книге О. А. Сухаревой и М. А. Бикжановой «Прошлое и настоящее селения Айкыран». Ташкент, 1965.

нимались **красильщики** *рангрез*. После того, как **пряжа** от□ варена, можно было приступать к следующему процессу — снованию.

4. СНОВАНИЕ ОСНОВЫ

Снование основы *тандан* в **Бухаре** превратилось в осо□ бый промысел. Это составляло особенность организации тка□ чества в столице ханства: во всех других центрах ремеслен- ной текстильной промышленности снование выполнялось са□ мими ткачами. Причина выделения этой операции в особую отрасль объясняется тем исключительным развитием, кото□ рое имело шелкоткачество в Бухаре. **Многочисленность** тканей, высокая товарность продукции обеспечили возмож□ ность дальнейшего разделения **труда,** более рациональной организации отдельных трудовых операций, **ведущих к** повы□ шению производительности труда.

В городе образовалось несколько центров, где производи- лось снование. Это были специальные мастерские (тани□ хэ), своеобразно организованные и сочетавшие производ□ ственный процесс с торговлей шелком (таким образом были не толь□ ко мастерскими, но и биржами, поэтому они помещались преимущественно в караван□сараях). Самая главная из них находилась в специальном караван□сарае неподалеку от Ре□ гистана. Мастерские имелись также и в других местах.

В каждой сновальной мастерской помещалось по несколь ку установок, принадлежавших разным хозяевам тандан. Эти установки были очень примитивны и вся техническая изощренность, которая проявлялась в разнообразии и высо□ ком качестве бухарских тканей, достигалась лишь благодаря тонкому владению своим искусством всеми специалистами, в том числе и сновальщиками, которые, по существу, обходи□ лись почти без орудий.

В сновальных мастерских готовили основу только для аб□ ровых тканей. Неокрашенная пряжа наматывалась на спе□ циальные приспособления (чилля), вроде больших веретен, сделанных из длинного стержня и укрепленных вокруг него тонких палочек, конусообразно сходящихся к верхнему кон□ цу. Нижний конец стержня втыкался в песок, и намотанная на это приспособление пряжа постепенно перематывалась на большие барабаны — воробы, **причем каждый отдельный** пучок пряжи (либит) в 50 нитей приводился в особое от□ верстие барабана, чтобы получилось переплетение для зева.

Основа сматывалась в большие клубки продолговатой формы (маштут), разного веса (от 4 до 6 кг) в зависимости от тонины шелковой пряжи. В каждом клубке была основа

на «40 одежд» — чиль либос (в Бухаре «одна одежда» имела меру 12 аршин). Хозяева установок для снования держали в своих руках и всю торговлю шелком. Они скупали грежу у мотальщиков шелка или у хозяев крупных мастерских, имевших шелкомотальню, отдавали грежу для отварки красильщикам, готовили основу (маштут) и продавали ее в готовом виде. Танигач и выполняли также заказы ткачей на снование шелковой пряжи, принадлежавшей заказчикам. Оплата производилась, согласно данным П. В. Русиновой, по весу: за каждый килограмм пряжи хозяева сновальных установок получали по дье танги. Они очень редко работали сами, полностью превратившись в торговцев, маклеров и предпринимателей, держателей наемных мастеров хальфа, руками которых и выполнялись все производственные процессы по подготовке пряжи и снованию.

Основа для полосатых тканей делалась из окрашенной в различные цвета и подобранной в узор пряжи, смотанной на крупные шпульки (зогута). Шпульки, заполненные разноцветной, подобранной в узор пряжей, устанавливались на станке, состоящем из двух длинных укрепленных горизонтально (обычно между столбами айвана) шестов с гвоздями, вбитыми острием вверх. В противоположную стену вбивали на расстоянии 3—4 метров друг от друга два вертикальные ряда гвоздей, внизу укреплялась деревянная развилка с тремя концами. Сновальщик, захватив в руку все нити со шпулек, ходил между обеими установками взад и вперед, постепенно переводя пряжу со шпулек на противоположную стену горизонтальными рядами, от гвоздя к гвоздю. Дойдя до низа, он каждый раз проводил нити через развилку, образовывая зев (бод). Основу сматывали в крупные мотки (маштут), затем она поступала на ткацкий станок или в продажу. Для полосатых тканей основа приготовлялась самими ткачами, в их мастерских. Пряжа поступала от красильщика на женскую половину, где женщины перематывали ее на крупные катушки (зогута) для снования основы, а для утка — на вкладывающиеся в челнок маленькие шпульки (ноча).

5. ПЕРЕВЯЗКА ОСНОВЫ

Подготовка основы для абровых тканей — нанесение на нее орнамента и перевязка (резервация) его отдельных частей для окраски — был отдельным промыслом.

Его происхождение неясно. В сводных трудах (таких как «Очерки по истории украшения тканей» П. Соболева) этот промысел отмечен только в Средней Азии[36]. В Китае, по-видимому,

[36] Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей, М., 1936, стр. 92—93.

этого способа не знали — традиции орнаментации китайского текстиля развивались в основном в области гобеленной (жаккардовой) техники. Шелковые ткани с абровым рисунком вырабатывались в Иране (по крайней мере, в XX в.). Может быть, именно их имел в виду Дженкинсон, когда писал о завозе в Бухару из Ирана «пестрых» тканей. К сожалению, у нас нет никаких сведений о том, вырабатывались ли абровые ткани в Мерве, что для выяснения истории их появления в Бухаре было бы особенно важно[32]. В перечне производимых в Бухаре шелковых тканей, сделанном Филиппом Ефремовым и отражающем состояние бухарской текстильной промышленности до массового переселения туда мервцев, абровых тканей мы не находим.

Исходя из этого, можно было бы связать появление абровых тканей с поселением в Бухаре переселенцев из Мерва. Однако против этого говорит, во-первых, традиционность абровой ткани адрас, распространенной в прошлом и в Бухаре, и в других районах Средней Азии, а во-вторых, наличие в отдаленных ткацких центрах (Пурата, Каршн) техники примитивной перевязки некоторых из входящих в узор полос традиционной для Средней Азии алачи.

В этой скромной попытке обогатить узор полосатых тканей нельзя не видеть зародыш пышно развивавшегося в Бухаре искусства орнаментации абровых тканей. Способом перевязки орнаментируется и так называемый гиссарский шелк, отличающийся грубой шелковой пряжей и простым рисунком. Эти факты свидетельствуют, что способ перевязки, возможно, возник в Средней Азии, и Бухара, где абровые ткани были представлены особенно богато, сыграла не последнюю роль в развитии этого искусства.

Способ перевязки основы применялся в производстве как адраса и бархата — тканей, имевших вероятнее всего местное происхождение,— так и канауса, завезенного, по-видимому, из Мерва.

В изучаемый период искусство орнаментации абровых тканей было чрезвычайно высоким, а сами абровые ткани являлись ведущими в бухарской текстильной промышленности. Именно они, в основном, шли на экспорт и создали широкую славу бухарским тканям.

Всего в Бухаре было восемь мастерских по перевязке основы, они располагались преимущественно в Джуйбаре[33].

[32] В сведениях о производстве тканей в Мерве, собранных Жуковским из исторических источников, абровые ткани не упоминаются.

[33] В кварталах Шо-Малик, Хауз-и-нау, Дастор-бандон, Джуйбар, Мир-Лутфулл, Пой-истоил.

Процесс подготовки основы к перевязке начинался с деления ее на пучки *либит* в 50 **нитей** каждый. Эта операция называлась «корчубон кардан». Разделенную на либиты основу наматывали на деревянную раму, состоящую из двух брусьев, укрепленных в горизонтальном положении, на расстоянии приблизительно двух метров друг от друга. Перевязка производилась сразу на всех слоях, которые образовывала более чем стометровая основа. Разнообразие узоров для абровых тканей достигалось различным сочетанием известных, общеупотребительных мотивов. Но одному на **них** назывался весь узор[39].

В мастерской абрбанда работало несколько мастеров разной квалификации. Высшую представлял *нишонай*. Он наносил черной краской на основу отметки, обозначающие все детали узора, точно рассчитывая их по пучкам **либитов**. В Бухаре для *нишонанов* было столько постоянной работы, что они, в отличие от нишонзанов других шелкоткацких **центров**, сами **перевязкой** не занимались, а держали для этого специальных помощников — перевязчиков основы. Перевязчики **абрбанд** считались мастерами более низком квалификации. Но указаниям *нишонзано* они перевязывали основу толстой **бумажной нитью**, закрывая ею те места, которые не должны окрашиваться. Для многоцветного узора процесс перевязки и окраски производился два-три раза. Окраска выполнялась двумя красильщиками — *рангрезом* и кабудгаром. Доставка пряжи от одного красильщика к другому, а также окрашенной основы в мастерскую абрбанда осуществлялась заказчиком. В отличие от других городов, например от Самарканда, где многие ткачи были и прекрасными красильщиками, а некоторые умели делать и перевязку, *абрбанды* Бухары выполняли только специфические операции **и** никогда не занимались крашением. В этом, несомненно, сказалось более глубокое разделение труда, которого достигла высокоразвитая ремесленная промышленность города Бухары.

6. КРАСИЛЬНОЕ ДЕЛО

Громадную роль в производстве текстиля имело крашение. Оно распалось на две совершенно самостоятельные отрасли,

[39] Автору приходилось слышать названия следующих узоров: «лиыи жовиш» — круг с краями, вырезанными фестонами; «лаъли боло-абру» — круг, который сочетается с мотивом «брови» (в виде полумесяца); «лиыи бодомча» — круг, сочетающийся с изображениями миндалинок; «лиыи думи шер» — круг с хвостами льва (четыре элемента в виде загнутых кверху хвостов, охватывающих круг); «зомучча» — дыня (белые овалы на красном поле); «кордча» — ножички; «кирок» — косые полоски; «тахтача» — дошечки; «дойра» — бубен; «шох» — куст.

находившиеся не только в руках разных ремесленников, но и разных этнических групп.

Крашением горячим способом — *рангрези*, применявшимся для всех цветов, кроме синего, занимались мастера из бу□ харцев. Окраска холодным способом (кубовое крашение) *кабудгари* в синий цвет всех оттенков — от голубого до ис□ синя□черного — была в руках местных евреев.

Мастерских *рангрезхона*, где производилось крашение горячим способом и отъарка **грежи**, в Бухаре было четыре[1]; все они находились в кварталах Джуйбара[2]. В этом деле было занято до 40—45 человек. В каждой мастерской рабо□ тали и мастера□специалисты (от одного до трех) и человек девять мастеров низшей квалификации, учеников и подсоб□ ных работников. Хозяин мастерской тоже участвовал в про□ изводстве, нанимая себе в помощь мастера-халифа.

Известными в Бухаре красильщиками были **Саттори□ранг□** рез, Абду-Рахми рангрез, Раджаби-рангрез и Косимбой-рангрез — основной информатор, от которого были получены сведения как по красильному делу, так и по другим вопро□ сам текстильного производства. Красильщики обслуживали не только ткацкие станки Бухары и ее пригорода, но и го□ товили основу абровых тканей для крупных ткачей из Фер□ ганы, Ходжента, Самарканда.

В мастерскую рангреза шелк поступал в виде неотварен□ ной грежи. Здесь его вываривали в поташе (ичкор), а затем выбеливали вторичным вариванием в отваре сморчков (гушна). Эти грибы собирали по **берегам** рек и каналов; су□ ществовало поверье, что они падают с неба вместе с молнией и громом.

Нри окраске абровых тканей у красильщиков была выра□ ботана своя система и очередность **накладывания** краски на краску. Нри многократных крашениях основу прежде все□ го окрашивали кошенилью (кирмиз); в раствор примешивали в качестве притравы (хуриш) половинную дозу бузгунча. Кошениль и бузгунч толкли и замачивали в медной посуде. Это обеспечивало получение более чистых оттенков. На дру□ гой день кошениль и бузгунч кипятились, и замоченная в растворе квасцов пряжа опускалась в кипящий раствор. Во вторую очередь красили в испараке, добиваясь желтый цвет. Нротравой для него служил поташ, который смешивали **с** испараком, как только вода закипит. Крашение продолжалось недолго: если шелк передержать в кипящем растворе — жел□ того цвета не получится. В третью очередь шло кубовое **крашение.**

[1] Ургенджёп. Шайх Джалоль, Хауз нау, Пухтабофон.

Первые искусственные краски появились в Бухаре уже в начале 70-х годов; наряду с ними продолжали употреблять и естественные. Последовательно накладывая краску на краску, получали в узоре абра гамму из семи цветов: красный, желтый, синий, темно-зеленый (пистаки), фиолетово-красный (шафранон), оранжевый. Седьмым служил белый цвет неокрашенного шелка.

Распространены были получавшиеся при однократной перевязке основы и однократном крашении абровые ткани *якбаст* (одноперевязные) с белым узором на красном или зеленом фоне.

Окраска в синий цвет выделилась в особую отрасль, для обозначения которой имелся специальный термин — *кабудгари*. В красителя употреблялось индиго, завозимое из Индии через Афганистан; им торговали чаще всего афганские купцы. Мастерская красильщика-кабудгара была оборудована несколькими вкопанными в землю корпагами (хум), в которых разводилась краска. Так как крашение производилось холодным способом, операция эта была несложна, требуя, однако, специальных навыков в приготовлении красителя.

У красильщиков-рангрезов существовал институт хальфа. Хальфа при поступлении на работу получали аванс (бунак). Рангрезы образовывали особую корпорацию, возглавлявшуюся бобо и аксакалом. Бобо ведал отношениями между хальфа и их хозяевами.

Натроном ремесла красильщиков считался архангел Гавриил (Хазрати Джабраил).

7. ПОДГОТОВКА ОСНОВЫ ДЛЯ ЗАПРАВКИ В СТАНОК

После того, как основа была окрашена, ее подготавливали к заправке в станок, для чего она должна была быть поднята на ремизы и пропущена через гребень берда. Ремизы имели вид петель, которые вязались из бумажной пряжи. Вязка производилась вручную. Мастер гулябанд левой рукой ловко подхватывал одну за другой нити одного ряда основы, так, чтобы не спутать зев, и вязал на каждой нити петлю, затягивая ее на большой игле, лежащей поверх специальной дощечки, которую работающий держал в правой руке. Ремиза укреплялась на двух камышинках, из которых верхняя прикреплялась к подвижному блоку (бозингар), подвешенному над станком, а нижняя — к подножке (пошшол), нажимом на нее весь ряд основы можно было опустить, чтобы в открывшийся таким образом зев пробросить челнок с утком.

Второй ряд основы таким же способом поднимался на вторую ремизу, а если ткань было более сложным, то каждый ряд основы делился на несколько частей, поднимаемых на особые ремизы, каждая из которых была прикреплена к особой подножке.

Гребень берда (тег) делался из **расщепленных камышинок**, которые обстругивались при помощи особого приспособления — укрепленных под углом друг к другу острых лезвий, между которыми проводилась полоска **расщепленного** камыша. Затем камышинка разламывалась на равные частя, которые, привязываясь к дьум параллельным палочкам или камышинкам, и образовывали гребень берда. Чем тоньше была подготовляемая к тканью основа, тем тоньше обстругивались камышинки.

Термин «тег» представляет большой интерес для истории техники ткачества. Нрямое значение этого термина (тег — нож, лезвие) позволяет поставить его в связь с **бердом**, употребляемым при тканье на примитивнейшем станке *урмак*, применявшимся для тканья шерстяных тканей. Уток прибивался здесь деревянной доской, вырезанной в виде большого ножа или меча, называвшейся узбекским термином «кылыч» (меч). Но видимому, на гребень ткацкого станка, имевший то же назначение — прибивать уток,— было перенесено старое название. В этом реликтовом термине до нас дошло свидетельство преемственности, которая связывала сложный (сравнительно) станок, применявшийся в развитом городском ремесле, с **употребляемым** в женском домашнем промысле **самодельным,** крайне примитивным станком типа «урмак».

Сложный станок с педалями был **изобретен** много веков тому назад и просущестьовал, по крайней мере, больше тысячелетия: надо думать, что такое устройство станка уже знали бухарские ткачи времен Наршахи, так как трудно предположить, чтобы описанные им ткани, производстьо которых носило ярко выраженный товарный характер, вырабатывались на примитивных станках без педалей и пробрасываемого челнока.

Нри тканье на станке типа «урмак» уток, **смотанный** на палочку, не может пробрасываться — он осторожно, чтобы не спутать дьа ряда основы, проталкивается рукой сквозь зев. Нроизводительность труда, естестьенно, при этом очень низка, что никак не соотьетстьует товарному производству, описанному Наршахи.

Вязка ремиз и гребней чаще всего находилась в руках ремесленников дьух отдельных специальностей. Лишь иногда, после прохождения обучения у вязчика ремиз (гулябанд) и

вязчика берд (*тарпох, тегбанд*), мастер овладевал обеими профессиями.

В Бухаре вязка ремиз и гребней для берд производилась в мастерских-лавках. Ткачи покупали ремизы и гребни нужных им размеров, чаще всего в готовом виде. Продергивание нитей основы через бердо производилось с помощью крючка. Нити основы сращивались с нитями, на которых вязаны были готовые ремизы. Иногда ткач приносил в мастерскую вязчика ремиз и берд готовую основу *канттут*, и эти операции проделывались в лавке вязчика. При заправке в станок гребень вкладывался в тяжелый укрепленный подвижно деревянный футляр дисках, подвешенный над станком. Этим заканчивались все многообразные подготовительные работы и можно было приступать к тканью.

8. ОТДЕЛКА ТКАНЕЙ

После того как ткань снималась со станка, некоторые сорта ее подвергались дополнительной отделке — лощению или набивке на них узоров. Набивным орнаментом покрывались бумажные ткани чат', способ батикования применялся для орнаментации тонких шелковых платков *кялей*. Отделка тканей различными способами составляла особые промыслы.

Лощение (*пардозгари*) выделилось в самостоятельное ремесло, развитие которого определилось тем, что в Бухаре производились сорта тканей, обязательно подвергавшиеся лощению. Вот-прим это была бумажная алача; в изучаемый период лощильщики отделывали полушелковые ткани.

Лощили ткани на лощильном камне, поверх которого был укреплен, при помощи специально сваренной мастики, тщательно отполированный кусок очень твердого дерева *заранг*. Ткань отбивалась деревянным молотком (весом до 16 кг) на короткой ручке *гудунг*. Лощильщик работал попеременно обеими руками, только на мгновенье забрасывая молоток на плечо, чтобы удобнее было сменить руку. Работа была очень тяжелой, ее облегчал вырабатывавшийся длительной практикой навык.

Отбивка тканей производилась по-разному. Особенно тщательно отбивался адрас. В то время, как алача и бекасаб отбивались с одной стороны, адрас надо было отбивать с обеих, до зеркального блеска. Производительность труда была очень небольшая: в течение долгого рабочего дня лощильщик отбивал 5 парных кусков (*джура*) адраса.

В лощильной мастерской работал хозяин, его ученики и хальфа. Хальфа получал сдельно, вырабатывая 3—4 танга

в день, а сверх того хозяин обеспечивал им питание: чай, хлеб, горячую пищу. Ученичество было длительным и продолжалось 7—8 лет.

Лощильщики образовывали особую, корпорацию, возглавляемую бобо (или бобойи оксаккол), имевшим помощника *нойкор*. Патроном ремесла считался Хазрати Али (как и во всех профессиях, требующих силы и ловкости, например у канатоходцев).

Производство набоек (*читгари*) в Бухаре не было развито, хотя здесь находился один из крупных рынков **набивных** тканей. Бухарская набойка получила известность как определенный тип среднеазиатской **набойки, обладающий** особым стилем. Но набивные изделия продаваемые на бухарском рынке, привозились сюда **преимущественно из** туманов, где производством набоек **занималось** население **многих** крупных и мелких кишлаков таких, как Гиждуван, Вардонзе, Джочдор, Рометан **и** Читарон (получивши» по этому промыслу свое название). В городе, с его давно **возникшей** скученностью и постоянным недостатком воды, вряд ли были условия для значительного развития этого промысла и в прошлом.

Набойка в Бухаре, как и вообще в Средней Азии, производилась лишь на хлопчатобумажных тканях, и вся технология была разработана применительно к ним. Это было сложное производство, основанное на владении химическими реакциями и высоком развитии орнаментального искусства.

Тип среднеазиатской набойки хорошо известен. Красно-черный узор наносился штампами колыб, особыми для красного и черного цвета. Черный цвет получался от соединения окиси железа с протравой *буденчей* раствором, которого пропитывалась предварительно ткань. Красный цвет получался при отваривании ткани в растворе марены, окрашивавшей лишь те места, на которые положена квасцовая **протрава**[41].

Набойщики хлопчатобумажных тканей делились в Бухаре на *читгаров* и *рухгаровов*. **Первые** выделывали **набойку** обычного типа в черно-красных тонах. Отваривание производилось за городскими стенами, у ворот Талипоч и Мазар, так как делать это в городе эмирские власти запрещали, из опасения вызвать пожар, который мог **легко** возникнуть при скученности городской застройки. Вероятно, вне города производилось и прополаскивание тканей, для чего необходимо было обилие проточной воды, которого на территории города

[41] О технике набойки подробнее см. **написанный** автором раздел «Набойка» **в книге** 'Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», Ташкент. 1957, **стр. 49—50.**

не было. Самый же процесс набивки выполнялся в мастерской при доме мастера-горожанина.

Набойщики-румольсозы делали мелкие изделия, главным образом поясные платки. Узор набивался только черный, что не требовало кипячения. Изготовление набивных изделий с узором одного черного цвета, характерное для Бухары, представляет большой интерес с точки зрения истории этой техники.

Набивка красных и черных элементов орнамента была двумя различными операциями, каждая из которых могла осуществлятвся вне зависимости одна от другой. Вероятно, их изобретение не было одновременным и взаимосвязанным. Первым, по-видимому, был изобретен способ нанесения красных узоров. Это могло явится следующим шагом, который ткачи сделали после того, как было освоено производство одноцветных красных тканей.

Как мы видели, бумажные ткани красного цвета производились в Бухаре еще в X в., и можно сказатв a priori, что они окрашивались марена[12], с обязательным предварительным протравливанием ткани квасцами и последующим кипячением ее в растворе краски. Для получения на белой ткани красного узора достаточно было нанести протраву не по всей ткани, а местами, так как при кипячении окрашивались в красный цвет только протравленные участки.

Для нанесения черного узора используются иные вещества, применяется иная технология и несомненно, это было самостоятельным изобретением. В дальнейшем произошло соединение той и другой техники. Уже к концу XIV в. в Самарканде, оба способа — и нанесение черных узоров и сочетание их с красным цветом — слились в едином искусстве выделки тканей весьма высокого качества, орнаментированных красно-черными узорами. Фрагмент полуистлевшей набивной ткани, найденной в гробнице жены Тимура — Биби-ханым, по своему узору и технике выполнения очень близок к набивным тканям конца XIX—начала XX в. Трудно было бы отличить от последних и набойку, из которой сшита

[12] По-видимому, упоминание о марене встречается у Наршахи в тексте, принадлежащем, вероятно, Ахмаду Кубави. Среди товаров, вывозимых из селения Шарк, говорится о [illegible]. Н. Лыкошин прочел это слово как «руиия» (медь) (Наршахи, стр. 23). Вряд ли это правильно. Основным товаром на сельских базарах были бумажные ткани, причем в другом месте источника прямо говорится, что они были и красные (Наршахи, стр. 30). Конечно, они окрашивались марена, которая в Средней Азии, в том числе и в Бухаре, и культивировалась, и росла в диком виде. Медь же, как известно, в окрестностях Бухары не имеется, и вряд ли она могла быть предметом постоянной торговли на сельском базаре.

подкладка головного убора (кулох) бухарского суфия XVIII в. Мавлоно-Шарифа.

Близость техники и узора этих ранних образцов набойки к современным образцам свидетельствует о давности происхождения этого производства. должен был пройти длительный период поисков технических и художественных решении, прежде чем набивка тканей достигла того уровня, на котором стоят эти два самых старых образца набивной ткани.

Вопрос о том, не имеем ли мы в бухарском производстве платков с черным узором реликта более раннего этапа в развитии набойки должен быть решен отрицательно. Но, видимому, это явление более позднее, возникшее в результате приспособления промысла к специфическим условиям г. Бухары.

Несмотря на то, что бухарские набоечники проявили таким образом, большую гибкость и изворотливость, их промысел к началу XX в. пришел в полный упадок и был близок к исчезновению.

9. ВЫРАБОТКА ТОНКИХ ШЕЛКОВЫХ ПЛАТКОВ

Весьма своеобразным явлением в культуре бухарского текстиля было производство тонких, прозрачных платков. Они ткались из неотваренной грези и в результате получалась редкая жесткая ткань, напоминающая сито. Этот полуфабрикат приобретал свои настоящий вид в итоге многих трудоемких операций.

Несмотря на то, что в Бухаре такая ткань производилась в незначительном количестве, и большая часть потребной для Бухары неотваренной ткани завозилась из Ферганы, Бухара сделалась одним из центров производства платков калгай. Но сообщению информатора, который был сам калгайсозом, в Бухаре имелось до 300 мастеров этой специальности[43]. Эта цифра, вероятно, сильно преувеличена, но она, несомненно свидетельствует, что мастеров в городе было немало.

Здесь выполнялись наиболее трудоемкие операции, требующие большой профессиональной подготовки и художественной культуры. Ткань из неотваренного шелка мастер-калгайсоз вываривал, как и шелковую грежу, в растворе пота ша (ширкор). Орнаментация производилась способом батикования. На ткань накладывали деревянными штампами

[42] Они были сосредоточены в кварталах расположенных к югу от Самаркандских ворот — Шохи Ахси, Корхона Кози-калон

с вырезанными на них узорами резерв — водонепроницаемую мастику, — чтобы можно было, погрузив ткань в краси□ тель, окраситв се лишь местами, в соответствии с орна□ ментом. Мастика для резерва приготовлялась самими мастерами из клея (илк), воска (мум) и нутренаго живот□ ного жира (равгани чарби), которые растапливались **я кипятились** в котле. Покрытое застывшей мастикой изде□ лие (чопа□кор) отдавали в окраску синильщику: синим цветом окрашивался фон, узор оставался белым. Когда окрашенные изделия погружались в кипящую воду, мастика таяла и смывалась. Ткань мыли тщательно, с **мылом, чтобы** не оставалось никаких следов клея или жира. Передко не ограничивались однократным крашением и, после того, как был смыт первый резерв, наносился второй для окрашива□ ния в другой цвет, обычно желтвй. Иногда эта операция повторялась и в третий раз. Окрашивание в другие цвета (желтый, красный) производилось самими калгайсозами.

В Бухаре употреблялся и второй способ орнаментации таких платков — перевязка ткани платка, называвшаяся здесь, как **и** перевязка основы, **абрбанди.** Па ткань наносили раствором красной глины (кизил кесак) изображения про□ стейших фигур в виде кругов и колец. Отмеченные места плотно заматывались хлопчатобумажной нитью (калава), после чего ткань погружалась или кипятилась в растзоре краски. При этом перевязанные места оставались белыми, создавая узор в виде колец. Потом перевязывались другие места и ткань погружалась в следующую краску. Если хо□ тели создатв многоцветный узор, операция производилась до трех раз.

Красители употреблялись естественные: испарак для жел□ того цвета, кошениль (кирмиз) для малинового, руян и ба□ кам для красного. **Если** ткань преднолагали красить в жел□ тый цвет, ее подвергали протравливанию квасцами; для ко□ шенили протравой служил бузгунч. Готовые платки отби□ вались обычными лощильными молотками, от чего шелковые нити расплющивались и сливались.

В этом ремесле не было наемных мастеров — хальфа, зато ученичество длилось очень долго.

По сообщению престарелого мастера из квартала Шохи Ахси, его отец работал бесплатно у своего учителя 20 лет, а он сам — 10 лет у своего отца, и только после смерти последнего сделался самостоятельным мастером.

Патроном этого ремесла как и других ремесел, связан□ ных с нанесением орнамента (абрбанди и др.), признавался Ходжа Баховаддин имевшим прозвище Накшбанд.

Как видно из вышесказанного, разделение труда в производстве тканей получило в Бухаре значительное развитие. ПОЧТИ каждая операция выполнялась специально обученными работниками, владевшими небольшими по объему, но тонко разработанными техническими навыками. Благодаря этому производительность труда в условиях применения ручной техники стояла довольно высоко.

Отдельные операции производились чаще всего обособленными мастерами, не объединенными в одной мастерской. Организатором всего этого сложного процесса являлся хозяин ткацкой мастерской независимо от того, был ли это ткач-одиночка, или крупный предприниматель, на нем лежали все хлопоты как по заготовке основы, так и по выпуску готовой ткани. Нередко, в особенности в крупном (по масштабам того времени) производстве, он начинал с заготовки коконов и хлопка и превращения их в пряжу. Мелкие хозяева покупали на базаре мотки хлопковой пряжи (калава), а грежу у хозяев крупных ткацких или сновальных мастерских. Затем хозяин ткацкой мастерской должен был обеспечить превращение пряжи в основу, окрашенную в соответствии с предполагаемым узором. Если при производстве полосатых тканей снование выполнялось в самой ткацкой мастерской (после того, как пряжа отъарена и окрашена двумя разными специалистами по горячему и по холодному крашению), то в производстве абровых тканей она должна была пройти еще через сновальную мастерскую и мастерскую абрбанда, куда основа доставлялась по нескольку раз, возвращаясь к абрбанду после каждого крашения. Если вырабатывалась ткань, подлежащая лощению, то на хозяине ткацкой мастерской лежала также доставка своем продукции лощильщику, и только после этого готовый товар мог поступать на рынок.

Таким образом, организация выработки тканей, при глубоко зашедшем разделении труда, была крайне громоздкой. Только транспортировка сырья и полуфабрикатов из одной мастерской в другую требовала огромной затраты времени и сил. Трудоемкость всего процесса делала крайне невыгодной выработку тканей малыми мерами, па что должен был идти ткач, не располагавший средствами для закупки сразу большого количества шелка и для немалых затрат на его подготовки к тканью. Крупные мастерские, в которых подготавливалась основа сразу для нескольких станков, находились в гораздо более выгодных условиях, по сравнению с ткачом, работавшим в одиночку.

Таковы результаты исследования самого развитого из среднеазиатских промыслов, в условиях наивысшего подъема, которого он достиг в Бухаре конца XIX — начала XX в. Они показывают, что, несмотря на высокую товарность промысла, организация труда носила в нем формы, сложившиеся в далеком прошлом и приспособленные к уровню средневековой промышленности.

Как указывал В. И. Ленин, коренное преобразование всего способа производства могло произойти только на основе машинной индустрии, а этой ступени технического прогресса и развития производительных сил Бухара не смогла достигнуть даже в начале XX в. Несмотря на некоторое повышение производительности труда, происходившего, с одной стороны, в результате углубления разделения труда (и прежде всего дальнейшего выделения в отдельные отрасли детальных операций), а с другой стороны, — употребления завозных полуфабрикатов фабричного производства, текстильное производство Бухары продолжало сохранять громоздкую средневековую систему, при которой продукция проходила через несколько обособленных мастерских, принадлежавших разным хозяевам, представителям различных ремесел и корпораций.

Единственным прогрессивным моментом этого периода можно считать объединение мелких мастеров в крупные мастерские по подготовке пряжи (размотки коконов) и тканью. Это было важным шагом на пути перехода феодального ремесла к капиталистической мануфактуре, перехода от системы распыленной мануфактуры на дому к организации централизованного производства.

II. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТКАЦКОЙ РЕМЕСЛЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Система производственных отношений в ткацкой ремесленной промышленности Бухары представляет собою переплетение старых, традиционных для феодализма форм цехового ремесла с вызревавшими внутри их новыми отношениями, возвещавшими начало перехода к капитализму.

Внешне в среде ткачей многое оставалось по-старому. Сохранялись традиционные корпорации, объединявшие людей одной специальности как у ткачей, так и во всех подсобных отраслях.

Особенно развитый вид приобрела корпорация ткачей. В Бухаре их было так много, что они не могли уже оставаться в рамках одной корпоративной организации; ткачи делились по территориальному признаку на четыре части —

джиреб. Одна включала в себя всех ткачей Джуйбара, вто□ рая — Хиебона, третья — района Хаузи□песак, четвертая — хауза Козикалон. Сообщения говорят о том, что и бобо, и аксакалов у ткачей было по нескольку. Вопрос о членении корпорации ткачей остается недостаточно изученным, пред□ ставляя в то же время исключительный исторический интерес, так как деление на джиребы, возможно, было связано с древним членением всего города на четыре соперничавшие друг с другом части[44]. Но, конечно, не архаическими тради□ циями было порождено членение цеха ткачей, оно было вызвано жизненной необходимостью, явилось результатом развития в Бухаре текстильной промышленности и роста численности ткачей, которых уже не могла охватить одна корпорация.

В текстильной ремесленной промышленности продолжала сохранятся порожденная феодальными отношениями цехо□ вая иерархия — деление участников производства на самостоя□ тельных мастеров (усто), зависимых мастеров (хальфа) и учеников (шогирд).

У с т о и у с т с к о р. К мастерам (усто) причислялись все, кто имел самостоятельное дело, свою мастерскую. В изучаемый период мастера резко разделились на две группы: уст окор — хозяин мастерским, привлекавший наемный труд, и *устойи хунбоф* — хозяин мастерской, где работал он сам, обычно при участии членов его семьи (братьев, сыновей). В лице устокоров перед нами предстает та прослойка ре□ месленников, в среде которой начал складыватся класс предпринимателей□капиталистов.

Но сообщению ткача Аббора Махмудова, еше в 60—70-х годах крупных устокоров не было — самые богатые из них имели не более 4—5 станков[45].

С углублением социальной дифференциации среди ткачей и выделением из их среды крупных устокоров сокращалось число ткачей□одиночек, в большинстве переходивших на по□ ложение наемных мастеров-хальфа. Те же, кто сохранял еще собственную мастерскую и облик «самостоятельных» хозяев, на деле все больше теряли свою независимоств. Нодавляю□ шее большинство таких ткачей работало для кредитовавшего их скупщика, в роли которого чаще всего выступал крупный устокор.

Нрослойка устокоров, в свою очередв, не была однород□ на. Обшим для всех их было применение труда наемных

[44] См. О. А. Сухарева. Традиционное соперничество городов. Краткие сообшения Института этнографии АН СССР, 1958, стр. 123—131.
[45] Материалы Н. В. Пушковой.

мастеров. Однако размеры привлечения наемного труда бы□ ли весьма различны. Можно выделить таких устокоров, ко□ торые оставались еще на уровне старых феодальных отно□ шений и с другой стороны — крупных дельцов□предприним□ телей капиталистического типа. Устокора феодального от ус□ токора-капиталиста принципиально отличали — во□первых, различные размеры их предприятий, а во□вторых, степень их участия в производстве.

В старину устокор держал одного□двух, редко четырех хальфа и сам работал вместе с ними, как и остальные муж□ чины из его семьи. Для изучаемого нами периода наиболее характерной фигурой становится устокор, имевший не□ сколько десятков работающих на него хальфа и лично не участвовавши!"! в производстве, а иной раз его и не знавший. Информатор Н. Б. Русиновой, очень сведущий ткач Абдул Махмудов, перечисляя наиболее крупных и известных бухар□ ских устокоров и охарактеризовав размеры их предприятий, утверждал, что все они ремесла не знали, хотя и были вы□ ходцами из ремесленников (устозов). Таким образом, про□ цесс выделения капиталистов из среды ремесленников, в ходе их социальной дифференциации, в Бухаре был аналогичен тому, который проанализировал В. И. Ленин в отношении сельского ремесла в России[46].

Приблизительные размеры предприятий крупнейших бу□ харских устокоров рисуются по воспоминаниям информато□ ров. Некоторое расхождение в сообщаемых ими цифрах по□ нятно: ремесленники различных специальностей, выполняв□ шие определенные фупкции и работавшие на одного хозяина, не были сконцентрированы в одной мастерской: они жили в разных местах, нередко работали у себя дома и обычно не знали точного размера предприятия своего хозяина.

Все бухарцы единогласно называют крупнейшим устоко□ ром Казокджона (район Хиёбона). Очень сведущий мастер□ красильщик Косим-рангрез (около 1880 г.) сообщил, что у Казокджона было 120 станков, из которых 10—15 стояли в его мастерской, а остальные принадлежали надомникам, получавшим от него не только все материалы (подготовлен□ ную основу и пряжу для утка), но и питание (овкот). По материалам П. В. Русиновой, Казокджон имел 40 ткацких станков и шелкомотальню, а всего на него работало 70 ра□ ботников.

Размоткой утка занимались женщины из семей надомни□ ков. Для станков, работавших в мастерской при доме Казок□ джона, уток готовился (сматывался на шпульки) на женской

[46] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 316 и др.

половине, где кроме участвовавших в этом женщин из его семьи, были и работницы.

Казокджон выпускал разные ткани, но в основном специализировался на выработке алачи, в частности, чисто шелковой. За лучшим сортом ее в Бухаре упрочилось название «алачаи Казокджони». Ему же приписывается введение в производство канауса с узором в виде широких полос, как на алаче. Такой шелк, по сообщению, шел в Туркмению, Афганистан и Индию (Пешавер).

П. В. Русиновой был составлен, со слов Аброра Махмудова, список устокоров и дана краткая характеристика их предприятий. К сожалению, в этой записи остается неясным, как был организован в них труд, какие размеры имела собственная мастерская устокоров, сколько ткачей работало на них на дому. По хотя данные П. В. Русиновой неполны и, возможно, не вполне точны, они имеют большой интерес, давая некоторое представление о структуре ремесленной промышленности г. Бухары в изучаемый период[47].

Приводим этот список полностью.

1) Хаджи Исмоил выпускал канаус, на него работало 35 человек, 2) Ходжа Косым из пригородного селения Тотормахалля имел в своем распоряжении 25 станков, обслуживаемых 40 работниками; выпускал платки и канаус; 3) Пахтабой, жил в Джуйбаре (по-видимому, в квартале Пухтабофон), имел 30 станков и установку для размотки коконов, производил бекасаб, работало у него 60 человек; 4) Мирзо Карим, вероятно, из того же квартала, тоже выпускавший бекасаб, имел 40 станков, на него работало 70 человек; о) Хомиди-карокули из квартала Нухтабофон, производил бекасаб, имел шелкомотальню, держал 80 работников; 6) Муминджан-аксакал, выпускавший адрас, имел 25 станков, у него работало 50 работников; 7) Насир-арбоб также производил адрас, имел 12 станков; 8) Усто-Шариф с Хиёбона выпускал адрас, имел 20 станков; 9) Усто Гулом-адрасбоф из квартала Дастурбандон, имел 15 станков; 10) Усто Хафиз алочабоф из квартала Пухтабофон — 20 станков; 11) Усто Халим — алочабоф из того же квартала — 10 станков; 12) Усто Джурабой с Хиёбона, старшина (бобо) одной из частей корпорации ткачей, производил бархат, имел 12 станков; 14) Усто Ашур из Джуйбара, адрасбоф — 15 станков.

[47] Сообщение Аброра Махмудова тем более ценно, что он сам был сыном устокора.

Но сообщению информатора, все эти устокоры, хотя и происходили из семей мастеров,— были устозода, но ремесла уже не знали"[48].

В другом месте материалов Н. В. Русиновой мы находим имена устокоров Курбона — шамбофа, который располагал 25 станками, и Ходжи Шарифа — адрасбофа; последний имел 4 или 5 мастерских (дуконхона), в каждой из которых стояло по несколько станков"[49].

В Тотормахалля, где работало до 200 станков, был известен происходивший из семьи мастеров (устозода) Исмоил-бойбачи, имевший 30 ткацких станков и шелкомотальню, где работало три мастера-мотальщика и 12 подсобных работников. Ткацкие станки размещались в пяти или шести мастерских и обслуживались 45 работниками (30 ткачей и 15 иштибаров). Кроме того, он занимался скупкой продукции у мастеров-одиночек из небольшого кишлачка, расположенного в 4 км от города, снабжая их сырьем. В Тиме он имел две лавки, в одной торговал сам, в другой — его сын.

Кроме этого устокора, в Тотормахалля жил Ходжи-Мухаммад, располагавший 12—14 станками и владевший лавкой; Ходжи Худояр имел 10—15 ткацких станков и лавку, Усто Едгор владел 10 станками, он был единственным из халфа, выбившимся в устокоры; Усто-Гулом-Али — устозода, имел 8 станков, но был одновременно и землевладельцем; устозода Садык-бек имел 6 станков и лавку, но сам не работал; Усто Гулом — сарроф, имел 8—10 станков и одну лавку.

В селении Кумравот (Дарвозайи калон) были следующие устокоры: устозода Усто-Курбонча — владелец 40 станков, на которых работало 80 человек ткачей и иштибаров; Усто Нур имел 6 станков; Усто Хайдар — 8 станков, на пяти из них ткали его сыновья, на него работали также 12 халфа[50] (вероятно, **надомники).**

В производстве бархата, по-видимому, таких крупных производств не успело образоваться. По материалам Н. В. Русиновой, в с. Хонабад, где жили ткачи бархата, четыре самых крупных из них (Усто Турды, Усто Ашур, Хон-Ходжа и Усто Юлдош) не располагали более чем 3—4 станками, около десяти известных информатору ткачей бархата были мастерами-одиночками. Самым крупным производителем бархата был Домулло Ашур-Мурод, владевший 8 станками. Главной статьей его дохода было, однако, не тканье

[48] Материалы Н. В. Русиновой.
[49] Там же.
[50] Там же.

бархата, а его скупка — он являлся крупнейшим скупщиком всех бархатных изделий, вывозившим их в Хорезм и другие места[1].

Другие информаторы-бухарцы своими сообщениями несколько пополнили данные, собранные Н. В. Русиновой.

Усто Маджид Солихов помнил крупного устокора Усто Зокира Ушоти, у которого в домашней мастерской работало только два станка, но, кроме того, было немало (число информатор не знал) зависимых от него ткачей-надомников.

По словам ткача-шохибофа из квартала Чакар, крупными устокорами считались уже те, кто имел по 20 станков. Бывало, что половина их находилась в мастерской при доме хозяина, на остальных ткали у себя надомники, которым в подсобных процессах — размотке пряжи на шпульки — помогали жены и дети.

По сообщению более молодого информатора Остона Расулева (ок. 1900 г.), из с. Джуйбари беруп, ткача платков, ему известны устокоры, бывшие одновременно аксакалами ткачей, Гулом-кори-оксаккол, имевший в своей мастерской 4 станка и несколько надомников, и Бобо-Олим, который был избран старшиной ткачей и занимал эту должность лет сорок.

Среди перечисленных устокоров большинство можно без сомнения отнести к классу нарождавшейся в Бухаре национальной буржуазии. Организованные по **старинке** небольшие **мастерские,** которыми они владели, **составляли** незначительную часть их **предприятий,** основой которых были мастерские **целиком** зависимых от них **мастеров-надомников.** В то же время, такие фигуры, как **Усто Хайдар** из **с.** Кумравот, были хозяевами **типичной** феодальной мастерской.

Устокорам, предприятия которых целиком основывались на эксплуатации чужого труда, противостояли эксплуатируемые категории ремесленников — ученики и наемные мастера-хальфа.

К началу XX в., наряду с предприятиями капиталистического типа, в ткацкой промышленности Бухары продолжали существовать и отдельные мастера-одиночки уст ойи худбоф — типичные представители феодального ремесла. При отсутствии статистических данных трудно определить их удельный вес в общей массе ткачей. Несомненно, однако, что их **число** было сравнительно невелико и имело тенденцию к сокращению вследствие поглощения их предприятиями крупных устокоров, к которым они поступали на работу в качестве хальфа. Этот процесс шел не только в Бухаре, но и

[1] Материалы Н. В. Русиновой.

в других городах Средней Азии. Автор настоящих строк имел случай сообщить о большом удельном весе работавших на уставоре мастеров-надомников в Самарканде[52]. М. Пикулин отметил это для Ферганы[53].

Институт ученичества — одна из форм эксплуатации, порожденная феодальными отношениями, — был присущ все» отраслям ремесленной промышленности, в то время как хальфа имелись только в некоторых наиболее развитых отраслях.

Ученичество. В различных профессиях, связанных с производством тканей, ученичество длилось несколько лет. Ученик работал продолжительное время в ткацкой или ка- кой-либо иной мастерской, сначала на всякого рода под- собных процессах, начиная с приборки мастерской и кончая работой за станком. Кроме того, в обязанности ученика входила помощь жене хозяина в домашних делах. За все время обучения ученик платы за свой труд не получал. Лишь через несколько лет хозяин начинал давать ему раз в неделю немного денег на карманные расходы. Фактически же он работал бесплатно, хотя в последние годы ученичества производил продукцию наравне с другими мастерами. Однако перейти на самостоятельную работу он мог не иначе, как получив согласие своего хозяина. Лишь после этого он мог, не нарушая цеховой этики, представить старшине цеха образцы своего изделия и просить его разрешения на совершение обряда посвящения. Только устроив большое пиршество для членов цеха, поднеся в подарок своему учителю полный костюм и одарив цеховую администрацию, он мог сделатвся членом цеха, что давало ему право на самостоятельный труд.

В изучаемый период в системе ученичества у бухарских ткачей произошли глубокие перемены. В небольшую ткацкую мастерскую в этот период отдавали для обучения немногие. Обычно предпочитали мастерскую крупного известного устакора. По там, в отличие от прежнего порядка, обучением ученика занимался не хозяин, не участвовавший в производстве и часто не знавший его, а хальфа, который в этот период был нередко мастером самой высокой квалификации. Отношения между учеником и его учителем не могли оставатся прежними. Хальфа, которому не принадлежал продукт труда — ни своего, ни ученика, не был заинтересован в труде ученика. Поэтому обучение было платным, устано-

[52] Доклад «Ткачество в Самарканде» был прочитан на этнографической конференции в Ташкенте в 1944 г.

[53] М. Пикулин. Из кооперативной жизни Ферганы // «Фергансие областные ведомости», 1916, № 22, 24, 25, 27.

вился порядок, по которому ученик, научившийся мастерству у хальфа, расплачивался за это принятием на себя части (обычно половины) **бунака** хальфы-учителя. Таким образом, ученик оказывался **закабаленным** еще до того, **как** он стал мастером. Вместе с тем труд ученика, который для хозяина мастерской был теперь лишь подсобным работником, стал оплачиваться: **ученик** получал от хозяина мастерской небольшую плату (от **половины** до одной танги в неделю) **и** по несколько грошей (одно **мири** или 8 нулей) от хальфа, плативших ему за мелкие услуги и приборку мастерской (поэтому получаемая учеником плата **называлась** чахчарубй). Эти деньги скапливались им для расходов на посвящение[51]. Нри таком порядке у **учителя,** вероятно, **не** было стимулов задерживать при себе ученика дольше, чем это было необходимо для обучения профессии, поэтому срок ученичества сократился.

Эти изменения в институте ученичества повлекли за **собой** изменения и в ритуале посвящения, оформлявшем переход ученика на положение мастера.

В обряде принимали теперь участие в основном только хальфа. Хальфа-учитель давал разрешительную молитву *фотиха* на самостоятельное занятие промыслом; во время обряда препоясывания (*кемарбандон*) по сторонам посвящаемого стояли два хальфа. Из хальфа состояли преимущественно и гости — от каждой мастерской приглашалось на празднество один-два работавших там хальфа. Из самостоятельных ткачей на обряд приходило несколько стариков и обязательно присутствовали лица цеховой администрации: обычаи одаривать **их** халатами сохранился, от старшины цеха **зависело** устройство молодого мастера на работу[55].

Так сложился новый порядок прохождения ученичества открытый и описанный Н. В. Русиновой еще в 1940 г. Этот порядок уничтожил остатки патриархальности в отношениях между хозяином мастерской и учениками. Ученики на предприятиях устокоров постепенно превращались в наемных работников. Классовая дифференциация настолько **углубилась,** что теперь между хозяином и мальчиком-учеником легла непроходимая пропасть. Если раньше ученик работал в мастерской бок о бок со своим **хозяином** и сам рано или поздно обзаводился, как правило, своей мастерской, то теперь ученика ждала судьба не самостоятельного ремесленника, а рабочего, подвергающегося эксплуатации предпринимателем-капиталистом.

[1] Материалы П. В. Русиновой.
[2] Там же.

Однако сохранялся основной признак феодальных отношений — личная закабаленность ученика. В этом проявлялся двойственный характер социальных отношений описываемой эпохи — переплетение в них элементов феодализма и капитализма.

Хальфа. Под названием хальфа понимали мастера, работающего по найму в чужой мастерской. В ткачестве труд хальфа применялся больше, чем в каком-нибудь ином ремесле, здесь это был основной путь привлечения чужого труда.

Работать в качестве хальфа имел право только полноправный член корпорации, прошедший ученичество и получивший посвящение.

Если **молодой** мастер **унаследовал** профессию своего отца, он долгие годы работал в отцовской мастерской, не претендуя ни на какую самостоятельность,— **ни** в работе, ни **в** получении доходов; по законам патриархальной семьи, полновластным хозяином оставался отец.

Если посвящение получал молодой ткач из состоятельной семьи, то он мог при наличии средств обзавестись собственной мастерской. По судьба молодого ткача из бедной семьи **складывалась** иначе: он многие годы, если не всю жизнь, **должен** был работать на положении хальфа. Если ткачи Шахрисябза, Карши, Самарканда нередко уходили работать в другой город, то бухарцы, как правило, оставались дома: развитая ткацкая промышленность Бухары с избытком обеспечивала **их** работой. Наоборот, Бухара была потребителем рабочей силы **квалифицированных** ремесленников из других мест.

Подавляющее большинство опытных, хороших мастеров бухарцев постоянно работало в мастерских устокоров, приходя туда утром, а вечером возвращаясь домой, к своей семье. Такого порядка не знали другие центры ткацкой промышленности (Самарканд, Ургут): там хальфа всегда жили у хозяина, при мастерской.

Проживание хальфа в доме мастера, конечно, в гораздо большей степени лишало его личной свободы. Бухарский хальфа, уходивший после работы домой, сохранял некоторую иллюзию независимости, оказываясь, примерно, в том же положении, что и мастер-одиночка, работавший на хозяина у себя дома. Однако, как автор имел уже случай отметить[56], эта самостоятельность была чисто иллюзорной, и ткач, работавший на устокора, как и хальфа, живший дома, были

[56] См. написанный автором раздел «Ремесло» в «Истории народов Узбекистана», т. II, стр. 285—286.

полностью закабалены и подвергались самой тяжелой эксплуатации.

Положение хальфа в Бухаре к изучаемому периоду начало коренным образом изменятся. Раньше работа по найму была для очень многих ткачей **промежуточной** ступенью, через которую нужно было пройти, чтобы сделаться обладателем собственной мастерской. Теперь в новой структуре бухарского общества хальфа становится **социальной** классовой фигурой. Многие высококвалифицированные мастера, на которых у бухарских устокоров всегда был большой спрос, всю жизнь оставались на положении хальфа. В сознании этих мастеров уже происходило постепенное изживание иллюзий, заставлявших раньше ткачей стремится к обзаведению собственном мастерской.

Несмотря на то, что в отраслях текстильной ремесленной промышленности Бухары, отличавшейся развитым товарным характером, ясно наметились глубокие **сдвиги**, многие черты, свойственные феодальному ремеслу, сохраняли свою жизненность. Производственные отношения отличались **типичной** для **феодализма** тенденцией **к личному** закабалению работников, которая в изучаемый период подогревалась еще ожесточенной конкуренцией между **устокорами**. Каждый из них стремился обеспечить себя **квалифицированными** работниками **и** удержать их на своем предприятии.

Основным средством для этого служила кабальная ссуда (бупак), которая в Бухаре изучаемого периода состояла из двух **частей** — собстьенно бунака н так называемого «одамгари». Выдавая ссуду, хозяин мастерской закупал работника, закабалял его. Нрямой смысл термина «одамгари» (буквы человечность), никого не мог обмануть. Он совершенно стерся и никаких иных ассоциаций, кроме представления о плате за человека, этот термин у бухарцев не вызывал. Бухарский ткач, желая нанятся на работу и обрашаясь **к** помощи старшины корпорации, говорил без обиняков: «продайте меня» (мана фрушед), а рассказывая о своем поступлении на работу, употреблял выражение: «старшина продал меня за 500 теней» (бобо мана панцсд сад тангаба фрухтонд).

В изучаемый период среди ткачей, работавших как хальфа, имелись и такие, которые, нанимаясь к устокору, отказывались от ссуды. Такой хальфа назывался *хальфайи орият*, в отличие от хальфы, получившего ссуду — хальфайи бунак. Среди бухарских **ткачей** *хальфайи орият* было очень немного. Их положение было намного лучше, чем положение хальфа, закабаленных бунаком. В частности, хальфайи орият чувствовали себя гораздо свободнее: работая, как и хальфа, получивший бупак, сдельно, он иногда позже приходил

еда работу, иной раз пропускал дни, нужные ему для дру□ гого дела. Этого никогда не мог позволить себе хальфа, взявший бунак[97].

Как известно, бупак выдавался работнику при поступле□ нии на работу и оставался за ним в течение всего времени, пока он работал у давшего ему ссуду хозяина. Для того, чтобы уйти, ткач должен был отдать полученный бупак, как правило, он мог это сделать, лишь получив новый бупак, от нового хозяина и таким образом снова закабалив себя.

Одамгари было выдаваемой сверх того безвозвратной ссудой, которая должна была гарантировать, что работник не уйдет от хозяина раньше «оговоренного срока — обычно пол□ года. Если хальфа оставлял работу раньше, хотя бы на один день, он терял право на одамгари и должен был вернуть хозяину всю сумму.

Широкое распространение одамгари было характерным для Бухары. В Самарканде, например, одамгари, применя□ лось лишь в среде ткачей-адраса.

Бывало, что другой устакор, желая во что бы то ни стало заполучить хорошего, квалифицированного мастера, не останавливался перед тем, чтобы переманить его к себе. В таком случае он давал ему такую ссуду, которая могла бы не только покрыть всю задолженность (по одамгари и бу□ наку) перед прежним хозяином, но и остаться в какой-то небольшой части ткачу, в качестве «одамгари» от нового хозяина. Если же хальфа, уходя с работы до истечения ого□ воренного срока, задерживал отдачу «одамгари», хозяин мог подать на него жалобу эмирским властям: посылались му□ лозимы и бывало, что хальфа, не отдавший ссуды, оказывал□ ся в зиндане (хабс мешуд).

За бупак хозяин не беспокоился, так как знал, что он будет ему возвращен при поступлении хальфа на новую работу. За это отвечал старшина цеха: по словам инфор□ матора, «бупак давался в надежде на бобо» (бупак ба уме□ ли бобо медодан). Не рассчитавшись со старым хозяином, хальфа не мог поступить к новому. В этом случае хальфа оставалось только бежать из города. Однако цеховая адми□ нистрация принимала все меры к его розыску и возвращению.

Сведения о размерах *бупака* и одамгари расходятся. Как вспоминают бухарские ткачи, чаще всего бунак давался в сумме 500 танга, а *одамгари* — 400 танга, иногда — то и другое поровну. Согласно установившемуся порядку, обе ссуды совершенно не учитывались при еженедельных расче□

[97] Материалы Н. В. Русиновой

тах за сделанную работу, которая по обычаю оплачивалась сдельно, с куска сотканной ткани.

Получить надежные данные об оплате **ткачей** очень трудно. В отдельных сообщениях называются суммы, значительно разнящиеся друг от друга, что, возможно, объясняется тем, что различные информаторы имеют в виду разное время и разное качество работы. Ткач Хайдар Мумшков из квартала Чакар сообщил, что за двойной кусок (джура) канауса **пла**тили 12 тенег. **Хороший ткач мог соткать это количество** за полтора дня. Другие информаторы называли меньшую сумму.

Кроме **сдельной** оплаты деньгами, хальфа получал от хозяина пищу. Так как в Бухаре большая **часть хальфа** из местных жителей оставалась жить в своей семье, возвра**щаясь** туда на ночь, сложился обычай выдавать таким халь**фа** полагающееся им **питание в** виде продуктов, по **норме,** которая **устанавливалась** бобо при участии стариков-ткачей. Но бывало и **так,** что хальфа от питания **отказывался.**

Новым институтом, возникшим, по-видимому, в резуль**тате** появления сравнительно крупных мастерских со мно**гими** работниками, были выборные старосты у хальфа, ра**ботавших** на одного хозяина. Он обозначался, по материа**лам** Н. В. Русиновой, специальным термином т ух, *хальфайи* т ух. Рассказывают, что хальфа крупнейшего бухарского про**мышленника** Кавокджона выбирали из своей среды человека, который ведал их питанием. Создается впечатление, что **появление** выборных старост-хальфа было проявлением са**моуправления;** т ух должен был, по-видимому, следить за соблюдением интересов хальфа, а не хозяина.

Устокоры, с одной стороны, а с другой, — работавшие на них, отдававшие им свой прибавочный труд хальфа, также как **и «самостоятельные»** мастера, порабощенные скупщи**ками,** были разделены резкими социальными противоречия**ми,** углублявшимися по мере того, как бывшие ремеслен**ники** расслаивались на антагонистические классы — капита**листов** и пролетариев.

Раньше общий низкий уровень жизни, к которому при**выкли** трудящиеся массы в своем быту, уменье довольство**ваться** малым — пресловутый «каноат», возведенный в ранг религиозного закона,— в известном отношении затушевали существовавшие между ними противоречия. Теперь же углу**бившаяся** социальная дифференциация в среде **ткачей** приво**дила** к обострению противоречий. Отношения между хозяева**ми** и работавшими у них хальфа принимали все более обна**женную** форму классовой борьбы, которую не могли уже прикрывать последние остатки патриархального этикета.

Многие информаторы рассказывают об открытых и резких столкновениях между различными группами ткачей. Иногда их истинная природа оставалась не вполне ясной, так как нам неизвестны причины, приводившие к столкновениям. Однако некоторые сообщения не оставляют сомнений в том, что выступления ремесленников иногда приобретали ярко выраженный характер классовой борьбы.

Усто Маджид **Солихое** — один из старейших информаторов — рассказал о столкновении, которое произошло между двумя группами ткачей около 1890 года. **Собравшиеся** на площади перед медресе Хаузи нау — обычном месте сборов ткачей с **Хёбона** — должны были решить вопрос о старшине цеха. Одна часть **ткачей** выступала за то, чтобы оставался **прежний** старшина — Бобо Ниёз, а другая требовала его переизбрания, выставляя кандидатуру **племянника** Бобо Ниёза — Анвара (сына его сестры). Спор **принял** столь острые формы, что закончился дракон — в противников полетели камни (сангборон шуд). **Нам неизвестны** доводы, которые приводили сторонники каждого из кандидатов, однако четко обрисованная тем же информатором фигура Бобо Ниёза **позволяет** предполагать, в чем был корень несогласия. Бобо Ниёз являлся богатым **устокором**, хотя у него работало только 8 хальфа, но он **имел** также лавку в большом Тиме **Абдуллахана**, где торговали наиболее состоятельные продавцы кустарных **тканей**, и был скупщиком (бофруш), скупавшим изделия своих собратьев по **корпорации**. Ненависть к скупщикам, ясное понимание **их эксплуататорской** роли ярко проявляются в воспоминаниях всех рядовых **ткачей**. Характер деятельности Бобо Ниёза, особенно как скупщика, без сомнения, и был причиной **недовольства членов** корпорации, **заставивший часть ткачей** (конечно, наиболее страдавшую от эксплуатации **скупщиков и**, вероятно, от самого Бобо Ниёза) требовать его переизбрания. Конечно, поддерживали его главным образом состоятельные **хозяева** мастерских, которым было удобно его пребывание в должности старшины корпорации. Что тут были затронуты коренные интересы разных прослоек ткачей, показывает **бурный** характер происшедшего взрыва.

Потасовка и несогласия дошли до таких пределов, что пришлось вмешатся эмирским властям. Ткачей уговорили помириться, разделившись на две партии, каждая из которых подчинялась бы желательному для нее старшине. Однако Бобо Анвару все же удалось занять место старшины **и** стать во главе корпорации ткачей.

Тот же Усто Маджид рассказал о происшедшей в начале XX в. другой забастовке хальфа, которые дружно бросили

работу, требуя увеличения сдельной оплаты (сими кбрамо кгм туфта кор партофтан). Их «примирили» с устокорами, давшими согласие на небольшую прибавку.

Большой интерес представляет сделанная П. В. Русиновой запись рассказа ткача Аброра Махмудова, который за свою жизнь видел две забастовки[68].

Первая произошла з 1908 г. Хальфа, недовольные оплатой своего труда — она оставалась на одном уровне, в то время как прибыли устокоров возросли во много раз,— решили за□ бастовать. Вечером в четверг мастерские были закрыты, клю□ чи отосланы женам устокоров, и в субботу никто из джуйбар□ ских хальфа на работу не вышел. К ткачам присоединились красильщики, абрбанды и пилякаши. Сначала мастера-одиночки, работавшие на устокоров, в забастовку вовлечены не были. Но в их мастерские стали приходить группы бастующих, которые требовали прекращения работы, грозя, в случае от□ каза, перерезать основу. Вожаки бастующих ходили по квар□ талам и прислушивались — не слышно ли где□нибудь харак□ терного стука работающих станков. Если обнаруживалась работающая мастерская, ткача выбрасывали из мастерской и строго следили за тем, чтобы не допускать его к работе.

По словам информатора, бобо поддержал бастующих: они ежедневно собирались или у него, или на площади около пилара Лбу Н ар и Фа ль, подбадривали друг друга, уго□ варивая колеблющихся. Иногда тут же устраивался общий чай или готовили какое□нибудь горячее блюдо. Деньги для этого давал бобо или кто□нибудь из более состоятельных ткачей, — расходы возмещались после окончания забастовки теми, кто участвовал в этих трапезах. Старшина цеха не мог отказать недовольным как в своей поддержке, так и в устрой□ стве общей еды: таковы были цеховые традиции, нарушить которые он не мог без решительного ущерба своему авто□ ритету.

Забастовка продолжалась 15 дней. Дело доходило до об□ ращения устокоров к кази, куда для переговоров приходи□ ли и представители бастующих. Договорились на том, что оплата хальфа будет незначительно повышена.

Вторая забастовка, которую видел Аброр Махмудов, произошла за 5—6 лет до Октябрьской революции.

Интересно, что по данным П. В. Русиновой, бастовали не все джиребы, но хальфа из других джиребов, стремясь оказать поддержку бастующим и дать им немного заработать, усту□ пали им на несколько дней свои станки.

[68] Дальше излагаю по материалам Н. В. Русиновой.

В забастовку **вливались и** ткачи из пригородных селе□ ний, куда посылались представители бастующих. Когда го□ родские ткачи одержали верх и получили прибавку, это рас□ пространилось и на пригородные районы, где под **влиянием** успеха ткачей-горожан устюкоры стали сговорчивей **и** при□ ходили **к соглашению** о прибавке мирным путем.

Как мы видим, эти забастовки не выходили за рамки корпорации. В одном из описанных случаев **их** санкционировал бобо, как это было и в период безраздельного господства феодальных отношений. По в двух забастовках, **они**□ санных Аброром Мухтаровым, особенно во второй, **проявились** и новые черты: четкость требований, проявление това□ рищеской дисциплины и классовой солидарности, протест против всех устюкоров, в сущности, протест против **су**□ **ществующих социальных** отношений. Вероятно, не случайным было и то, что первая из описанных забастовок произошла в годы подъема революционного движения в России, полу□ чившего отзвук во всех углах Российской империи.

Глава IV

СТРОИТЕЛЬНЫЕ РЕМЕСЛА

Строители, представленные двумя основными специальностями — каменщиками и плотниками, — занимали важное место среди ремесленников Бухары. Как мы видели, в нескольких районах города они составляли заметные, компактные группы населения. Общее число каменщиков, считая только членов цеха, к началу XX в. было не менее ста человек, а всего, вместе с подсобными работниками и учениками, на работах по кладке кирпичных зданий, оштукатуриванию и резьбе по ганчу было занято около пятисот человек. Плотников было несколько меньше, чем каменщиков.

1. КАМЕНЩИКИ И ПЛОТНИКИ

Мастера-строители — *гилькоры* делились на собственно гилькоров, занимавшихся кладкой кирпичных конструкций, *ганкоров* — штукатуров и резчиков по ганчу, и *лойкоров* — мастеров низшей квалификации, имевших дело преимущественно с глиной и использовавшихся главным образом в строительстве каркасных домов. Среди гилькоров выделялись специалисты по отдельным видам работ, но хороший мастер должен был владеть всеми и уметь построить здание, начиная от фундамента и кончая его внутренней отделкой. Особо славились специалисты по купольным перекрытиям — выстроить купол могли лишь самые лучшие каменщики. Таким был Усто Маджид Солихов (1852—1950), биография и перечень работ которого может наилучшим образом дать представление о деятельности крупного мастера.

Уроженец квартала Джуйвар в Джуйбаре, Усто Маджид был внуком выходца из горного Таджикистана, приехавшего в Бухару учиться в медресе и осевшего здесь, и сыном ткача-адрасбофа.

Недовольный своей профессией, отец решил отдать своего сына учеником к мастеру строителю Усто Ахмади Джуйбари — жителю того же квартала. Усто Маджид был одним из семи учеников, выпущенных Усто Ахмадом, притом способнейшим — остальные не приобрели в своем деле известности. Усто Ахмад, был, по-видимому, очень хорошим мастером и прекрасным наставником: как вспоминает Усто Маджид, он учил своих учеников работать смело, без оглядки, полагаясь на мастера, руководящего строительными работами, который всегда поможет исправить ошибку.

Посвящение Усто Маджид получил в 18 лет, но еще долго продолжал работать как помощник Усто Ахмада. Крупным мастером, руководителем строительных работ Усто Маджид сделался к концу XIX в. Он **прославился** как строитель башен местной конструкции **(купольной);** его приглашали для этого во многие места — он строил бани в Кулябе, Бальджуане, Гузаре, несколько бань он выстроил в Бухаре. Перед самой революцией им была выстроена баня в загородном дворце Ситорайи Махоса. Строил и крупные культовые здания. В Бухаре он руководил строительством медресе Шукурбой (около Токи Заргарон), медресе Ходжи Зоид (з районе Гаукушон), медресе **Ходжи-Мехи в** квартале Косагарон и медресе Эшони-Мийон-Малик в квартале **Мирахон.** Усто Маджид построил и отремонтировал много хаузов. Среди них были крупнейшие хаузы Бухары — **Боло-Хауз,** Хауз-Девон-беги, **каменную** облицовку которых он сделал заново.

Мастерами самой **высокой** квалификации, знавшими все виды строительных работ и проходившими обучение сначала у гачкоров, были резчики по алебастру — *гачкоры.* Кроме знаний и навыков общих для всех каменщиков, они должны были владеть как техникой **резьбы, так** и **знанием** орнамента. Несмотря **на** свою специализацию, гачкоры не отделились от каменщиков, составляя с ними одну профессиональную корпорацию.

Резчики узоров по алебастру имели целый набор инструментов, отличавшихся формой лезвий: одни инструменты были предназначены для резания узоров определенной формы, другие — для вырезания линейных узоров или выполнения выпуклых линий бордюров, третьи — для выемки фона.

Среди бухарских **гачкоров** имелись подлинные художники. Наиболее известным мастером, начавшим свою деятельность еще в конце XIX в. **и ставшим** одним из лучших гачкоров в советское время, был Усто Ширин Мурадов. Прекрасно владея искусством тончайшей отделки ганчевой поверхности, он был изобретателем резьбы по ганчу, наложенному на зеркальный фон. Особенно удачно он применил эту технику при

украшении так называемого «белого зала» во дворце Си□ торайи Махса (около 1910 г.)[1].

Плотники *дурезагр* всегда работали вместе с каменщика□ ми. В строительстве домов из жженого кирпича (которые в Бухаре назывались «каменными»—«сангин»), они выпол□ няли все работы по дереву: подготовку деревянных частей, пастилку балочной кровли и наборных деревянных потолков, установку дверей и ставень, которыми прикрывались окна, не имевшие, как правило, остекленных рам.

По особенно велика была роль плотников в строительстве каркасных **зданий** (по бухарской терминологии — деревян□ ных —«чубин»), где они не только выполняли все работы по дереву, но и определяли их планировку и архитектуру. Ка□ менщики при этом были заняты лишь **на** подсобных, второ□ степенных работах, в частности, на **заполнении** каркаса.

Роль плотников в строительном деле Бухары станет по□ нятной, если учесть, что здесь все жилые дома — вплоть до жилища эмира, его семьи и сановников — были каркасные. Традиция каркасного строительства восходит к очень давним временам. Каркасными были, вероятно, и упомянутые у Нар- шахи «чубайи бакколон» (Лакониным переведено как «дере□ вянные **бакалейные** лавки»)[2].

Особую отрасль плотничьего ремесла составляло изго□ товление деревянных дверей и ставень, которые делали спе□ циальные мастера дарсоз. Когда в быт начали входить остек□ ленные окна, из числа дарсозов выделилась мастера по вы□ делке рам *рамчи*.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мастерам□строителям приходилось работать как на част□ ных, так и на казенных работах. Частное строительство про□ изводилось по соглашению (*карор*). Желая построить дом, хозяин заготовлял необходимые материалы и выбирал масте□ ра, которого он желал видеть руководителем. При возведении кирпичных **зданий** в такой роли выступал каменщик, при строительстве каркасных — плотник.

Мастер определял сумму предстоящих расходов, нередко составляя расчеты в письменном виде (среди бухарских мас□ теров было немало грамотных), чтобы заказчик мог рассчи-

[1] В советское время Усто Шерали Мурадов **плодотворно** работал на отделке крупных общественных зданий," в частности, оперного театра им. Навои в Ташкенте. Он был Почетным академиком АН УзССР и лау□ реатом Государственной премии.

[2] Наршахи, стр. 70, прим. 6.

тать свои средства. Никаких иных формальностей не требовалось. Руководитель работ не нес ответственности за превышение **названной** им суммы, однако превышение не должно было быть слишком большим; делом чести хорошего мастера было точно **определить**, какие необходимы расходы для **осуществления задуманной постройки.**

Договорившись с хозяином работы (*сохиби кор*), мастер подбирал нужных **ему** работников. Обычно это были постоянно работавшие с ним работники, нередко связанные с **ним** родством или обучившиеся у него в свое время ремеслу. Он же подбирал и плотников: каждая крупная гилькор имел среди них опытного мастера, постоянно работавшего на руководимых им **стройках.** Подсобные работники нанимались по мере надобности. Оплата работы производилась, также как и закупка материала, самим хозяином. **Поэтому** мастер не занимался никакими финансовыми вопросами и не нес за них ответственности. Он отвечал лишь за качество работы и за ее правильную организацию.

Платили поденно (*пулия*): хозяин расплачивался ежедневно вечером, после окончания рабочего дня. Руководитель строительства получал такую же плату, как и другие мастера той же квалификации. Оплата была, по тогдашним временам, довольно **высокой,** так как работа строителен носила сезонный характер. В строительный сезон хороший мастер, в том числе и руководитель строительства, получал в день, по установившейся на практике расценке, 10 тенег, менее квалифицированный — 5 тенег, чернорабочий (*мардикор*) — 2—3 танги. Кроме денежной оплаты, хозяин **стройки** был обязан обеспечить всех работающих питанием.

Так как расчет производился поденно, то соглашение, если оно не устраивало одну из сторон, могло быть расторгнуто. Однако для этого нужны были веские причины, иногда — санкция старшины цеха, одна из задач которого состояла в улаживании нередко возникавших на строительствах споров. При системе поденной оплаты все расчеты кончались с завершением строительства.

Работая на одном строительстве в качестве руководителя, мастер мог, окончив стройку, пойти работать под руководством того мастера, который перед тем работал под его началом. Это не ущемляло ни его достоинства, ни его материальных интересов.

Это показывает, что фигура бухарского мастера, возглавлявшего стройку, была лишена еще черт сложившегося социального типа: являясь представителем высшей прослойки мастеров — членов профессиональной корпорации,— он все же был равным среди равных. На мелких строительствах,

где ему приходилось руководить небольшим числом работни□ ков, он лично участъовал в наиболее отъетстъенных работах.

Фигура бухарского мастера□руководителя стройки была целиком порождена феодальными отношениями в ремесле, своеобразной системой организации производства, сложив□ шейся в специфических условиях этой отрасли.

Положение бухарского мастера□руководителя стройки в корне отличалось от положения капиталиста□подрядчика (пудратчи), сделавшегося уже в этот период типичной фигу□ рой для Русского Туркестана. Там подрядчик, также вы□ шедший, как правило, из ремесленников-строителей, уже пре□ вратился в сложившийся социальный тип. Это был капита□ лист, располагавший собственными средствами для организа□ ции порученных ему работ. В отличие от мастера-руководите□ ля бухарского типа, подрядчик вел всю финансовую сторону дела самостоятельно: покупал материалы, нанимал работни□ ков, расплачивался с ними и т. д.

Договариваясь с заказчиком о сумме расходов, подрядчик имел полную возможность оставить себе большую часть по□ лученных денег в качестве процента на вложенный им капи□ тал, увеличивая его за счет эксплуатации ремесленников и мардикеров.

В строительных ремеслах хальфа отсутствовали, так как хальфа имелись в ремеслах, производивших товарную про□ дукцию. Таким образом, среднего звена цеховой иерархии здесь не было, и перед нами предстают лишь две фигуры — мастер и ученик.

Условия, на которых работали ученики мастеров□строи□ телей, остаются недостаточно выясненными. Положение уче□ ников в строительных ремеслах было несколько лучше, чем в каких□либо других: в течение строительного сезона они хо□ рошо питались, обычай требовал, чтобы им давалась и непло□ хая одежда. Старого платья ученикам мастеров□строителей давать не полагалось[3].

Однако, находясь в лучших условиях, ученики□строители были бесправны так же, как и ученики в других ремеслах. Ра□ ботая наравне со взрослыми на тяжелых строительных рабо□ тах и не получая в течение многих лет никакой оплаты, в тоже время они не имели права уйти от своего учителя.

Обучение продолжалось 8—10 лет, оканчивали ученье обыч□ но лет в 20—25. Долгим оставался срок обучения и в том слу□ чае, если обучались у родственника. Усто Ширин, с 14 лет

[3] По рассказу Усто Ширина, осенью, после окончания строительного зона, мастер вел своих учеников в соответствующие торговые ряды, с всем покупалась обувь, кожаные калоши, ситец на халаты и т. д.

поступивший в ученики к своему дяде по отцу, самостоятель□ но работать стал только в 32 года. Как выразился Усто Ши□ рин, он «прослужил своему дяде 18 лет». Когда ученик выра□ стал и вполне овладевал ремеслом, мастер начинал выплачи□ вать ему половину той суммы, которая полагалась ремеслен□ нику его квалификации (**ним** симми кор). Так как к этому вре□ мени ученик уже был полноценным работником, **обучившему** его мастеру было чрезвычайно выгодно задержать его по□ дольше на положении «ним симми кор». **Поэтому** нередко ученику приходилось обращаться к посредничеству старшины корпорации, прося повлиять на **учителя,** чтобы тот дал **ему разрешительную молитву** (фотиха).

Средства для **обряда** посвящения, **сопровождавшегося** большим пиршеством и одариванием учителя и **лиц цеховой** администрации, ученик копил многие **годы.**

При всей важности той роли, которую ученики играли на **строительстве,** следует отметить, что **их** было **сравнительно** немного. **Учеников** имели далеко не все мастера, а только са□ мые опытные. Чаще всего одновременно брали по одному ученику, реже — по два и совсем редко — по **три** — четыре.

Основной рабочей силой на строительстве были мастера **низшей** квалификации и мардикеры, часть из них имела неко□ торые профессиональные навыки, другая часть использова□ лась **исключительно на подноске материалов, замешивании** глины и т. д. Однако, пользуясь их трудом, бухарский мастер не имел возможности эксплуатировать их непосредственно. **их** труд оплачивал сам хозяин **стройки.** В нетрудовых доходах мастера□строителя основное место занимала эксплуатация **учеников,** а их как мы видели, было немного. Поэтому клас□ совое расслоение в УПИХ ремеслах было очень слабым, оно всегда принимало форму различий не столько социальных, сколько профессиональных, как различий **в** квалификации. Эта своеобразная черта, сложившаяся **в** строительных отрас□ лях, **отражалась на общем облике** мастеров, **отличавшихся** отсутствием того торгашеского духа, которым были отмечены подрядчики и **крупные** мастера **в** других ремеслах, где было много **халфа** и где производилась товарная продукция.

Конечно, социальные противоречия имелись и у строите□ лей, поскольку у них противостояли друг другу **мастера** и уче□ ники. но в строительном деле, не вышедшем еще за рамки фео□ дального ремесла, эти противоречия были притушены, патри□ архальный дух здесь господствовал сильнее, чем в других ремеслах.

Большой интерес имеет социальная оценка фигуры поден□ щика. Поденщики составляли в Бухаре небольшой, но опре□ деленный процент населения. Частью это были люди пришлые

зимой среди них появлялось много горных таджиков, которые, убрав урожай со своих полей, приходили в город на прира- ботки и поступали в большинстве па стройки[4]. По среди по- денщиков, работавших на стройках Бухары, было немало и горожан. Некоторые из них, постоянно участеуя в строитель- ных работах, постепенно приобретали профессиональные на- выки и иногда, становясь мастерами, хотя и самой низшей квалификации, получали посвящение и вступали в цех.

Спрос на поденных рабочих, в основном для строитель- ства, носил в Бухаре настолько постоянный характер, что в городе образовалось два специальных рынка (бозори мардикор), где, по употреблявшемуся в Бухаре выражению, «поку- пали поденщиков» (мардикор **мехарцдан**). Один из этих рын- ков находился в **квартале** Мулло-Коки рох, где жили гилько- ры, в том числе и старшина цеха. Второй рынок находился на Регистане. Па обоих «базарах мардикеров» ежедневно бы- вало человек по тридцать.

Бухарские поденщики, работавшие на строительстве, как мы **видели,** были теснейшим образом связаны с остальными участниками работы. Сами мастера-строители, в известном смысле, тоже являлись поденщиками: **их** оплата производи- лась также поденно, по тому же принципу, что и **оплата** мар- дикеров, отличаясь лишь размерами. Вся организация строи- тельных работ сложилась на основе **жизненной** практики мно- гих поколений и была глубоко традиционной. Для строитель- ных ремесел привлечение труда поденщиков было **так** же ха- рактерно, как для других отраслей труд хальфа. Он в строи- тельстве являлся закономерной формой феодальных отноше- ний, и для Бухары поденщину нельзя рассматривать как сви- детельстъо зарождения в строительном деле капиталистиче- ских отношений.

О феодальном характере поденщипы в Бухаре свидетель- ствует приведенное выше, в прошлом общеупотребительное, выражение «покупать поденщика». В нем с **необычайной** ярко- стью проявляется феодальное понимание связи эксплуатации с личной зависимостью **эксплуатируемого.**

В особые производственные отношения вступали **ремес- ленники-строители** с государственной властью. Эмирское пра- вительстъо постоянно вело казенные строительные работы: строились и ремонтировались помещения в арке, воздвига- лись загородные дворцы правителя, коммерческие бани, ка- зенные караван-сараи, квартальные мечети и хаузы. Строите- ли привлекались к этим работам в принудительном порядке.

* В это время гота строительство сильно сокращалось, производились только работы по отделке зданий.

Прадр [illegible] уль казенное строительство, (кори пошохн), ведавшая этим канцеляря дела его, вызывала старшину цеха и требовала представить необходимое число мастеров и подручных рабочих. Роль старшины заключалась лишь в том, что он указывал, где в данное время проводятся мастерами строительство. На место работ (корхона) отправлялись служители канцелярий довонбеги (шопирагасы), «хаталы» (дошта мегирефтан), тех, кто оказывался на стройке, в вели их в канцелярию. Там они назначались на ту или иную работу и избежать этого уже не могли.

За казенную работу мастерам платили также поденно, но в два раза меньше, чем частные заказчики; давалось и питание, но гораздо хуже, и не три, а два раза в день. Поэтому мастера всеми силами старались уклониться от казенных работ.

Передко старшина цеха злоупотреблял своим положением, указывал в своих интересах один стройки и скрывал другие. Это вызывало большое недовольство и возмущение мастеров и являлось наиболее частой причиной смещения старшины. Так, в начале XX в. был смешен мастерами за такого рода злоупотребления старшина корпорации гилькоров, неким Абдулло-ансакал, который пробыл в этой ДОЛЖНОСТИ ОКОЛО 10 лет. По этой же причине лишился своего положения и его предшественник, Ходжи Малик, который пробыл старшиной всего года четыре. Новый старшина, избранный незадолго до революции, — Усто Ибод ввел НОВЫЙ порядок, по которому на казенные работы ходили все мастера, сменяя друг друга каждые 5 дней.

Привлечение мастеров на казенные работы, проводимое в порядке внеэкономического принуждения, было наиболее ярким свидетельством господства феодальных институтов в строительном деле.

Глава V

ОБРАБОТКА КОЖИ

Как и в большинстве среднеазиатских городов, в Бухаре XIX — начала XX в. среди других ремесел были кожевенные и сапожные.

1. КОЖЕВЕННИКИ

Кожевенники резко делились на две группы: первую составляли мастера по выработке шагрени, вторую — кожевенники, вырабатывавшие все прочие сорта кож. Обе группы отличались и по применяемой ими технике, и по месту поселения, и по внутренней организации промысла.

Первая группа кожевенников носила название *кемухтаар*, по названию вырабатываемого сорта кожи (*кемухт* — шагрень). Вторая группа обозначалась повсеместно распространенным термином *чармгар*, или известным только в Бухаре — *пустиёб*; кожевенники этой группы в свою очередь, делились на более дробные специальности. Среди них выделялись мастера по выработке подошвенной кожи (*чарм*), кож для верхов обуви (козлиной — *кайрюки*, воловьей — *булгори*) и грубой замши желтого цвета, употреблявшейся на самую дешевую обувь, носимую бедняками. Особые мастера *мешгар* вырабатывали белую **лайку** (меши) из бараньих шкур: эта кожа шла на всевозможные **поделки** и бытовые предметы, для подкладки и на шорные **изделия**.

Особый интерес среди кожевенников представляет группа *кемухтаров*, занимавшаяся выработкой шагрени. В отличие от *чармгаров*, **селившихся** на окраинах города, *кемухтары* жили в самом центре, на территории древнего Шахристана, в квартале **Кемухтарон** (Шагреннщики) и несколько семей в соседнем квартале Забуда. Для очистки и промывки шкур использовалось находившееся здесь небольшое, но довольно глубокое болото, питаемое подземными ключами, которое так и называлось «Кули кемухтарон» — «Болото шагренщи-

чонь». Вокруг него располагалось до 20 лавок мастерских кожевенников, здесь же был установлен большой горбыль или бревно *тарраиуй* со сглаженной поверхностью, на котором скоблились кожи. Заквашивание и дальнейшая обработка кож производилась во дворах домов.

Для шагрени употреблялись ослиные и лошадиные шкуры, причем этот сорт кожи получался только из шкуры с крупа животного — *сапри*. Эту часть шкуры шагренщики покупали в полуготовом виде у *чармагаров*, которые выполняли первичную обработку целой кожи. Шагренщики вымачивали кожи в известковом растворе и очень тщательно очищали их верхнюю сторону от остатков шерсти. Их орудиями были железный *сечебок дос* (серп) и специальная лопаточка *бывча*, которой они выскабливали внутреннюю сторону шкуры.

Когда кожа была хорошо вычищена и отмыта, ее клали внутренней стороной вверх, посыпали просом и, покрыв куском старой кошмы, тщательно вытаптывали (*пой кардан*), вдавливая в сырую кожу просо, чтобы получить на лицевой стороне характерные для этого сорта кожи пупырышки[3]. После этого просо сметалось. Кожи закладывались в квадратную яму, глубиной в метр, называемую *тайрам*. Ямы находились где-нибудь под навесом или во дворе жилого дома. На дно ямы постилалась специально сделанная по этому размеру новая циновка и камышовый пух, кожи пересыпались медными опилками, которые при окислении окрашивали их в интенсивный зеленый цвет. Опилки покупались у *мисгаров*. Покрыв кожи сверху второй циновкой, яму засыпали землей и оставляли на 5—6 месяцев и даже на год. Готовые колеи снова выскабливали с левой стороны, проветривали и просушивали, после чего натирали лицевую сторону животным жиром (*руган метият*),в результате чего кожа приобретала блеск (*мулаж метият*).

К концу XIX в. производство шагрени пришло в упадок, но окончательно не прекратилось: на шагрень еще был спрос, хотя зеленую обувь носить перестали. Она употреблялась на задки мягких сапожек — *ичег*, на обкладку краев и углов кожаных сундуков (*яхдон*) и т. д., так как эта кожа отличалась необыкновенной прочностью.

Чармгары были гораздо многочисленнее, чем *кемухгары*.

[1] Его упоминает С. Айни в своей повести «Смерть ростовщика» 1959, стр. 49.

[2] Возможно, отсюда и европейский и русский термин — «Шагрень» (англ. Shagreen).

[3] Об изделиях «из шагрени зеленого цвета с маленькими выпуклостями» в виде *жемчужин* упоминают путешественник» по Средней Азии (Вамбери и Мейендорф).

их изделия шли на более широкий рынок. Если кемухт гары жили в одном квартале, то чармгары различных специальностей составляли основное население трех довольно больших кварталов.

Организация промысла у них была неодинакова. У чармгаров предприятия были больше, мастера социально дифференцированы: среди них выделялись, с одной стороны, — предприниматели-устокоры, применявшие труд хальфа, а, с другой, — мастера, не имевшие средств на самостоятельную работу и обслуживавшие предприятия устокоров. Последних было немало: только в кварталах, расположенных в районе ворот Саллях-хона, было до 8 сравнительно крупных предприятий, в которых работало по 4—6 хальфа.

Значительно менее расслоенными были кемухтгары; **большинство** их работало без **хальфа,** привлекая к работе членов своей семьи. Мастеров-кемухтгаров, державших одного-двух хальфа, было немного. Рядовые кемухт гары вырабатывали в год всего 40—50 шкур.

Срок **ученичества** у шагренщиков был сравнительно короткий: год-два. Причиной этого служила особенно распространенная у них наследственная передача ремесла.

Вопрос о цеховой корпорации кожевенников остается не совсем ясным. По-видимому, кемухт гары образовывали отдельную корпорацию. По сообщению старого мастера-кемухтгара, у них был свой аксакал и свой бобо. Главную роль играл **аксакал,** бобо **ведал** лишь цеховым культом: он имел рисола и читал ее во время обряда арвохи пир, или опоясывания учеников при посвящении их в мастера. Аксакал занимался вопросами сбыта продукции и регулированием отношений между учениками и их хозяевами, на нем лежала также организация общественных обрядовых пиршеств.

Последними старшинами цеха **были** Нарзи-аксакал и Пуриллобой. Нуриллобой аксакальствовал очень долго, он был избран еще совсем молодым и оставался на этой должности до 90 лет. Когда он умер (по-видимому в начале XX в.), другого аксакала уже не **выбрали,** не стало и бобо: ремесло шагренщиков к концу XIX в. находилось в упадке, в связи с этим потеряла свое значение **и** их цеховая организация.

Патроном всех кожевенников считался Ахи-пайгамбар «пророк Ахи»[4]. Было распространенно поверие, что он очень «силь-

[4] В этом имени мы имеем, по-видимому, персонификацию термина «ахи», обозначавшего в Турции патронов ремесел и членов ремесленных цехов (см. В. А. Гордлевский. Из жизни цехов в Турции. К истории ахи. Избранные сочинения, т. I, М., 1960, стр. 276—280). Может быть, не случайно, что образ Ахи Эврена, покровителя цехов в Турции (там же, стр. 289), рисуется в материалах В. А. Гордлевского как покровитель кожевенников.

ный» (зур) и того, кто вызовет его гнев, может наказать про- казой или песью.

2. САПОЖНИКИ

Ремесло саножников было в Бухаре одним из наиболее развитых[5]. Оно было представлено рядом специальностей и распространено буквально по всему городу: сапожники отмечены в 32 кварталах города. Возможно, отдельные семьи их имелись и в других кварталах, но не были зарегистрированы при опросе.

Сапожники делились на специальности в зависимости от вида вырабатываемой ими обуви. Одни махсидзы вырабатывали сапожки на мягкой подошве — ичеги — (*махси*); из их среды выделились махсидзы, которые шили золотошвейные сапожки, носившиеся женщинами из эмирского гарема. Махсидзы концентрировались в восточных кварталах города.

Вторым районом, где также было много сапожников, были кварталы, расположенные между воротами Саллахана и Шейх-Джелель[6]. Там жили, но менее компактно, *кафшдузы*, изготовлявшие кожаные калоши (*кафш*) и музадузы, которые вырабатывали сапоги на жесткой подошве (*музда*). Не составляли компактной массы и сапожники, жившие в третьем районе распространения этого ремесла — в кварталах Джуйбара и северо-западного угла города[7].

В Бухаре было немало починщиков старой обуви — *кухнадуз*. В особую отрасль сапожного ремесла выделилось подновление поношенной обуви, которая чинилась и чернилась, почему специалисты этого дела назывались *сиёкор* (чернильщик). *Сиёкоры* занимались не только подновлением, но и продажей подновленной обуви. В таком большом городе, как Бухара, где было много неимущих, потребность в ней была велика, и на этом деле специализировалось население целого небольшого квартала, получившего название Сиёкоран.

Все сапожники составляли один цех, во главе которого стоял бобо, основной обязанностью которого было регулирование отношений между хозяевами и работавшими у него мастерами-хальфа. Труд хальфа в сапожном ремесле применялся широко. В некоторых мастерских работали 7—8 хальфа одновременно. Такая мастерская, принадлежавшая Хаджи

[5] Мейендорф пишет, что сапожники в Бухаре «sont très nombreux». Voyage..., p. 221.

[6] В кварталах Шейх-Шах, Кутлук, Мирак-кон, где их было особенно много, и в квартале Шахмалик.

[7] Они отмечены в кварталах Бакф, Ходжа-Дарго, Ходжа-Дарго, Кульмахмад-ходжа, Деполи покса.

Каккару, находилась, например, в квартале Шейх-Шох. Там вырабатывали кожаные калоши из привозной лакированной кожи.

Садриддин Айни описывает большую мастерскую торговца обувью, в которой работало до **сорока** человек мастеров **и** учеников[8]. Как и в ткачестве, к наемным мастерам Лини прилагает термин «девона — бачахо» (буквально сумасшедшие ребята), широко распространенный в городах Узбекистана.

Социальные отношения в этом промысле недостаточно изучены. Ясно лишь, что з сапожном деле, отличавшемся высокой товарностью продукции, также как и в ткачестве, активно развивались элементы капитализма, наряду с сохранением феодальной основы отношений **и феодального** бытового **уклада.**

Патроном этого ремесла **считался святой Бобойи** Пиралул, мазар которого находился за **воротами Салих**хона.

[8] **С. Айни,** Воспоминания, стр. 543. О таком **крупном** предприятии з сапожном промысле Бухары автору слышать не приходилось.

Глава VI

ИЗГОТОВЛЕПИЕ ОДЕЖДЫ И ЕЕ ДЕТАЛЕЙ

Для **многочисленного** и разнообразного населения г. Буха□ **ры и обширного** связанного со **столицей района** (земледельче□ ских оазисов и скотоводческой степи). **требовалась** готовая одежда различного качества **й** типа. Па нее был спрос па бу□ харском рынке, порождавший специальные промыслы по изго□ товлению одежды и ее **деталей**.

Шитье халатов (*джомадори*). В быту **бухарцев** большое распространение **имел** обычаи дарения **халатов**: их преподносили почетному гостю, доброму вестнику, халатами обменивались **семьи жениха** и **невесты, их подносили** во вре□ мя свадьбы некоторым родственникам и т. д. Готовая **одежда** определенных типов требовалась также и для **потребностей** двора **и** для змирских пожалований, **полный** костюм *сарупо* входил в состав ежегодного жалования, получаемого служи□ лым сословием; богатые халаты дарились эмиром в знак бла□ годарности и милости.

Поэтому изготовление подарочных халатов превратилось р. **развитый промысел**, а сами халаты в своего рода **денежный** эквивалент: такие халаты но большей части не носили, их хранили в семье, как семенное достояние, используя в даль□ нейшем в качестве предмета для дарения.

Кроме нарядных подарочных халатов, на продажу изго□ товлялись также стеганные халаты на вате. Их покупали при□ езжие и торговцы, вывозившие готовые халаты в степь и дру□ гие, **иногда очень отдаленные** районы. В середине XIX в. хала□ ты составляли одну из важных статей экспортной торговли Бухары с Россией. По подсчету П. И. Небольсина, за десяти□ летие — с 1840 по 1850 г. — через Оренбург и Троицк было провезено в Россию и Сибирь более 190 тыс. халатов. По опи□ санию, это были в большинстве халаты на вате, из полушел□ ковых и бумажных тканей[1].

[1] П. И. Небольсин. Очерки торговли России со Средней Азией.

Товарное производство халатов, по-видимому, развивалось в Бухаре давно. Об этом свидетельствует упоминание «базара халатов» (تيم جامه فروشان) в источниках XVI в.[2]

В изучаемый период шитьем халатов занимались главным образом женщины, на обязанности мужчин лежала продажа их продукции, в условиях Бухары изучаемого периода роль мужчин ограничивалась посредничеством между мастерицами и скупщиками, имевшими лавки в специальных торговых рядах, около мечети Магоки-курпа и пассажа Токи тельпак.

Несмотря на высокотоварный характер, промысел не оформился в ремесло, не было и корпорации. Причиной этого было то, что в нем были заняты женщины, изолированные и от рынка, и от непосредственных заказчиков-скупщиков, в руках которых находился фактически весь этот промысел. Нужно думать, что степень эксплуатации работниц была очень высокой, однако точные данные по этому вопросу не собраны.

Шитье тулупов (*пустиндузи*). В Бухаре получил развитие и другой промысел по производству верхней одежды — шитье тулупов. Тулупы изготовлялись нагольные, из овчины. В самой Бухаре их не носили — они изготовлялись исключительно для продажи в степные, иногда отдаленные районы. Шить их могли только специалисты, умевшие обращаться с мехом и придавать тулупам требуемый традицией вид, украшать их вышивкой и аппликацией. Хотя и в шитье тулупов женщины принимали большое участие, но в этом промысле определенные операции выполнялись мужчинами, которые, кроме того, ведали всей товарной стороной дела — приобретали материалы и продавали продукцию.

В производстве тулупов бухарцы были тесно связаны с хорезмскими купцами *урганджи*, поставлявшими овчину из Хорезма и делавшими заказы на тулупы. На бухарском рынке особых рядов по продаже тулупов не было, возможно, торговля производилась в том же караван-сарае, где, по свидетельству источника середины XIX в., жили «бухарцы-тулупники»[3]. Тулупники из местных бухарцев жили в двух кварталах Пустиндузи. В караван-сарае, очевидно, останавливались и работали иногородние мастера.

Шитье меховых шапок и тюбетеек. Ремесло шапочников (*тельпакдуз*), изготовлявших меховые шапки, во

[2] Из архива шейхов Джуббари. № 14, стр. 26. В другом документе этого собрания пассаж Токи тельпак (где была сосредоточена торговля одеждой и в конце XIX — начале XX в.) назван тимом продавцов халатов и шапок (تيم جامه و طاقيه فروشان) (там же, № 29, стр. 41).

[3] М. Соловьев, указ. соч., стр. 80.

многих городах Узбекистана было развитым товарным про□ мыслом.

В Бухаре шапочники работали в основном на внутренний рынок. Потребителями их продукции были состоятельные го□ рожане. Для бедноты меховые шапки бухарского типа был,□ недоступны. Здесь шились меховые шапки конической формы из каракуля, с околышем из выдры и подкладкой из барань□ его или лисьего меха[4]. Для изготовления таких шапок требо□ вались специальные навыки, которые приобретались в процес□ се ремесленного ученичества. Ремесло находилось в руках мужчин.

В Бухаре изготовлялись и тюбетейки. Их делали тверды□ ми, конусообразными, из красивых дорогих тканей — шелка, бархата, оторачивали узорчатой тесьмой, вышитой тамбуром, ко сами тюбетейки не вышивались. Шились также маленькие мягкие ермолки, надеваемые под твердую тюбетейку или под меховую шапку. Были распространены колпакообразные теп□ лые стеганные головные уборы (кулох), состоявшие из четы□ рех треугольников, сшиваемых вместе.

Эти головные уборы изготовляли женщины, сбывая их че□ рез своих мужей скупщикам[5], имевшим лавки в специальных рядах, помещавшихся в купольном пассаже Токи тельпак.

Изготовление тесьмы и кистей. Традицион□ ный бухарский костюм требовал некоторых украшавших его деталей, которые можно условно объединить под названием босонных изделий. Изготовление различных видов таких изделий выделилось в отдельные отрасли, в которых были за□ няты в основном женщины. Особым промыслом было изготов□ ление тесьмы, которой обшивались края халатов. Тесьма вы□ плеталась на пальцах, переплетением разноцветных шелковых нитей создавался узор. Утком служила вдетая в иголку нить, которой тесьма в процессе плетения пришивалась к халату. Более сложная тесьма ткалась на стапичке с ремизами.

Тесьма другого рода, употреблявшаяся для обшивки бор□ тов тюбетеек, вышивалась на кусочке ткани тамбуром при помощи крючка. Этим делом занимались для своей семьи мно□ гие бухарские женщины; некоторые из них изготовляли тесьму на продажу или работали на определенных мастериц-тюбете□ ечниц, иногда по их заказу. Среди специалисток по изготовле□ нию тесьмы этого типа встречались подлинные художницы□ орнаменталистки[6].

[4] Такие шапки носили и в Самаркапде

[5] См. С. **Айни**, Смерть ростовщика. 1958, стр. 19—21.

[6] Принадлежавший одной из бухарских мастериц — Хасият Юсупо□ вой — альбомчик узоров, в виде вышитых образцов, описан Л. К. Инеар□ чик (Народное декоративное искусство Советского Узбекистана «Тек□ стиль», Ташкепт, 1954, стр. 171).

Судя по развитию пошивки на продажу халатов и тюбетеек, обшивание их тесьмой также должно было выполняться многочисленными мастерицами, но, как и другие женские промыслы, плетение тесьмы трудно поддается фиксации.

Особой отраслью было изготовление кистей, имевших самое разнообразное применение, и различавшихся, в зависимости от этого, по своему качеству и виду. Особенно много делали кистей для подвесок к женским косам и для завязок, которыми скреплялись на груди халаты при молитве — в обычное время они носились нараспашку. Для праздничных халатов, как и для халатов, предназначенных для дарения, завязки делались очень нарядными, служа украшением.

Тесьма для обшивки халатов и кисточки к ним делались по специальным заказам, поступавшим от скупщиков или от тех семей, которые занимались шитьем халатов. Кисти, применявшиеся для украшения различных предметов быта — кошельков, входивших в нарядный костюм, кошельков и сумок для огнива, подвешивавшихся к поясу военными, круглых подушек-мутаков, лошадиной сбруи и т. п. — мастера вязали по заказу изготовлявших эти предметы ремесленников.

Вязанием кистей *гифбофи* занимались и женщины и мужчины. В прошлом, по-видимому, это **ремесло** было более развито и специализировано, им занималась группа ремесленников, объединенная территориально. На это указывает существование в Бухаре особого квартала Алкабандон[7]. В изучаемый период изготовлением тесьмы и кистей занимались отдельные семьи, разбросанные по городу.

Тканье пояса (*тагбандбофи*). В квартале Тагбандбофон концентрировалось традиционное для Бухары ремесло по выработке широких тканых поясов «тагбанд». Такой пояс украшался бляхами — золотыми, серебряными или литыми бронзовыми — и застегивался на такую же пряжку. В наиболее богатом варианте пояса **носились** высшим чиновничеством и самим эмиром, а в более простых образцах — военными, являясь до некоторой степени, их официальной формой. Они носили пояса главным образом при выполнении служебных обязанностей, надевая их поверх халата, что сделалось символическим знаком готовности к служению.

Богатые горожане такие пояса носили с праздничным костюмом (их делали, например, мальчику к празднованию обрезания), но надевали их под халат. В изучаемый период употребление поясов сделалось исключением, но в прошлом

[7] Термин «алака» (галун, позумент, завязка) в Бухаре конца XIX — начала XX в. был неизвестен, однако название квартала Алкабандон (Басонщики) показывает, что он там употреблялся раньше.

оно было широко распространено. Па это указывает само на□ звание пояса[8].

Традиция ношения украшенных бляхами и пряжкой поя□ сов в Бухаре восходит к далекому прошлому: их носила знат□ ная молодежь, составлявшая свиту правительницы Бухары на□ чала VIII в. Наршахи пишет: «Они являлись опоясанные золо□ тыми поясами, с саблями, привешенными к поясу». «Золотые пояса» знатной молодежи VIII в., вероятно, состояли, как и пояса XIX — начала XX в., из тканей основы, на которой укреплялись металлические бляхи.

Ткапье поясов было тонким и трудным искусством; этим делом занимались мужчины. Обучались ремеслу лишь сы□ новья мастеров, из которых не каждый мог освоить эту техни□ ку. Ее трудность состояла не в сложности орудий, а в необходимости освоения тонких и требующих большой сме□ калки приемов переплетения нитей.

Пити подбирались по цвету и пропускались в отверстия, сделанные по углам квадратных кусочков кожи (КОЖА дикого козла или серны — *оху*). Перетасовыванием этих кусочков кожи, наподобие колоды карт, в определенном для каждого узора порядке достигалось нужное переплетение нитей. Уточная нить пропускалась вручную. Обходились без ткац□ кого станка, применяя принцип жокардового тканья (брани), кусочки кожи заменяли ремизы и при помощи самого прими□

тканья бухарские мастера добивались [illegible] результатов. Пояса ткались и в одноцветный тканый узор и многоцветный, были гладкие и ворсовые (бархатные), при□ чем лучшие мастера умели делать ворс с обеих сторон.

Техника, применяемая для выработки поясов, стояла между тканьем и плетением, в более примитивной форме она употреблялась во многих ра[illegible]й [illegible]. С[illegible]й А[illegible]ни при изго□ товлении узорной тесьмы[9]. Тесьмой, отличающейся лишь боль□ шой шириной, плотностью и сложностью переплетения нитей, являлись, по существу, и описапные бухарские пояса.

В конце XIX — начале XX в. в Бухаре работало до 30 мастеров этой специальности. Как и мастера по вязке кистей, они нередко выполняли заказы канцелярии девонбеги и эмир□ ского двора. Торговали поясами, кистями и всякой тесьмой в пассаже Токи тельпак.

[8] Татбанд — **повязываемый под (одежду).**

[9] См. описание тесьмы в книге «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», стр. 170—171. Краткие упоминания о производ□ стве тесьмы содержатся в статье Е. Пещеревой «Бухарские золото□ швеи», сб. МАЭ, т. XVI. М.—Л., 1955.

Золотое шитье (*зардузи*)[10]. Отдельным ремеслом было изготовление шитой золотом одежды и ее деталей. Золотым шитьем украшались и некоторые предметы, преимущественно дворцового быта.

Из одежды золотом расшивались мужские халаты и женские халатики (кальтача), реже женские рубахи, всевозможные головные уборы — тюбетейки и кулахи, женские шапочки (кулюта-пушак), женские головные и мужские поясные платки, употреблявшаяся при дворе обувь — ичиги и калоши. К богатому народному праздничному костюму полагались некоторые украшенные золотым шитьем мелкие предметы: кошелек для денег, футляр для деревянного гребешка, позже — футляр для карманных часов; военно-служилые, занимавшие командные должности, носили на поясе кошелек и сумку для огнива, также украшавшиеся золотым шитьем. Из предметов придворного быта золотом вышивались лошадиные попоны, чехлы для круглых подушек (мутаков) и т. п. Конечно, золотошвейные вещи могли приобретать только очень состоятельные люди. Мужскую одежду, шитую золотом, носили лишь эмир и самые высшие сановники, которым такая одежда жаловалась вместе с ярлыком при назначении на должность.

Золотое шитье существовало в Средней Азии издавна[11]. Испанский посол Клавихо (1403—1405) описывает золотошвейную одежду и другие предметы при дворе Тимура[12]. Источник XVII в. (Малихо) упоминает в Самарканде квартал золотошвеев (Зардузон). По в XIX — начале XX в. это ремесло сохранилось только в г. Бухаре. Основным потребителем продукции золотошвеев был эмирский двор.

Вышивка производилась золотой и серебряной канителью (*калабатун*), представлявшей собой шелковую или бумажную нить, на которую туго накручена тонкая узкая полоска металла. В конце XIX — начале XX в. канитель употреблялась исключительно фабричная, завозившаяся из России[13]. Нужно

[10] Характеристике золотошвейного производства Бухары посвящена упомянутая выше статья Е. М. Пещеревой, а также написанный П. А. Гончаровой раздел «Золотое шитье» в книге «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», стр. 177—190.

[11] Е. М. Пещерева не считает возможным предполагать наличие этого производства «в древности», что, вероятно, справедливо. Однако в средние века оно, несомненно, в Средней Азии уже имелось.

[12] Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 г. СПб., 1881, стр. 258, 285 и др.

[13] Е. М. Петерева приводит свидетельство источника о завозе канители из России еще в начале XIX в. (указ. соч., стр. 282).

думать, что в прошлом в Средней Азии умели изготовлять канитель кустарным способом, используя выработанную ювелирами технику волочения проволоки. Вероятно, таким же способом изготовлялась металлическая нить, употреблявшаяся в производстве парчи, к изучаемому периоду исчезнувшем.

Техника золотого шитья уже описывалась в литературе[14], поэтому здесь нет нужды останавливаться на этом.

Золотошвейное дело представляло собой развитый мужской промысел. Однако число мастеров даже приблизительно выявить не удалось: они жили во многих кварталах, то отдельными семьями, то небольшими группами, и лишь в одном квартале Мир-Дустум составляли такую значительную группу населения, что в народе этот квартал назывался Зардузон (Золотошвеи).

Золотошвеи были социально расслоены. Среди них были и мастера-одиночки, и золотошвеи, работавшие в качестве хальфа, и мастера-предприниматели (устокор), применявшие в своих мастерских наемный труд. Устокоры Хайт-оксаккол и Садилло-оксаккол, как говорят, держали по 15—20 хальфа, работавших в их мастерских; сверх того, эти устокоры давали работу и многим из мастеров-одиночек, превращая их, по сути дела, в своих работников[15].

В своей работе золотошвеи были тесно связаны с эмирским двором. Их продукция не имела широкого выхода на свободный рынок, для продажи золотошвеи готовили мелкие вещи, такие, как нарядные головные уборы, зная, что спрос на них велик, особенно перед годовыми праздниками и в сезон свадеб.

Крупные золотошвейные предметы делались только по заказам, главным образом двора. Заказы давались крупным мастерам, имевшим достаточно большие мастерские и запасы материалов. В таких мастерских выполнялись наиболее ответственные части заказа, более мелкие работы хозяин сдавал мастерам, работавшим на дому. Крупные устокоры обычно делали запас полуготовых деталей, которые нетрудно было приспособить к требованиям заказчика. Материал для золотошвейных изделий — ценные ткани и золотые и серебряные нити — был очень дорог, и немногие имели возможность приобретать его в запас. Для большинства мастеров-одиночек единственным выходом была работа на предпринимателя. Это было

[14] Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Раздел «Золотое шитье», стр. 182—183. Е. М. Пещерева, указ. соч., стр. 72—

[15] В статье Е. М. Пещеревой освещены в основном золотошвеи, работавшие в дворцовых мастерских.

основой углубления классовой дифференциации в золотошвейном ремесле.

Большое значение для характеристики производственных отношений в золотошвейном промысле имело наличие дворцовых мастерских, от работы в которых не мог уклониться ни один приглашенный мастер[15]. Это была специфически феодальная форма производства. Работу организовывало финансовое ведомство — канцелярия девонбеги.

[15] Работа мастеров в двух правительственных мастерских подробно описана Е. М. Пещеревой. Более раннее, очень обстоятельное описание, сделанное И. А. Гончаровой, к сожалению, осталось в рукописи.

Глава VII

ПИЩЕВЫЕ ПРОМЫСЛЫ

В густонаселенном столичном городе большое развитие получили промыслы, занятые изготовлением различных пищевых продуктов. Следует отметить, что отсутствие достаточных сведений затрудняет подробное рассмотрение этих промыслов.

Мукомольное и маслодавнльное дело Размол муки производился в самом городе. Обычные для Средней Азии водяные мельницы в Бухаре не могли получить распространения из-за недостатка воды. Поэтому здесь мельницы приводились в движение лошадьми или ослами (откуда и название этих мельниц: харос — мельница, приводимая о движение ослом).

Особенно много мельниц было в той части города, которая располагалась между проспектом Хыебон и центральным торговым районом, в кварталах Сабупгарон, Ходжа-Убонихо и др., а также в квартале Чорхарос («Четыре мельницы»). Это название мы встречаем уже в документе 1727/28 г.[1]

Мельницы «харосы» не раз упомянуты и в документах архива шейхов **Джуйбари**: они отмечены в районе медресе **и** базара Гаукушон, в квартале Кун-дарахт и даже в квартале Заргарон, в непосредственном соседстве с медресе Улугбек[2], в самом густонаселенном районе, представлявшем собой центр шахристана. Мельницы помещались при жилых домах, обычно в их наружной части (берун).

В Бухаре было также **немало** маслобоек *джувоз*. Растительное масло вырабатывалось здесь и в прошлом, что видно из документа XVI в.[3], упоминающего маслобойку в квартале Кун-дарахт. Еще в первой половине XVIII в. в Бухаре был квартал Сари-пули-Раугангарон[4], несомненно, тождественный

[1] ЦГИА, ф. 323, № 494/723.
[2] Из архива шейхов Джуйбари, № 8, стр. 17, № 65, стр. 91, № 11, стр. 22, № 63, стр. 89.
[3] Из архива шейхов Джуйбари, № 1, стр. 22.
[4] ЦГИА, ф. 323, № 478/677.

с поздним кварталом Раугангарон, где, как показывает на□ звание, жили маслоделы.

В изучаемый период маслобойки имелись в кварталах Со□ бунгарон, Имом-Мухаммад-Газали, Мехтар□Шохбек и др. Интересно отметить, что в последнем квартале — одном из центральных — находилось три маслодельных заведения, при□ надлежавших жителям этого квартала, причем в каждом за□ ведении работало по две ступы. Маслобойки выполняли также и заказы: в Узбекистане было в обычае покупать зерно для муки, скапливать различное сырье для масла (дынные и арбуз□ ные семечки, урюковые косточки и т. п.) и заготовлять впрок муку и масло для нужд семьи.

Организация труда мукомолов и маслоделов остается не□ изученной. По имеющимся скудным сведениям, мельником *хароспон* или маслоделом *джувозрон* был обычно сам хозяин дома. Вероятно, иногда бывало и так, что у него работал наем□ ный работник (в ферганских кишлаках он назывался хальпа)[5], а хозяин занимался продажей продукции, прибавляя к ней и муку или масло, скупаемые, может быть, вне города.

Выпечка лепешек. Выпечкой лепешек в Бухаре за□ нималось множество людей. Среди них были и хозяева круп□ ных пекарен, и люди, выпекавшие лепешки у себя на дому в небольшом тапуре. В таких случаях выпечкой хлеба зани□ мались обычно женщины, мужчины добывали муку и продава□ ли лепешки.

В больших пекарнях работали **наемные** работники — муж□ чины. Самые крупные пекари нонвой поставляли хлеб в арк, получая оплату через канцелярию девонбеги.

Убой скота и разделка мяса. Убой скота **и** разделка мяса *кассоби* считались промыслом, который неред□ ко был наследственным.

Так как в Бухаре жили представители различных религий, а религиозные нормы предъявляли самые строгие требования к ритуальной чистоте пищи, в первую очередь — мясной, здесь были мясники□сунниты, поставлявшие мясо для основного суннитского населения города; много было мясников из шии□ тов□форсов, в особенности в западной части города, где форсы составляли большой процент населения. В еврейских слободах кололи скот и торговали **мясом мясники□евреи.**

Число мясников в Бухаре изучаемого периода не выяснено. Их лавки находились в разных местах: на главных базарах города, например па Регистане, и на маленьких базарчиках, имевшихся во многих кварталах и у городских ворот.

[5] См. О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, Прошлое и стоящее селения Айкыран, стр. 34.

Убой скота производился во многих местах на специальных бойнях (кушишхона), располагавшихся неподалеку от мясных рядов. С. Айни, описывая в своих воспоминаниях город конца XIX — начала XX в., упоминает **бойни** у крупнейших медресе Мири-Араб, Кукельташ, Хыёбан, у самого подножия арка, на базарах Бозори-нау, Ходжа (Ходжа Калон), Гозён и др.[6] Находясь в самых населенных частях города, бойни отравляли смрадом гниющих отбросов воздух столицы, однако это считалось тогда в порядке вещей.

Поварское дело. Особые черты быта среднеазиатских **народностей** — широко распространенный обычай ритуальных общественных **пиршеств** по поводу семейных праздников и поминок — давно уже привели к появлению профессионального поварского дела. Повара *ошпаз, бакоул* занимались приготовлением праздничной ниши — в первую очередь традиционного плова, который готовился в Бухаре очень искусно и нескольких сортов. Специальные повара (бакоул) приглашались для приготовления угошения на **тои** и прочие пиршества. Постоянно работали повара-специалисты в арке. Интересно отметить, что **бакоулами** были и **форсы**, их звали для приготовления праздничных блюд не только в семьи **шиитов-форсов**, но и в суннитские семьи.

Условия работы и оплаты поваров и пути приобретения ими специальной квалификации и их **положение** в **обществе** остаются невыясненными.

Кондитерское дело[7]. В Бухаре, как нигде, получило развитие изготовление различных сладостей. Здесь **был** большой спрос на самые разнообразные и наиболее ценные сорта лакомств. По убеждению самих бухарских кондитеров, только они умели приготовлять наиболее изысканные сладости, известные в Средней Азии.

Кондитеры делились на две специальности: одни — *халвотар* вырабатывали различного вида халву и **кристаллический** сахар, другие — *каннот* — всякого рода леденцовые конфеты. Различия между этими двумя специальностями подчеркивались тем, что их торговые ряды были в разных местах.

Наиболее распространено было изготовление халвы. Готовили различные сорта халвы на жире *пиёзак* и *тери*, известные у русского населения Средней Азии под названием «мочалка», готовились из муки и жира; разница между этими сортами заключалась в пропорциях жира и муки: при изготовлении более ценной халвы *тори* на 4 кг муки шло 2—1/2 кг

[6] С. **Айни, Воспоминания**, стр. 291—292.

[7] Большая часть **сведений об этом** промысле получена у покойного халвотара Усто Шукурулло, жителя квартала Аминт.

бараньего сала, халза получалась нежная, таяла во рту. Па *пашмак* сала шло гораздо меньше, **поэтому** халва отличалась ломкостью. Своеобразна была халва *собуни* (из муки и сала) в виде небольших конусов, по форме и виду напоминавших местное мыло (откуда и название халвы). Халва обинавот была очень жирная, полужидкая, тающая во рту; халва лафзи готовилась с толченым миндалем, ургоковыми косточками, фисташками или грецкими орехами.

Хальвогары вырабатывали и специфическое местное лакомство **кристаллический** гахар навот . Для его приготовления в котле, наполненном насыщенным раствором сахара, натягивались от края к краю нитки, на которые при остывании сахар оседал крупными кристаллами. Это лакомство имело большой сбыт. Оно считалось лечебным, «горячительным» средством. Хальвогары занимались изготовлением местных сортов конфет, которые также были из сахара и муки, но без масла. Наиболее распространенными были *печак* в форме белых подушечек и *кандамот* — белые шарикообразные конфеты с жареной горошинкой в середине. В более позднее время в Бухаре распространился своеобразный сорт конфет канди печак, имеющих вид довольно крупного банта из тянущегося леденца. Это недорогое лакомство пользовалось широким спросом.

К мусульманским годовым праздникам хальвогары приготовляли полужидкое лакомство *кимоли*, которое представляло собой хорошо взбитую пенистую массу из сахара (или виноградной патоки), яичного белка и отвара мыльного корня. Смесь взбивали в больших котлах маленькой лопаточкой на длиной ручке и отпускали в посуду покупателя.

Сахар в городском кондитерском промысле употреблялся очень широко, в отличие от сельских районов, где основную роль и в изучаемый период продолжала играть виноградная патока.

На производстве различных леденцовых конфет специализировались главным образом форсы.

В Средней Азии были выработаны разнообразные, порой очень сложные технические приемы кондитерского производства. Для примера приведем описание приготовления весьма своеобразной халвы *пашмак*. Она готовилась из пережаренной на жире муки, которую смешивали при помощи деревянной лопатки с кипящей в котле патокой, подсыпая муку постепенно до тех пор, пока не получалось хорошо промешанное, довольно крутое тесто. Когда тесто было готово, его выкладывали на большой деревянный поднос и раскатывали в виде толстого валика, соединив концы, придавали тесту форму большого кольца. Несколько человек, сев вокруг подноса, равно-

мерно растягивали тесто во все стороны, пока оно не достигало размеров подноса. Пересыпав мукой, кольцо складывали вдвое и, скова соединив концы, получали новое кольцо, состоящее из двух валиков теста. Его растягивали и, присыпав мукой, соединяли концы в виде кольца, которое состояло теперь из четырех валиков. Эту операцию повторяли до 25 раз. Так как число слоев каждый раз увеличивалось вдвое по сравнению с предыдущим, в конце концов получалось кольцо, состоящее из множества тончайших волосков теста, пересыпанного мукой[8].

Не меньшее искусство должен был приложить мастер-халвогар к изготовлению халвы с кунжутными зернышками, смешанными со сладкой массой, сделанной из сахара с примесью взбитого отвара мыльного корня, трудность состояла в том, чтобы масса эта, застыв, не таяла даже при летней температуре и в то же время была достаточно ломкой. Халва делалась в виде больших кругов и при продаже кололась ножом на куски.

Халвогары изготовляли также на продажу варенье *мураббо* всевозможных сортов. Особенностью Бухары было производство варенья из роз, для чего здесь был выведен специальный сорт чрезвычайно душистых роз гули *мураббойи*, другие сорта на варенье не шли. Это варенье, а также приготовляемый из сахара и розовых лепестков леденец гулъ*канд* считались целебными.

Мастерские халвогаров большей частью находились в базарных рядах, позади лавок, если там имеюсь достаточно просторное место. Вероятно, были в Бухаре и более крупные мастерские, которые не могли помещаться на базарах, где было слишком тесно. В мастерской находился ряд очагов, на которых были установлены котлы. Халва разделывалась на глинобитном возвышении *сафа*, занимавшем часть мастерской.

Халвогары по большей части работали сами, подручными им служили сыновья, иногда ученики. Самый крупный мастер, поставщик халвы во дворец — халвогар известный под прозвищем Кали-Мулло, — в горячее время, перед праздниками, держал двух-трех знающих свое дело хальфа, но на периоды затишья он оставлял лишь одного из них. Второй из названных информаторов известных бухарских мастеров — Усто-Джурабой не имел хальфа, он работал сам, с помощью членов своей семьи. Как можно судить по сообщениям, хальфа были в этом промысле исключением. Лишь самые крупные хозяева мастерских нанимали себе в помощь одного-двух ква-

[8] Описание этого процесса см. у С. Айни, Воспоминания, стр. 576—

лифицированных мастеров. Хальфа были из числа бухар□ цев, и мастеров, приходивших из других мест. Паш информа□ тор помнил работавших в качестве хальфа двух самарканд□ цев, были и мастера из бухарских туманов.

Оплата наемных мастеров производилась сдельно. По со□ общению Усто Шукурулло, за каждые два котла халвы (т. е. за переработку стандартного количества продуктов, например четырех килограммов муки, закладываемых в котел за один раз) им платили по 40 пулей (т. е. 10 коп.), потом оплата труда несколько повысилась и стали платить «се мири» (15 коп.).

Широко распространена была в этом промысле эксплуата□ ция труда учеников, в том числе сыновей и других младших родственников. Срок обучения был сравнительно недолгим: при наличии способностей обучались за полтора года. Посто□ ронние оставались на положении учеников года четыре. Если посвящение подготовленного ученика — без чего он не мог выйти на самостоятельную работу — по каким□либо причинам затягивалось, ученик переходил на положение *ним-сохта кор*, работая за половину оплаты, положенной за ту же работу мастеру□хальфа, прошедшему посвящение. Работать такой ученик имел право лишь в мастерской своего учителя. Отда□ вая ему свой труд наполовину бесплатно, он фактически оста□ вался в полной зависимости от хозяина.

Число мастеров было невелико: на всю Бухару, по сообще□ нию Усто Шукурулло, было всего 24 хальвогара; числа канно□ тов он не **знал**. Хальвогары составляли отдельную корпора□ цию, куда не входили каноты, они образовывали свою соб□ ственную. Наличие двух отдельных корпораций, при незначи□ тельной численности кондитеров, объясняется тем, что эти две отрасли находились в руках мастеров многих национальностей, слабо связанных друг с другом. Это свидетельствует в то же время о различном происхождении этих двух специальнос□ тей в кондитерском деле Бухары.

Во главе корпорации хальвогаров стоял старшина — бобо. Его обязанностью было регулирование отношений между хо□ зяевами мастерских и работавшими у них хальфа и ученика□ ми. Как и в других ремеслах, он был защитником интересов членов цеха и в первую очередь крупных, богатых мастеров.

Бобо был и организатором **ритуальных** пиршеств *провои пир*, которые устраивались членами корпорации. *Провои* пир делали очень редко. Сам Усто Шукурулло, **родившийся** в кон□ це 60□х годов прошлого века, видел этот обряд всего два раза. Празднование устраивали на майдане Ходжа Баховаддина. Деньги на угощение собирали со всех мастеров; ученики взно□ сов не делали, но в пиршестве участвовали.

Во время *арволи* пир совершался И обряд посвящения уче□ников. В другое время ученик **делал** угощение по случаю по□священий целиком на свои средства, не дожидаясь цехового обряда.

У хальвогаров была своя рисоля. Патроном промысла счи□тался святой Шакар-ганджи-вали; к ремеслу был причастен также Девони Бурх□фармасти□вали. По преданию, от него осталось употребление «мыльного корня», лена которого про□исходит якобы от пены, выступавшей на губах святого, когда он в безумии бродил по степям и горам.

Прочие промыслы по изготовлению ла□комств. Развитию кондитерского производства сопутство□вали многие подсобные промыслы. Особую специальность со□ставляло изготовление виноградной патоки, когда□то имев□шей исключительное значение для кондитерского производ□ства и сохранившей отчасти свое значение до самого конца изучаемого периода. Патока **«шакар»** (из ширини) употребля□лась и в чистом виде, и в изделиях.

Способ изготовления патоки хорошо известен — он состоял и кипячении виноградного сока до нужной густоты. Для этой операции была выработана весьма остроумная конструкция пе□чи: в нее было вмазано несколько котлов — один большой, в котором кипятился свежий сок, и расположенные за ним два и больше котлов меньшего размера, в которые последователь□но, по мере загустевания переливался при помощи черпака кипяший виноградный сок[9].

Особой специальностью *(бирьёнаги)* было приготовление жареного гороха с изюмом — одного из любимейших лакомств бухарцев. Любили в Бухаре также всякого рода орехи, осо□бенно фисташки. Так как фисташки обычно снимались не□раскрывшимися, особой профессией сделалось их надкалы□вание. Это производилось на специальных деревянных нако□вальнях с углублениями, в которые вставлялась кончиком вверх фисташка, приоткрывавшаяся от точного, легкого удара по ней небольшим молоточком. Падколотые фисташки слегка поджаривались в котлах, в результате чего шель увеличива□лась, а ядрышко приобретало особенно приятный вкус. На тех же наковальнях раскалывались абрикосовые косточки, ядра которых унотреблялись для изготовления халвы и служили сами по себе лакомством, подаваясь, так же как и жареный горох, смешанными с изюмом.

[9] Полное описание этого производства дано С. Айни в специальной главе «Воспоминаний», стр. 575—579.

О степени развития этого промысла (писташиканн) свиде□ тельствует наличие в Бухаре (в изучаемый период) двух квар□ талов Писташиканон, один из которых был расположен непо□ далеку от Регистана, а второй находился в Джуйбаре. Если вспомнить, что «базар шелкающих фисташки» упоминается еще у Наршахи[10], то этот промысел жителей г. Бухары можно отнести к древнейшим.

Конечно, не все отрасли пищевой ремесленной промыш□ ленности превратились в промысел еще в древности. Только развитие городской жизни и превращение города в торговый центр, где постоянно скоплялось много приезжих, сделало готовую пищу товаром, а приготовление ее различных видов выделилось в особые промыслы.

[10] Наршахи, стр. 71.

Глава VIII

ПРОЧИЕ ПРОМЫСЛЫ

Наряду с крупными отраслями ремесленной промышленности, с которыми были связаны и некоторые мелкие подсобные ремесла, в Бухаре имелись и слаборазвитые промыслы, составлявшие, однако, неотъемлемую часть городской промышленности.

Организация этих промыслов нередко сильно отличалась от тех форм, которые нам хорошо известны по крупным промыслам. Некоторые из мелких промыслов, как ремесло переплетчиков и мастеров по папье-маше, всегда работали на очень узкий круг потребителей; другие изготовляли продукцию, необходимую всему населению города, но не выходившую за его пределы — таковым только было, например, изготовление камышовых циновок; третьи представляли собой отрасли, которые к изучаемому периоду пришли в упадок, но в прошлом имели значительное развитие. К ним относится гончарство.

Гончарство. Гончарное производство, представлявшее собой в более раннее время одну из самых распространенных и важных отраслей ремесленной промышленности и сохранившее свое значение в некоторых других городах (Ташкент, Ходжент, Шахрисябз), в Бухаре изучаемого периода превратилось в мелкий слаборазвитый промысел.

Однако в прошлом гончарное ремесло было развито гораздо больше. Это видно из того, что в городе было два квартала, название которых указывает на проживание в них гончаров. Квартал Косагарон («Мастера по выделке чаш»), который упоминается еще в документе из архива джуйбарских ходжей (XVI в.)[1], находился в юго-западной части города, которая, до возведения последней стены, была городской окраиной. В конце XIX — начале XX в. там гончаров уже не было; однако бухарцы рассказывают, что при рытье колодцев

[1] Из архива шейхов Джуйбари. № 41, стр. 60.

на территории этого квартала в земле находили много черепков глиняной посуды и подставок *сепоя*, употреблявшихся при закладывании посуды в обжигательную печь.

Кроме квартала Косагарон, где несомненно, когда-то керамисты жили компактной **массой**, в Бухаре имелся в прошлом и квартал Кулолон (Гончары). Об этом мы узнаем из трех поздних вакуфных грамот, где говорится о «мечети Кулолон (Гончары), известный как мечеть Кемухтарон (Шагренщики)»[2]. Этот квартал, как было сказано, помешался на территории шахристана. Отдельные семьи гончаров, отмеченные информаторами в этом центральном районе (кварталы Мир-Ибрагим, Кокиляйи хурд, Пойи-Истона), по-видимому, были последними остатками компактной группы гончаров, жившей здесь в прошлом и давшей название кварталу Кулолон.

Следует отметить своеобразие унотребляемой в Бухаре XIX— начала XX в. терминологии для обозначения гончаров: термин «кулоль», широко распространенный в других районах, здесь унотреблялся очень мало, хотя, как мы видели, он остался в названии квартала. В живой речи унотреблялись термины «сафольгар», либо чаше «косагар». Пазвание квартала Косагарон указывает, что этот термин распространен был и в XVI в.

В изучаемый период значительное место среди керамистов занимали кирпичники. Мастера жили в городе, их обжигательные печи *хумдон* находились за городом. Па плане, составленном в 1923 г., в окрестностях Бухары отмечены выстроенные до революции одиннадпатв **обжигательных** печей («кирпичные заводы»). Почти все они расположены на запад от города, причем семь — около ворот **Каракуль**.

Следует упомянуть еше одну отрасль гончарного ремесла: изготовлении тануров — печей для выпечки лепешек — *тануросози*. Печи, имевшие вид больших корчаг без дна, выводились вручную, из жгутов глины, смешанной с шерстью; такой состав обеспечивал вязкость, необходимую, чтобы эти громоздкие изделия не ломались при выкладывании. После того, как стенки танура были выведены, **их** выбивали деревянными лопаточками, чтобы придать тапурам более правильную форму. Тануры продавались необожженными. В Бухаре на этом ремесле специализировалось четыре семьи из квартала Мачити бесутуп, происходившие из селения Пирмаст, полностью удовлетворявшие спрос горожан.

[2] ЦГИА, ф. 323, № 146/219, 147/220 и 148/221. Первые две грамоты конца первой половины XIX в., третья — 1918—1919 гг.

Сведении о цеховой организации и социальных отношениях у бухарских гончаров у автора не имеется[3].

Патроном ремесла считался «святой» Саид Мири кулол — современник Ходжа Баховаддина Накшбанда. В Бухаре жили потомки этого «святого»— семья ювелиров из квартала Ази зон. Современный ее представитель не слышал, чтобы кто нибудь из его предков занимался гончарством. Однако гонча ры других районов ханства, где этот промысел был развит, хорошо знали, что в Бухаре живут потомки их патрона (пир зода). и время от времени приезжали к ним с приношениями

Различные р'емесла пс обработке дерева. Среди мелких, слабо развитых промыслов следует отметитв несколько отдельных отраслей, занимавшихся изготовлением деревянных предметов.

Токарное дело харроти было профессией жителей северо западных кварталов города, где находился квартал Харро тон (Токари) и их торговые ряды.

Токари вытачивали всевозможные деревянные детали, руч ки для металлических инструментов, ножки для низких сто ликов, столбики для спинок больших помостов для сиденья (тахта) иногда для балюстрад, ограждавших узкие террасы, которые шли вдоль всего дома на уровне второго этажа.—что составляло характерную черту планировки бухарского жилого дома. Большое место в их производстве занимало изготовле ние колыбелей (гавора, бишик). которые делались очень тща тельно, с дьумя точеными на токарном станочке стойками и перекладиной. Производство колыбелей выделилось в особую отрасль — гаворасози.

Токарный станок чарх имел самое примитивное устройстьо, но чтобы работать на нем, надо было обладать большим опы том и точностью глаза. Вытачивание деревянных деталей про изводилось стамеской, которую мастер держал обеими рука ми. Приставляя ее к вращающейся детали, он снимал с обра батываемого предмета в нужных местах части древесины, создавая детали довольно сложного профиля. Трудность усу гублялась тем, что предмет вращался то в одну, то в другую сторону. Вращение осуществлялось вручную, помощником мастера. Обрабатываемая деталь укреплялась на оси станка, в горизонтальном положении, между двумя невысокими стоеч ками и приводилась в дьижение при помощи ремня, обведен ного вокруг оси или обтачиваемого предмета. Помошник, сидящий по другую сторону станочка, с силой тянул ремень на

[3] Этот вопрос на очень широком материале рассматривается Е. М. Пещеревой в ее книге «Гончарное производство Средней Азии», (М.—Л. 1959. часть II, глаза IV). Гончарное производство в г. Бухаре в книге не освещается.

• себя то правой, то левой рукой, держа в каждой руке один из концов ремня. При отъедении назад правой руки, ось станочка, а вместе с ней и обтачиваемый предмет, вращались в одну сторону, при работе левой руки — в другую.

Таким же способом, при помощи ремня, вращалось и точильное колесо. На нем затачивались всякого рода железные **орудия**. Оно было обязательной принадлежностью мастерской токаря, который должен был держать свои стамески хорошо отточенными. Заточка орудий производилась им и для многочисленных заказчиков, и это составляло часть работы токарной **мастерской.**

Вторым промыслом по выработке деревянных предметов было **изготовление** деревянных вил, ободьев для решет и всякого рода «шепных» изделий. Название этого промысла — **согут ароши** (вырезание **деревянных** сосудов) показывает, что когда-то именно деревянная посуда составляла основную продукцию промысла. Вероятно, производство деревянной посуды прекратилось в связи с вытеснением ее из быта фарфоровой и металлической посудой. Однако старое название — согутароши — за промыслом сохранилось. Производственный процесс осуществлялся в **лавках** мастерских, расположенных **вдоль улицы** квартала Согутароши.

Среди отраслей, занятых выделкой деревянных предметов, важное место занимало изготовление единственного местного экипажа — арбы (*аробасози*). Арбы делали специальные мастера, их ряды находились возле лесного базара (Бозори чуб), помешавшегося к северу от шахристана. Два промысла обеспечивали население города и сельских районов седлами: одни ремесленники — *эмгари* выделывали лошадиные седла, другие — *тўкумдўз* специализировались **на** выделке ослиных и верблюжьих седел. По-видимому, большее развитие имел здесь второй: в Бухаре не было специального квартала эмгаров[4], но особая улица и базар Тукумдузи[5] здесь существовали.

К деревообделочникам принадлежали также **сундучники** *сандуксоз*. Особые ремесленники занимались выделкой **мелких** предметов из ценных пород дерева: чинаровых подставок под коран — *хоҳ* и пеналов — *каламдон*. Эти изделия тщательно и искусно полировались. Дерево не окрашивалось, оно оставзлось светло-желтого цвета, на нем ясно простунали красивым рисупком слои древесины.

[4] Как известно, в Самарканде и Ташкенте были целые кварталы, **населенные** седельщиками (Эмгарон в **Самарканде**, Эмгачи в Ташкенте).

[5] Базар Тукумдузи был и в XVI в. (Из архива шейхов Джуйбари, № 16 стр. 28).

Вероятно, из рук тех же мастеров-куттисозов выходили применявшиеся в придворном церемониале деревянные футляры для документов — *ариза-чуб*. Они имели вид хорошо отполированной и сделанной из хорошего дерева круглой или гранёной палки, состоявшей из двух частей и полой внутри или узкой длинной шкатулки. В футляр закладывался документ, предназначавшийся для передачи эмиру. Если вспомнить употреблявшиеся в Бухаре до самой революции документы на палках[6] и сопоставить с ними название футляра (букв. «прошение — палка») и его форму, то станет несомненным, что в форме «ариза-чуб» сохранилась старая традиция писать документы на палках[7].

Мыловарение (*собунгари*). Важным для горожан, хотя и не имевшим большого развития, было мыловарение. Мыловары когда-то жили и работали в квартале Собунгарон, прилегавшим с востока к Хыебону. Из мыловарен всегда доносились неприятные запахи, так как мыло варилось преимущественно из жира павшей скотины. Поэтому эмирские власти запретили его производство внутри города, и мыловары должны были переселиться или на окраины города, или за его пределы. В изучаемый период в квартале Сабунгарон мыловаров уже давно не было. Около 50 семей мыловаров жили в окраинном квартале Буйробофон.

Мыло изготовлялось двух сортов: твердое, высшего сорта, конусовидной формы и жидкое, низшего сорта. И то, и другое были грязно-серого цвета, с дурным запахом и употреблялось только для стирки.

• Отливка свечей (*шамгари*). Сродни мыловарению было ремесло свечников. Свечи также отливались из сала, но лучшего качества. Отливка свечей производилась в городе, в тех кварталах, где жили свечники.

Переплетное дело и изделия из папье-маше. В Бухаре, где грамотность городского населения стояла более высоко, чем в других среднеазиатских городах, книги имелись во многих домах, а их переписка составляла занятие многих мулл и грамотных людей. Поэтому здесь получило некоторое развитие и переплетное дело. Переплетчики — *саффи* или *муковассо* отмечены в нескольких кварталах, в частности, расположенных неподалеку от квартала Гозиён, где было несколько медресе. Переплетным делом занимались нередко в своих лавках и торговцы книгами.

[6] Об употреблении в Бухаре конца XIX — начала XX в. деревянных бирок в качестве документов см. О. А. Сухарева, К истории городов... документах на палках начала VIII в. см. «Согдийский сборник», Л. 1934 стр. 19 и

Переплеты делали из картона, который клеили из листков писчей бумаги местного производства, окрашивали их (чаще всего в болотно-зеленый цвет) и покрывали лаком. По лицевой стороне располагались, в виде вертикального ряда, три тисненных медальона — это было традиционное оформление переплетов. По-видимому, те же муковасозы делали и папки из тисненой кожи — *джузгир*, которыми пользовались грамотные люди, писцы и т. п. Они же изготовляли пеналы *калямдон* из папье-маше. Техника, применявшаяся ими, и характер оформления бухарских калямдонов из папье-маше остаются невыясненными. Имеется лишь сообщение, что при их выделке мастера пользовались деревянными формами (*қолиб*).

Изготовление палаток. Особым и, вероятно, древним промыслом было изготовление садовых палаток — *чодирдўзи*.

Палатки, широко применявшиеся знатью и богатыми людьми в дни праздников, делались из маты, окрашенной в зеленый цвет. Украшались они аппликациями из различных тканей: фабричного кумача, красного и желтого, местных кустарных шелковых тканей. Палатки укреплялись на вкапываемых в землю жердях.

В Бухаре имелось две группы мастеров, изготовлявших палатки. Это было профессией жителей **улицы** Чодирдузон, входившей в квартал Кукальтош[8].

Плетение циновок (*буйробофи*). Одной из мелких отраслей бухарской промышленности было плетение циновок из камыша (буйро, литературное бурье).

Камышовые циновки широко применялись в быту народов Средней Азии. Циновки стлали на земляной пол жилых помещений, в богатых домах — под ковры, в домах победнее — под кошмы и паласы. У бедноты часть пола оставалась покрытой одной циновкой. Небольшая циновка всегда лежала перед очагом, где приготовляли пищу. На голых циновках сидели по обычаю ученики мактабов, а в казийских судах — ответчик и истец во время разбирательства их дела[9]. Циновки покрывали также полы в мечетях, застилаясь тканными подстилками — от ковров до простой бумажной маты. На циновке происходило обмывание покойника, такие циновки в доме после этого не употреблялись.

[8] Все эти мелкие отрасли бухарского ремесла остаются неизученными. Недостаточно ясны применяемые в каждом ремесле технические приемы, организация производства, производственные отношения, в частности, система ученичества в каждом из них. Не изучен вопрос об их профессиональных корпорациях и профессиональных культах.

[9] В этом случае циновка называлась «бурьёи шариат».

Наибольшее значение имело применение циновок в строительстве: они были необходимым элементом конструкции потолков зданий с плоским балочным перекрытием, циновки настилались поверх брусочков (васса) потолка и на них насыпалась земля, образующая крышу.

Плетение циновок из камыша существует в Бухаре с глубокой древности. Еще Наршахи сообщал, что Исмаил Саманид купил прилегавшую к Регистану равнину, называвшуюся Даштак, всю заросшую камышом, и в первый же год продал камыша на крупную сумму[10]. Этот рассказ свидетельствует, что еще в X в. камыш широко использовался бухарцами и представлял собой значительную ценность. Вероятно, к тогда одним из способов его применения было плетение циновок. Изготовлялись они и в Бухаре в конце XIX — начале XX в.

Без этого изделия ремесленников трудно представить себе быт жителя среднеазиатского города того периода. Однако нигде этот промысел не имел широких перспектив развития, так как сбыт продукции был всегда местный, ограниченный потребностями городского населения.

В Бухаре этот промысел сосредоточился в основном в квартале Бутробофон, которому он дал название. Здесь жили почти все бухарские плетельщики. Этим делом занимались 70 из 120 семей этого квартала и несколько семей, переселившихся в соседний квартал Олимходжа.

Несмотря на всю традиционность употребления циновок в быту бухарцев, та группа, в руках которой оказался этот промысел в конце XIX — начале XX в., не принадлежала к потомкам исконного населения города. Нредки бухарских циновщиков были хорезмские узбеки (ургенджихо) и туркмены племени хидир-эли, переселенные сюда насильственно Шах-Мурадом (конец XVIII в.) с Аму-Дарьи. По-видимому, промысел они вывезли со своей старой родины (где он, как известно, получил особое развитие). Нридя в Бухару, они нашли здесь спрос на свои изделия и постепенно вытеснили из промысла бухарцев. С этим, видимо, было связано перенесение в квартал Бутробофон базара циновок, находившегося в XVI в. на центральном рынке города — в районе пассажа Токи телпак[11].

Свое сырье — камыш — бухарские плетельщики циновок в конце XIX — начале XX в. уже не могли находить в городе. Но в окрестностях Бухары камыша было достаточно; за ним ездили к болоту Шуркуль, расположенному около загородного

[10] Наршахи, стр. 39.
[11] Из архива шейхов Джуйбари, № 27, стр. 41.

дворца Ситораи Махоса л к болоту Ходжакули в Рухсабаде. Камыш Орали осенью, когда его стебли полностью отвердевали.

Заготовленный камыш хранился в больших кучах в самом квартале, из-за этого квартал имел специфический вид: повсюду лежали обломки стеблей и летал камышовый пух.

Производственный процесс отличался простотой и несложностью и распадался на три самостоятельные **операции**: заготовку камыша, подготовку его к плетению циновок и самое плетение.

Для того, чтобы подготовить **камыш** к **плетению**, нужно было вначале очистить стебель от листьев и оболочки.

Очистка стебли — *арчаш* **производилась** рукой, **защищенной** специальным приспособлением. **Рукой** проводили от **верхнего** конца стебля к нижнему. Заготовив таким образом **нужное** количество **стеблей, их** расплющивали (*янчаш*) с помощью *тахтали колодки* — бревна **с длинной** рукояткой, плотно **укрепленной** посередине колодки. Для **расправления** камышинок (*ёйраш*) **расплющенный** стебель проводили **между двумя** зажатыми в руке палочками — **на этот** раз от нижнего конца к верхнему.

Плетение — *тукун* было делом женщин. Оно производилось без всяких орудий: мастерица левой рукой приподнимала один ряд положенных наискось плоских полосок **камыша**, а правой забрасывала на нижний ряд полоску, которая шла поперек — через один, как нить утка в ткани полотняное переплетения. Кончив циновку, мастерица **подрезала** концы **и** заплетала края.

В Бухаре производились грубые циновки *буйи*, только одного типа, тонкого плетения здесь **не** знали, да оно **было и** не нужно; циновки обычно **покрывались** коврами или шли на **застилку** потолка. Сорта циновок **различались** лишь по размерам: в ходу были циновки «чор-газа» (в четыре газа, т. е. примерно в 5—6 м^2), «се-газа» (в три газа), «тугри-буйро» (обыкновенные циновки) **и** «казон-буйро» — циновки **к** очагу; они же употреблялись и при похоронном обряде, так как их размер соответствовал размерам **тела** взрослого человека.

Организация производства циновок носила весьма архаический **общинно-семейный** характер. Все **плетельщики** циновок, являясь в **Бухаре** пришлой группой, были друг с другом в кровном родстве; они заключали браки преимущественно в своей среде. В производство **были** вовлечены все семьи, принадлежавшие к этой группе, причем не только мужчины, но и женщины **и** дети. Мальчики **и** девочки помогали взрослым и при этом обучались всем нехитрым приемам промысла. Специального обучения посторонних учеников в плетении циновок не

существовало, промысел передавался исключительно по на□ следству. Этим поддерживалась эндогамная замкнутость пле□ тенщиков циновок: так как женщины играли в этом промысле очень важную роль, естественно, что при женитьбе сына иска□ ли невесту в своей среде, рассчитывая получить хорошо под□ готовленную помощницу.

Производственной единицей была семья, внутри которой и осуществлялось сложившееся в этом промысле разделение труда. Заготовка сырья носила общинный характер. За камы□ шом ездили все мужчины. Перед первым съемом камыша устраивалось общественное ритуальное пиршество, имевшее характер жертвоприношения: резали **барана,** а приготовлен□ ное кушанье съедали. Потом читалась молитва патрону про□ мысла, которым считался **Урьён Пайгамбар.** После молитвы приступали к работе. В намять патрона совершался также обряд *арвоҳ-пир,* но циновщики делали это очень редко и не□ регулярно: пожилой информатор видел этот обряд всего один раз **в** жизни.

Сохранение в этом промысле наиболее отсталых, на пер□ вый взгляд, удивительных для столичного города, форм про□ изводства, объясняется **слабым** развитием промысла и сосре□ доточением его в одном месте, в руках обособленной этни□ ческой группы, тесно связанной с родичами, поселившимися **в** сельских районах. Вся жизнь циновщиков была замкнута в рамках одного квартала, где, к тому же, находился и рынок сбыта их изделий. Это привело к сохранению крайне прими□ тивной организации производства **и** неразвитости сложивших□ ся в нем производственных отношений.

Глава IX

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ г. БУХАРЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

1. БУХАРА КАК КРУПНЕЙШИЙ ЦЕНТР ФЕОДАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Будучи важнейшим центром транзитной торговли, Бухара в то же время являлась крупнейшим поставщиком промышленных товаров собственного производства для многих областей Средней Азии и за ее пределы. По сообщениям исторических источников — «Истории Бухары» Наршахи с дополнениями Кубави, — бухарские ткани и некоторые другие изделия ремесленников еще в X—XII вв. имели широкий сбыт. Они вывозились в Шам, Египет и города Рума[1], а также в районы Средней Азии: «из отдаленных областей», «из Чача (Ташкента), Ферганы» и других местностей[2] съезжались купцы на бухарские ярмарки.

Широкий вывоз продукции бухарского ремесла продолжался и в дальнейшем.

В XIX в. бухарские ткани вывозились в Афганистан, Иран и Восточный Туркестан (Синьцзян), в Россию, особенно в южнорусские степи, и в Сибирь. Вывоз ремесленной продукции в Россию, усилившийся с XVIII в. в результате дальнейшего развития тесных и регулярных торговых сношений между Россией и Средней Азией, явился сильнейшим стимулом для развития ремесленной промышленности г. Бухары, как основного поставщика наиболее ценных экспортных товаров местного производства.

Широко (распространились бухарские ткани и по всей Средней Азии. В Бухаре вырабатывался специальный ассортимент тканей и шелковых платков для районов Хорезма и Туркмении. По свидетельству Гребенкина, в Самарканд вывозилась бухарская алача из фабричной пряжи (алача ферангй) и шелковая алача (алача ширази). Бухарские лолушековые ткани продавались в начале XIX в. в Ташкенте. Лишь Фергана в XIX — начале XX в., а может быть и раньше, вероятно, в связи с развитием собственного шелкоткачества,

[1] Наршахи, стр. 29.
[2] Там же, стр. 20, 23.

выпала из числа потребителей бухарских тканей. Особый ассортимент товаров производился в столице Бухарского ханства для жителей степей — скотоводов-кочевников.

Промышленноеть г. Бухары уже в течение многих веков развивалась как **мелкотоварное** производство. Основой высокого развития бухарского ремесла было, так же как и позже в **России** «пустившее уже глубокие корни **товарное** хозяйство»[3]. Свидетельство Нершахи-Кубави **и** показывает, что оно определяло деятельность ремесленников Бухары еше в X—XII вв. Развитие промышленности Среднем Азии в течение всего периода **феодализма** шло в условиях товарного производства, и материалы настоящего исследования позволили на конкретных примерах показать прямую зависимость развития **ремесленных** отраслей от того рынка, на который они поставляли свою продукцию.

Кроме того, развитию феодальной промышленности Бухары способствовали **и** чисто местные специфические **условия.** Как столичный город, Бухара находилась на привилегированном **положении; жители** города, в том числе **и** ремесленники, были свободны от очистки арычной сети **и** работ по поддержанию санитарного состояния **их** дворов — это делали за них крестьяне из пригородной округи. Здесь были лучше организованы все виды коммунального обслуживания, вплоть до доставки воды **на** дом водоносами **и** продажи в кварталах кипятка для заваривания чая. Развитая городская торговля обеспечивала население всем необходимым.

Развитию промышленности Бухары способствовало и то, что в течение последнего столетия налоговый гнет был здесь ослаблен. Как известно, один из представителей последней **правящей** в Бухаре династии — **Шах-Мурад** (1775—1800) был вынужден освободить **обнищавших** жителей столицы от налогов (кальк и салык), т. е., по словам В. В. **Бартольда,** «от поголовной, взимавшейся по **числу** домов», что было оформлено тарханной грамотой[4], сохранявшей силу вплоть до революции. Несмотря на сравнительную **дороговизну** жизни, при необходимости **все** приобретать на **рынке,** все же положение ремесленников в Бухаре было **более** благоприятным, чем в других городах.

Кроме того, здесь меньше сказывалась конкуренция фабричных товаров, которая губительно отразилась на некоторых отраслях ремесла Туркестанского края. В самой Бухаре

[3] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 341.

[4] [illegible] рукопись ИВ УзССР № 1538, л. 8, б; В. В. Бартольд, История культурной жизни Узбекистана, стр. 108; История Узбекской ССР, т. I, книга вторая, стр. 45.

фабричная промышленность отсутствовала. В быту бухарцев преимущественно использовались изделия местной промышленности. В этом сыграло свою роль, во-первых, более позднее подведение к городу железной дороги, а во-вторых, большая рутинность всего быта, всемерно поддерживаемая эмирской властью и всесильным здесь духовенством, стремившимися оградить столицу эмирата от России невидимым кордоном.

Развитию бухарской промышленности и городских форм жизни способствовало полное отделение ремесла от сельского хозяйства. В результате развития промышленности удельный вес ремесленников в составе населения г. Бухары был очень велик. Однако из-за отсутствия статистических данных число ремесленников, работавших в Бухаре в конце XIX — начале XX в., не может быть установлено.

2. ТЕХНИКА

Промышленность г. Бухары конца XIX — начала XX в., достигнув в ведущих отраслях значительного развития, сказывавшегося в высокой товарности продукции, оставалась в техническом отношении еще в рамках средневековья. Как это характерно и для феодальной промышленности и для мануфактурного периода в истории капиталистической промышленности, ее основой оставался по-прежнему ручной труд.

Техника, применявшаяся бухарскими ремесленниками в конце XIX — начале XX в., отличалась глубокой традиционностью и была наглядным подтверждением марксистского положения о том, что «законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании: таково... натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников»[5].

Замкнутость Бухары служила препятствием для проникновения туда технических новшеств. Старая техника защищалась от них стеной религиозных предрассудков, рассматривавших нововведения как нарушение религиозных норм.

Даже ваграпка, освоенная к началу XX в. ташкентскими чугунолитейщиками, оставалась в Бухаре неизвестной. После присоединения к России в Бухаре получили распространение только швейная и вышивальная машины. Технические новшества этого периода заключались здесь главным образом в применении новых завозных материалов — фабричной бумажной пряжи, различных металлов, кислот, красок.

[5] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 44.

Самобытные и своеобразные орудия и технические приемы, применявшиеся в изучаемый период как в Бухаре, так и в других промышленных центрах страны, были изобретены и освоены в результате многовекового развития технической мысли у народов Средней Азии. К сожалению, этот вопрос в научной литературе не получил должного освещения. Поэтому на основании имеющихся в нашем распоряжении чисто этнографических материалов можно высказать лишь некоторые общие соображения, относящиеся не только к бухарской, но и ко всей среднеазиатской феодальном промышленности в целом.

Критерием технического уровня феодальной промышленности, основанной на ручном труде, является степень механизации трудовых процессов. Изобретение орудий и станков, имеющих несложные передаточные приспособления, было одним из важнейших достижений средневековья, и, следует подчеркнуть, что подобные орудия и станки, при всем их несовершенстве, появились далеко не во всех отраслях феодальной промышленности. В большинстве отраслей технические приемы основывались на непосредственном воздействии человеческой руки на обрабатываемый материал. Такие приемы не исчезли даже после изобретения более совершенных орудий и приемов. В изучаемый период многие примитивные орудия сохранились в качестве своеобразного пережитка, главным образом в домашних промыслах сельского населения.

Сравнение между более прогрессивной средневековой техникой с архаической поможет оценить должным образом имевшиеся в среднеазиатском ремесле технические достижения. Особенно ярко различие между двумя типами техники проявлялось в выработке тканей. Архаической была обработка шерсти, более развитой — обработка хлопка и особенно шелка. Первая находилась в руках сельского населения, преимущественно женщин, вторая — в своих высших формах, представляла собой наиболее развитые отрасли городской промышленности.

Все процессы обработки шерсти отличались крайней примитивностью. Шерсть выпрядалась на веретене и вытягивалась в нить руками, затем скручивалась при помощи того же веретена, которому прядильщица придавала вращательное движение ударом о бедро. Шерсть в городском ткачестве не применялась. На городской рынок поступали различные вещи (сукно, паласы, ковры, мешки, войлок), изготовленные сельским населением.

Станок для тканья шерстяных тканей состоял, в сущности говоря, только из примитивных ремиз, которые вязались для каждого куска ткани прямо на се основе. Основа лежала на земле, растянутая во всю свою длину между двумя кольями, ремизы подвешивались к укрепленной над основой дугообразно

но выгнутой необделанной ветке. Зев раскрывался при помощи продетой между двумя порядками основы дощечки, которую ткачиха то клала плашмя, то ставила на ребро; челнок отсутствовал. Уточная нить была намотана на палочку в виде продолговатого клубка, и ткачиха осторожно проталкивала его руками между двумя рядами основы. Роль берда выполняла вытесанная в виде меча доска, ткачиха всовывала ее в отверстие зева и сильно приколачивала ею уток, чтобы он ложился плотнее[6]. В этой чрезвычайно примитивной технике нет еще и признака механизации. Подобная техника могла сохранится только в домашним производстве кочевников и полукочевников, у которых играло большую роль скотоводство (овцеводство), дававшее сырье.

При обработке хлопка и шелка городским населением Средней Азии были освоены более высокие и совершенные технические приемы и орудия. Выпрядание хлопковой нити производилось механически на самопрялке. Нить вытягивалась из хлопка быстро вращаемым веретеном, движение которому сообщало колесо через особый передаточный шнур. Колесо вертела пряха за рукоятку. В размотке шелка также применялись различного вида колеса и воробы, при помощи которых смотвивалась и крутилась шелковая пряжа.

Ткацкий станок для бумажных и шелковых тканей был сравнительно сложным приспособлением, состоявшим из нескольких отдельных, согласно действующих частей. Раскрытие зева при помощи простого нажима педалей, изобретение свободно пролетающего челнока явились большими техническими достижениями в механизации ткацкого процесса. При работе на таком станке его рабочий механизм приводился в движение руками или ногами, зев раскрывался нажимом ноги на педаль, уток прибивался подвижно установленным в особой раме бердом, ткань наматывалась на навой при его поворотах с помощью палочки, действовавшей как рычаг, костяной, хорошо отполированный челнок легко пробрасывался через зев. Бухарские мастера умели подготовлять и заправлять в станок основу на сто двести метров ткани. Однако и на таком станке нельзя было соткать ткань в виде целого куска, так как навой, укрепленный на низких колышках и почти лежавший на коленях ткача, не мог вместить ткани больше, чем нужно было на половину одежды. Поэтому ткань срезалась со станка отдельными кусками на материал, два таких куска (джура) и составляли одну единицу (одну одежду — яки либос).

[6] Описание этого станка и всего процесса снования и тканья см. у А. П. Добросмыслова. Киргизские изделия из шерсти и войлока. Оренбург, 1898.

Ткацкое производство — наиболее механизированное из отраслей ремесленной промышленности Средней Азии. Ткачество было тем видом феодальном промышленности, который «был связан с машиной, хотя бы еще самой примитивной» и поэтому «обнаружил... наибольшую способность к развитию» как только для этого созрели необходимые условия. Неслучайно именно выработка тканей стала ведущей отраслью феодальной промышленности, отличающейся наибольшей товарностью продукции, а впоследствии и размерами предприятий. Именно здесь больше всего развились капиталистические отношения.

Когда были изобретены самопрялка и станок — мы не знаем. Их древние образцы не дошли до нас, археологами не обнаружены пока и челноки. Можно лишь предполагать, что все эти орудия труда были известны еще во времена Пальмиры, так как трудно представить себе выработку товарных тканей на примитивном станке архаического типа (урчак); нельзя без самопрялки достичь ровности и тонкости, которыми должна была обладать пряжа для производства описываемых Пальмирой высокосортных хлопковых тканей. Возможно, что изобретение ткацких станков относилось к еще более раннему периоду. Если привлекать аналогии из лучше изученной истории ткачества Переднего Востока, то там, по мнению исследователей, станок с педалями был известен еще во II—IV вв.

Большим разнообразием приемов обработки металлов владели бухарские металлисты. Они знали горячую ковку и закаливание железа, составляли различные сплавы. Особенно изощренной техникой владели бухарские ювелиры. Они умели волочить из золота и серебра проволоку, делать филигрань и ажурную резьбу, золотить, делать чернь, отделять золото и серебро от примесей, очищать серебро при помощи соляной кислоты и т. д. Своеобразной была техника разбивания в лист

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 55.

[2] П. Пилиевская в своей книге «Города Ирана в раннем средневековье» (М.—Л. 1956, стр. 232), ссылаясь на исследование, произведенное Эфиопией, пишет об одном образце тканей из Пальмиры, сложный рисунок которого требовал станка с 8 ремизами и 8 подножками. Английские исследовательницы Крауфут и Гриффите, на которых также ссылается Н. Пигулевская, считают, что двусторонние коптские ткани II—III вв. н. э. были вытканы на горизонтальном станке с педалями (стр. 234), а ширина многих древних тканей (до 185 см.) заставляет предполагать наличие челнока, пролетающего в механически открытый зев. Н. Пигулевская по этому случаю говорит, что большая или меньшая ширина тканей указывает на применение более или менее механизированного станка и высказывает предположение, что такой станок проник в Иран из Сирии и Месопотамии (стр. 239).

двух спаянных вместе кусков золота и серебра, благодаря чему изделие казалось сделанным из массивного золота.

В других отраслях металлообработки также был достигнут довольно высокий уровень ремесленной техники. Отливка художественных изделий из бронзы и чугуна могла производиться благодаря большому опыту, накопленному поколениями ремесленников. Скромное и несложное на первый взгляд изделие — чугунный наконечник для омача — требовал большой технической изобретательности. Трудность его отливки заключалась в формовке отверстия, в которое под нужным углом вставлялся конец деревянного омача. Мастера считали это дело настолько сложным, что, по господствовавшему поверию, правильное отверстие могло быть получено только при помощи патрона ремесла[9].

Применение литья при изготовлении наконечников было важнейшим техническим достижением. Оно позволило сделать производство металлических наконечников для омачей массовым — за один раз в мастерском отливалось до 1000 штук, а сами наконечники стали более прочными, чем употреблявшиеся раньше железные копаные, которые при работе легко стирались и гнулись. Изобретение это относится к сравнительно недавнему времени: еще в XVII в. наконечники не отливались, а ковались из железа. Вплоть до революции новая техника не успела проникнуть в отдаленные уголки Средней Азии. По материалам М. С. Андреева, в Хуфе наконечники омачей ковал для крестьян кузнец[10].

При наличии в обработке металлов многих хорошо разработанных приемов механизация трудовых процессов была очень слаба. Если кузнецы, медники, ювелиры, литейщики бронзы для подачи воздуха в горн применяли меха, то чугунолитейщики довольствовались значительно более примитивной техникой — нагнетанием воздуха щитом. Щит был прикреплен верхней стороной к жерлу печи и беспрерывно поднимался и опускался специальными людьми, которые работали, сменяясь в течение всего процесса литья. Работа эта была крайне тяжелой и малопроизводительной, архаичной по своему техническому уровню. Она применялась в Бухаре вплоть до революции, в то время, как ташкентские чугунолитейщики с начала XX в. стали применять вентиляторы.

[9] Это поверие, отмеченное также у литейщиков Бойсите (Современный кишлак... вып. IV. Ташкент, 1926, стр. 143), существовало и у литейщиков Ташкента (К. Газылова, Махалли Дегрез, дипломная работа, рукопись).

[10] М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, 1958, стр. 182.

Владея множеством приемов горячей обработки металлов, среднеазиатские, в том числе и бухарские металлисты, в то же время почти не знали обработки металлов в холодном состоянии: им не была известна ни нарезка, ни сверление, ни другие слесарные работы[1].

Однако, не умея делать нарезку, среднеазиатские кузнецы изобрели способ изготовления винта из железного стержня, на который напаивалась спиралью бронзовая проволока. Таким образом были изобретены тиски, применявшиеся кузнецами при обработке изделий, и замки с вывинчивающейся при помощи ключа дужкой. Замочники — *кулфгоз* появились, вероятно, очень недавно: до начала XX в. в быту были широко распространены деревянные замки особой конструкции — *дукидон*.

При сохранении ручного труда и почти полном отсутствии его механизации во многих отраслях уровень развития техники определялся количеством специализированных орудий. Из приведенного в предшествующих главах далеко неполного описания орудий видно, что бухарские ремесленники располагали множеством вариантов инструментов, приспособленных для определенных операций: различной формы наковальники, молотки, щипцы, стамески — у металлистов, стамески, долота и топорики — у деревообделочников, стамески с лезвием различной формы у резчиков по дереву и столь же разнообразные инструменты для резьбы по алебастру, специальные кривые ножницы у золотошвеев, различные приспособления на ткацких станках, позволяющие производить многие сорта тканей, — все это свидетельствует о технической оснащенности бухарской промышленности, — если можно так выразиться о промышленности, основанной на ручном труде.

По дело было не только и не столько в инструментах: в ремесленной промышленности решающее значение имели человеческие руки — их ловкость и умелость. Поэтому основным условием, обеспечивавшим выполнение технически сложных операций и выпуск разнообразной и высококачественной продукции, была квалификация ремесленников, позволявшая бухарским ремесленникам изготовлять такие изделия, которые и поныне вызывают восхищение.

3. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Высокое качество продукции обеспечивалось той дробной специализацией, которая разделила промышленность на мно-

[1] Этот момент хорошо освещен в упомянутой книге И. К. Нарзикулова «Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана».

жества отдельных отраслей. Каждая из них занималась производством лишь определенных детальных работ или одного вида изделий. В каждой отрасли создавались и отрабатывались до малейшего движения все технические приемы, приспособленные к производству только одного определенного изделия или одной определенной операции. Специализация ремесленников г. Бухары была развита более, чем где бы то ни было.

Путь к развитию и совершенствованию техники для бухарской ремесленной промышленности был один: «на базисе ручного производства иного прогресса техники, кроме как в форме **разделения** труда, и быть не могло»[15].

В феодальном производстве, с характерными для него мелкими, карликовыми предприятиями, разделение труда в пределах одной **мастерской, естественно,** не могло осуществляться сколько-нибудь значительно. Оно оставалось там на самой зачаточной стадии. Однако степень разделения труда в различных отраслях была неодинакова. Если, например, в ювелирном деле ремесленник мог работать и обычно работал один, выполняя лично все операции, то в других **отраслях** работать в одиночку было невозможно: в кузнечной мастерской, в литье бронзы, в тканье абровых тканей было необходимо участие минимум двух человек. В некоторых отраслях для осуществления всего производственного процесса было недостаточно и двух человек. В литье чугуна (в период плавки) должно было участвовать до двух-трех десятков человек, между которыми распределялись различные функции; здесь были мастера высшей **квалификации,** руководившие литьем и производившие в процессе длительной подготовки к плавке формовку, разливальщики чугуна и подувальщики. Только их совместные **действия** обеспечивали осуществление отливки. В литье бронзы основные функции лежали на самом мастере: он вместе с помощником сплавлял металлы в нужной пропорции, выполнял наиболее сложную формовку. Но ему необходим был при этом помощник, который участвовал бы **в** подготовительных работах, в самом процессе литья и в отделке готовых **изделий.** В тканье полосатых тканей хозяин был сновальщиком, определявшим в процессе снования узор, расцветку и качество будущей ткани, в то Бремя как другие участники производства осуществляли менее сложные операции.

В таких отраслях, которые требовали разделения труда внутри мастерской, а, следовательно, ее расширения, на хозяине лежали также выделившиеся (в связи с повышением

[15] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 375.

товарности продукции) функции снабжения производства сырьем и сбыт изделий. Если в мастерской работали вместе члены одной семьи (что было обычно для провинциальных промышленных центров), из их среды выделялся руководитель всего производства. При участии в производстве нескольких наемных мастеров производственным процессом руководил либо хозяин, либо самый квалифицированный из наемных мастеров (последнее было характерно для Бухары).

Привлечение к работе в мастерской наемного мастера-халифа — а их могло быть несколько — увеличивало возможность разделения труда, способствовало постепенному выделению отдельных операций в особые профессии. Так выделились профессии нравщиков основы и лощильщиков в ткачестве. Это произошло уже давно, в процессе освоения производства все более высококачественных тканей.

В последнюю очередь, возможно, лишь к концу XIX в., в развитом шелкоткачестве г. Бухары выделились, как особые отрасли, снование основы и продевание основы в ремизы. Там, где промысел оставался на более низкой ступени развития (например, в ткацких промыслах Ургута и даже Самарканда), не только снование, но и окраска пряжи, а иногда и простейшая орнаментация основы при помощи перевязки выполнялись самим ткачом, который сам же и отбивал ткань лощильным молотком. Лощение не отделилось от набивки узора и в набоечном промысле и то и другое выполнялось самим мастером — ситгаром.

Так как при господстве феодального строя разделение труда, необходимое в некоторых отраслях, не могло происходить в рамках небольшой мастерской, разделение труда в феодальной промышленности шло в основном между отдельными предприятиями, отдельными промыслами. «Появление нового промысла, — по словам В. И. Ленина, — означает... процесс роста общественного разделения труда».[12] Этот процесс развивался в ремесленной промышленности в двух направлениях. В одних случаях в самостоятельную отрасль выделялись отдельные (детальные) операции, занятые ими ремесленники превращались в детальных работников, выполнявших лишь часть общей работы по производству одного изделия. Вторым путем было потоварное разделение труда — выделение отраслей, вырабатывавших особые сорта и виды изделий.

Рассмотрим, как проявлялись оба эти процесса на примере наиболее развитой отрасли ремесленной промышленности г. Бухары — производства тканей. Уже в далеком прошлом в ней выделилось множество отдельных промыслов, между

[12] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 201.

которыми **существовало** и потоварное, и **детальное** разделение труда, вследствие чего каждый вид тканей и многие детальные операции выполнялись особыми ремесленниками, специалистами своего дела. Только эта дробная специализация могла обеспечить те высокие качества, которыми отличались бухарские ткани. Необыкновенная плотность и ровность тканья, красота колорита, сложность и четкость узоров, тщательная отделка тканей **лощением** не **могли** быть достигнуты одним человеком. От прядения пряжи до выпуска на рынок ткани продукция **должна** была пройти множество операций, каждая из **которых** выполнялась отдельными **работниками**. Итогом **было** появление тканей, которые смело могут считаться шедеврами **ручного** ткачества.

Система разделения труда в производстве **тканей сложилась в** эпоху развивающегося феодализма, и она могла принять только свойственную феодальному способу производства форму разделения труда между отдельными **мелкими** мастерскими, в которых трудились ремесленники **различных** специальностей, разобщенные территориально, принадлежавшие к разным профессиональным корпорациям, но связанные между собой нередко работой над одним и тем же изделием.

Организация этого сложного производственного процесса за свое многовековое существование была тщательно разработана, все ее звенья сочетались в привычной последовательности, роль каждого ремесленника в общем труде и его доля дохода от него обусловливались традицией, **придававшей** всей этой системе, освященной профессиональными культами, характер непреложной закономерности.

Хозяином как сырья, так и готового изделия быт ткач. Он покупал коконы или пряжу, он же выступал па рынке как продавец готового изделия. Выполняя основную операцию — тканье, —ткач был организатором **и** всего производственного процесса в целом, объединяя в работе над одной вещью мастеров **различных специальностей**. В его обязанности **входило** снабжение сырьем или **полуфабрикатами** мастеров. Ткач осуществлял передачу коконов в размотку, затем пряжи — в отварку, пряжи — **в** основание, а основы — в крашение, осуществлявшееся путем неоднократных переносок им основы от красильщика к абрбашу **и** обратно. Только после этого, нередко обратившись также **к** ремизчику для проведения готовой основы через ремизы, ткач мог **приступить к** тканью. Если вырабатывались сорта, **подвергавшиеся лощению**, ему, кроме того, приходилось доставлять уже готовые отрезы ткани к лощильщику. Нри выработке особенно сложных технически абровых тканей производство разделилось на собственно тканье и на правку основы: в то время как ткач сидел за станком, прав-

шик (иштибар) следил за основой. При тканье самых сложных сортов один правшик мог обслужить только один **станок**, при тканье более простых он обслуживал два-три станка. Эта было одним из немногих примеров детального разделения труда внутри мастерской.

В процессе детального разделения труда выделились следующие отдельные отрасли: прядение хлопка, размотка коконов, горячее крашение пряжи, холодное (кубовое) крашение пряжи, снование основы, нанесение орнамента способом перевязки (расчленившееся в условиях Бухары на разметку узора и собственно перевязку), тканье, правка основы, ошение. В отдельные отрасли выделились также операции по орнаментации бумажных тканей набивным узором, выбеливанию бумажных тканей, тканье из неотъаренного шелка тонких прозрачных тканей *кэлагай* и их орнаментация способом батикования.

Потоварное разделение труда могло осуществляться легче, и это было наиболее распространенной формой разделения труда в **феодальной** промышленности: каждый ремесленник изготовлял в своей мастерской один вид и сорт продукции. В процессе развития потоварного разделения труда среди бухарских ткачей выделились следующие специалисты: ткачи по производству полосатых, преимущественно полушелковых тканей (*алоча, бекасаб, бонорис, шоина*), ткачи по выработке адраса, ткачи, изготовляющие канаус, бархат, шелковые **платки**. Очень редко один мастер умел вырабатывать несколько видов тканей, даже родственных по технике. Двумя особыми отраслями были производство гребней для берда и вязка ремиз, не говоря уже об изготовлении самого ткацкого станка деревообделочником и выделке специальным ремесленником роговых челноков. Только эта дробная специализация могла обеспечить высокое мастерство в выполнении каждой операции, а следовательно, и высокое качество продукции и наиболее высокую производительность ручного труда.

Из-за отсутствия источников, в том числе и достаточного количества образцов старых тканей, а также неисследованности вопроса мы не знаем ни этапов развития разделения труда в каждой отрасли ремесла, ни их хронологической последовательности. В особенности сложен вопрос истории развития детального разделения труда. О потоварном разделении труда имеются упоминания в исторических источниках, что позволяет сделать вывод о высокой степени специализации ремесел, изготавливавших особые виды изделий и в прошлом.

К XVIII в. в Бухаре производились разнообразные и технически сложные ткани, свидетельствующие о высоком развитии потоварного разделения труда. Это еще раз показывает,

• что сведения источников о полной разрухе, царившей в первой половине XVIII в. как в городе, так и во всей стране, были сильно преувеличенными. В передаче сложившихся в течение веков традиций бухарского ткацкого искусства не было перерыва. Наоборот, старое мастерство, о котором говорит Наршахи, непрерывно развивалось и к середине XVIII в. достигло большого совершенства.

Более прогрессивной формой разделения труда в феодальной промышленности было детальное. Именно из него могли зародиться в пределах одного предприятия основы капиталистического способа производства. В. И. Ленин указывал, что «дробление производства на простейшие операции» является **«необходимым** подготовительным шагом к введению **крупного** машинного производства»[11]. Хотя для феодальной промышленности, основанной на ручной технике, разделение труда было главнейшим законом, двигающим ее вперед, сам феодальный строй препятствовал этому процессу. В этом заключалось одно из противоречий в развитии феодальной промышленности.

4. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ФЕОДАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ г. БУХАРЫ

Одним из важнейших показателей состояния и развития ремесленной промышленности является ее структура, ее социальная основа.

Этот теоретический вопрос поставлен и решен на **материале** России В. И. Лениным, положения которого о различиях между домашним промыслом, ремеслом и «кустарной» (как выучки В. И. Ленина) промышленностью имеют основополагающее значение для понимания структуры промышленности, основанной на применении ручного труда.

Анализ структуры среднеазиатской ремесленной промышленности в свете положений В. И. Ленина неоднократно предпринимался в научной литературе. В работах историков и экономистов, посвященных вопросам развития кустарной промышленности в Средней Азии, вскрыты такие формы, зарождение и развитие которых **относилось** к различным этапам исторического развития[15].

[11] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 375.

[15] Б. А. Десятчиков и П. М. Пономарев, Социалистическая реконструкция ремесленно-кустарной промышленности УзССР, Ташкент, 1940, **В. Балков, Кустарно-ремесленная** промышленность Средней Азии, Ташкент, 1927; И. К. Нарзикулов, Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности **Таджикистана**, Труды АН ТаджССР, ч. XXXI, **1957.**

Можно считать **установленным**, что социальная структура различных **отраслей** среднеазиатской **ремесленной** промышленности начала XX в. (включая и первые годы существования ее в условиях Советской власти) была неоднородна. Здесь были и отрасли, стоявшие на уровне домашнего промысла, и такие, которые можно квалифицировать как ремесло (в ленинском понимании этого термина), т. е. работу на заказ, и отрасли, превратившиеся уже в мелкое товарное производство, выпускавшее продукцию на рынок. Материалы данного исследования показывают, что в Средней Азии в этот период появились и крупные предприятия типа мануфактуры.

В связи с многообразием форм среднеазиатской феодальной промышленности возникает неотложная задача глубокого анализа состояния и социальной структуры промышленности конкретного города и селения, разработки сравнительных характеристик промышленности городской и сельской, выявления своеобразия **путей** развития промышленности Средней Азии и ее отдельных районов по сравнению с ремесленной промышленностью России и других стран.

Между тем эти вопросы, как и многие другие, здесь не названные, остаются до сих пор не решенными.

В Средней Азии промышленность, основанная на ручном труде, была составной частью экономики страны феодальной, **а** не капиталистической, поэтому исследование среднеазиатской промышленности может пролить свет на пути развития феодальной формации вообще. Прошедшая в 1955 г. научная дискуссия по вопросу об основном экономическом законе феодализма (материалы дискуссии были опубликованы в журнале «Вопросы истории» за 1955 г.) показала, что выдвигаемые отдельными авторами формулировки страдали односторонностью, так как отражали лишь характерные черты феодальных аграрных отношений.

Однако ясно, что невозможно определить основной экономический закон феодализма, игнорируя производственные отношения в промышленности, тем более, что именно в этой сфере общественной жизни зародились и развились капиталистические отношения, разрушившие всю феодальную систему.

В изучаемый период бухарское общество как раз вступило в тот период истории, когда в недрах феодализма, который оставался еще основой социального строя, уже зародились элементы новых отношений. Изучение этого процесса, происходившего в ремесленной промышленности Бухары, составляет вторую, не менее важную задачу.

Многоукладность и неравномерность развития, свойственные феодальному, а равно и капиталистическому обществу были наиболее ярко выражены в социальной структуре сред-

неазиатской ремесленной промышленности. Ни одна отрасль ремесла в изучаемый период не была однородной, имеющей единую социальную структуру. В различных отраслях и условиях складывались и различные формы социальных отношений. Поэтому нельзя говорить и о единой структуре городской промышленности в целом, противопоставляя её сельской промышленности. Выделяя некоторые общие черты, отличающие городскую промышленность от сельской, надо всегда иметь в виду, что любая отрасль в разных городах и сельских районах могла принять своеобразные формы, определяемые особенностью природных факторов, экономики, исторических традиций.

Это своеобразие и сложность в полной мере выявились при изучении промышленности г. Бухары. В смысле социальной структуры она была неоднородна. Здесь существовало несколько социальных типов, сложившихся на различных ступенях эволюции промышленного производства и сохранявшихся в той или иной отрасли в зависимости от ее роли в экономике. Однако имелись и некоторые общие черты, которые можно распространить на все отрасли бухарской промышленности.

В промышленности города Бухары конца XIX — начала XX в. перед нами предстает ремесло, отделенное от сельского хозяйства: от производства сырья для промышленной переработки[16] и от производства продуктов для питания семьи ремесленников.

Если семьи ремесленников Самарканда, Ташкента, городов Ферганской долины на лето покидали город для работы на своих пригородных участках, урожаи с которых служили им необходимым жизненным подспорьем, то в Бухаре ремесленники, как правило, круглый год оставались и работали в городе. Только от ремесла получали они все средства для своего существования[17].

Полное отделение бухарского ремесла от сельского хозяйства создало благоприятные условия для развития мастерства ремесленников Бухары, для выработки той исключительной изощренности технических приемов и художественного вкуса, которыми было отмечено большинство бухарских изделий[18].

[16] Единственным примером добывания ремесленниками» сырья для переработки была заготовка камыша в окрестных болотах плетеницами винокур

[17] Редчайшее исключение из этою правила представляли собой ремесленники из семей недавно переселившихся в город и не порвавших окончательно своей связи с родным селеньем (например, строители из квартала Ташбилю).

[18] Мы не говорим, конечно, о продукции тех промыслов, которые в изучаемый период не получили в Бухаре развития, например, гончарство.

Промышленность города Бухары — это промышленность, основанная на товарном производстве. Вся продукция представляла собой товары, предназначенные для реализации на рынке[19].

Домашняя промышленность, перерабатывающая сырье в том самом хозяйстве, которое его добывает, в Бухаре не имела никаких условий для существования. Здесь единственным исключением было сохранившее многие реликтовые черты производство циновок. Но хотя в нем использовалось дикорастущее сырье, добытое самими ремесленниками, это производство также было тесно связано с рынком и выпускало исключительно товарную продукцию. Этим оно коренным образом отличалось от домашней промышленности, которую В. И. Ленин характеризовал, как «необходимую принадлежность натурального хозяйства», как производство изделий «на собственное потребление».[20]

Ремесла в узком значении этого слова — как промысла, работающего не на рынок, а на заказчика[21] — в Бухаре изучаемого периода также не было. Однако работа на заказ в отдельных случаях практиковалась, например, когда потребителями продукции являлись представители высшей знати, главным образом эмирский двор и казна.

Привлечение ремесленников к работе по заказам казны было ярким проявлением внеэкономического принуждения. Закономерное и свойственное феодализму вообще, оно сохранилось в Бухаре конца XIX — начала XX в., когда здесь начали развиваться капиталистические отношения, диктовавшие бухарской промышленности свои законы — законы высокоразвитого товарного производства.

Однако принудительный характер труда ремесленников в дворцовых мастерских не определял социальной структуры самой промышленности: ремесленники, работавшие на эмира, в то же время нередко имели собственную мастерскую и выпускали изделия на рынок.

Второй вид работы на заказ — это выполнение отдельных (детальных, по выражению В. И. Ленина) операций специализировавшимися на них ремесленниками. Такие мастера не выступали со своей продукцией на рынке, они знали толь-

[19] Особое место занимают строительные ремесла, в которых объект труда не являлся, конечно, товаром. Здесь связь ремесленников с рынком и влияние на них товарных отношений проявлялись в приобретении ими на рынке всех средств производства, материалов и питания. Специфика строительных ремесел породила особенности и в их производственных отношениях.

[20] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 283.

[21] Там же, стр. 285—286.

ко своего заказчика. Но и их промысел мы не можем считать ремеслом в ленинском понимании этого термина; здесь заказчики, по существу, не являлись потребителями продукции, и выполнение отдельных операций по заказу было ничем иным как свойственной феодальной промышленности формой разделения труда.

Деятельность детальных ремесленников у текстильщиков, например, определялась теснейшей связью с рынком всей текстильной промышленности г. Бухары в целом. Ее обособившиеся отрасли, участвуя в выпуске товарной продукции на широкий рынок, тем самым были вовлечены в ту эволюцию, которая толкала эту промышленность на капиталистический путь развития. Однако сохранение в этих отраслях более ранней формы ремесла, как изготовление продукции на заказ (у В. И. Ленина — «примитивное ремесло»[22], «ремесло — архаическая форма промышленности»[23]), тормозило развитие их социальной структуры: в них не образовалось ни крупных мастерских, ни крупных капиталистов; капиталистические отношения не приобрели здесь той открытой формы, которая была свойственна в изучаемый период отраслям, выпускавшим чисто товарную продукцию.

Полностью сохранилась старая форма организации производственного процесса в строительном деле, в нем ремесленники выполняли работу, поручаемую им хозяином будущего здания. Здесь еще не развилась капиталистическая система подрядов, при которой организатором работы выступает подрядчик, вкладывавший в дело свой капитал и получавший от него нетрудовой доход. Бухарский мастер, занимая положение руководителя работ, сохранял его только на данной стройке; он был не представителем класса капиталистов, а высококвалифицированным ремесленником, лично участвовавшим в труде и вкладывавшим в производство не капитал, а свои профессиональные навыки, которые он применял, говоря словами В. И. Ленина, как самостоятельный промышленник, работающий на заказу потребителя[24].

Также, как и мастера некоторых других специальностей, строители в принудительном порядке привлекались на казенные работы как для самого эмира и его арка, так и для некоторых общественных нужд (строительство и ремонт кварталь ных и сборных мечетей, ремонт и облицовка хаузов, рестав

[22] В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 336.

[23] Там же, стр. 339.

[24] Этим организация строительного дела в Бухаре в корне отличалась от охарактеризованной В. И. Лениным (Сочинения, т. 3, стр. 286—287) организации строительного дела в России, где ремесленники-строители были рабочими, нанятыми подрядчиком. Такую форму приобретала деятельность мастеров-строителей и в городах Туркестанского края и, прежде всего, в Ташкенте.

рация старинных сооружений). Система оплаты ремесленников, привлекавшихся к казенным работам и в дворцовые мастерские, производилась, хотя и в меньших размерах, но на основаниях, принятых при выполнении частных работ.

Приведенные выше примеры работы ремесленников на заказ показывают, что это не было особой формой, особым типом в социальной структуре **промышленности** г. Бухары, **так** как не охватывало ни одного промысла в целом.

Основное, определяющее место занимало в г. Бухаре товарное производство — изготовление продукции для сбыта ее на рынке. Если вспомнить описание развитого товарного производства у Наршахи-Кубави[25], то следует признать, что товарное производство промышленных товаров насчитывало в Бухаре более чем тысячелетнюю историю. В изучаемый период все отрасли бухарского ремесла — даже и те, в которых применялась работа на заказ — производили продукцию на широкий рынок и были не ремеслом в узком значении этого слова, а промышленностью.

Однако не все отрасли бухарской промышленности стояли на одном уровне: в то время, как одни оставались на ступени более примитивного и узкого товарного производства феодального типа, другие, в большей или меньшей степени, приближались к самой начальной ступени капиталистической промышленности, т. е. мануфактуре — раздробленной, технически отсталой, основанной на ручном труде и кабале[26].

Степень развития, достигнутая каждой отраслью, определялась тем, насколько широк и ёмок был рынок сбыта ее изделий. Одни отрасли были рассчитаны на удовлетворение потребностей жителей города, другие — на спрос, предъявляемый населением ближайшей сельской округи, третьи — на вывоз в дальние районы и в другие страны.

В зависимости от этого развивалась та или иная отрасль городской промышленности. Ее развитие выражалось не только в числе занятых в ней ремесленников, но и в ее социальной структуре, в специфике сложившихся производственных отношений, в степени развития в ней элемента капитализма.

К слабо развитым отраслям бухарской промышленности принадлежало, например, литье бронзы. Литейщики бронзы производили рыночную продукцию, но в незначительном количестве (в основном производство колокольчиков), а кроме того, являлись детальными ремесленниками для медников, которые заказывали им отливку некоторых частей медных сосудов. В соотьетствии с узким, ограниченным спросом на их про-

[25] Наршахи, **стр. 29—30 и** 20—24; **О. А Сухарева,** К истории городов., стр. 31—33.

[26] В. И. Ленин. Сочинения. т. 2. стр. 302—303.

дукции литейщики бронзы были представлены в Бухаре всего 30—40 мастерами[27].

Иную картину представляло собой литье чугуна. Оно принадлежало к более развитым отраслям бухарской промышленности и работало на широкий сельский рынок, потребности которого бухарские мастера не могли полностью удовлетворить; на бухарском рынке продавались также изделия (лемехи) работы мастеров из сельских центров (например, Вобкента)[28].

Это было сложное производство, в котором принимало участие большое число работников (до 30—40 человек на мастерскую в период отливки), где разделение труда могло осуществляться в более широких размерах. Хозяевами предприятий были в большинстве скупщики, не знавшие производства и даже не происходившие, как это часто бывает, из семей литейщиков[29]. Поэтому основной фигурой в этом производстве стал в изучаемый период наемный мастер-халфа, который превратился, в сущности говоря, в подлинного капиталистического рабочего.

В среде бухарских литейщиков давным-давно была изжита та патриархальная организация производственного процесса, которая сохранялась в этот период в Ташкенте, где еще была в обычае безвозмездная взаимопомощь мастеров друг другу, а также привлечение для помощи в момент литья соседей, которым за это дарили что-нибудь из изготовленных предметов (посир)[30]. В Бухаре литейное предприятие к изучаемому периоду превратилось в настоящую капиталистическую мануфактуру: основой производства был ручной труд, командные высоты занимал капитал, между участниками производственного процесса существовало разделение труда, а сами они были низведены на положение наемных рабочих,— словом, были налицо все те признаки, которые перечислил В. И. Ленин в его полной и четкой характеристике мануфактуры «по научной... классификации форм промышленности, в их последовательном развитии»[31].

Особенно высокотоварным было в Бухаре производство тканей. В этом смысле ткацкая промышленность стояла на пер-

[27] Нарисованную С. Айни картину производства литейщиков бронзы (Воспоминания, стр. 495) нельзя рассматривать как точное изображение этого производства. Можно предположить, что для описания этого производства писатель использовал свои наблюдения над литьем чугуна.

[28] Современный кишлак Средней Азии, вып. IV, стр. 145.

[29] На происхождение скупщиков из семей мастеров, как на типичное явление для России указывал В. И. Ленин (Сочинения, т. 2, стр. 398, 400—401 и др.).

[30] К а р и м а Ф а з и л о в а, Махалля Дегрез в Ташкенте (дипломная работа).

[31] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 402.

ном месте. Она была рассчитана на очень широкий рынок, предъявлявший ей разнообразный и специализированный спрос. Как по числу отдельных отраслей, так и по количеству занятых в ней ремесленников, по сумме оборотов эта отрасль промышленности г. Бухары была несравненно более развита, чем все другие. Ее развитие не приостановилось под влиянием конкуренции фабричных тканей, так как здесь производился ассортимент тканей, не поставляемый фабриками.

Развитие текстильной и ряда других высокотоварных отраслей ремесленной **промышленности** г. Бухары после при- соединения Средней Азии к России происходило в условиях • сложения внутри этих отраслей капиталистических отношений. Ткацкая промышленность г. Бухары встала на новый — капи- талистический путь развития.

Основной **формой,** которую приняло производство тканей в конце XIX — начале XX в., были крупные предприятия ка- питалистов. Эти предприятия **состояли** не только из собствен- ной мастерской (иногда нескольких, в каждой из которых ра- ботало до десятка ткачей), но и из большого числа мастеров- надомников, работавших в своих крошечных мастерских, на своих станках, но на материалах **владельца** крупного пред- приятия. Ему принадлежала и вся продукция. Хозяин такого предприятия обычно не принимал участия **в** производственном процессе — ни сам, ни члены его семьи, в частности сыновья; все они были заняты сбытом продукции предприятия, так как его владелец обычно имел несколько лавок, а кроме того, производил и оптовые торговые операции с купцами, вывозившими ткани за пределы Бухары.

Не владея знанием техники производства, бухарские пред- приниматели-текстильщики, как показали материалы, проис- ходили в большинстве из **семей** наследственных ткачей и в **этом** смысле были связаны с производством теснее, чем мы видели это в литье чугуна.

Появление сравнительно крупных мастерских и сосредо- точение в руках **Предпринимателей** десятков станков мастеров- надомников сделало возможным более рациональную органи- зацию предприятия. Крупными партиями закупалось сырье. **Если** раньше **ткач-одиночка** затрачивал время на доставку от одного ремесленника-специалиста, выполняющего отдельную детальную операцию, к другому только одном основы, то те- перь хозяин крупного предприятия отдавал в снование, краше- ние **и** перевязку пряжу на 20—30 основ сразу, снабжая ими работавших на него ткачей.

Большим шагом в деле концентрации производства, пре- одоления его вековой **раздробленности** — разделения произ- водственного процесса между отдельными мастерскими раз-

ных специальностей — было объединение с ткацким производством производства шелковой пряжи: многие крупные предприниматели присоединяли к своей ткацкой мастерской шелкомотальную, в которой производилась размотка и кручение пряжи.

Дальнейшая концентрация производства (объединение в едином предприятии всех остальных операций по подготовке пряжи — отварка грежи, крашение и т. д.) тормозилась. Предприятия бухарских промышленников в тот период были еще недостаточно велики по размерам (на крупнейших устокоров работало не более сотни станков), поэтому устокорам было невыгодно вовлекать в предприятие красильщиков, абрбандов, лощильщиков и т. п., так как один хозяин не мог загрузить их работой круглый год. На этом начальном этапе капиталистического способа производства могла еще использоваться традиционная средневековая система детального разделения труда, что было одним из проявлений незрелости капиталистических отношении в Бухаре конца XIX — начала XX в.

Таким образом, неоднородная по своей структуре ремесленная промышленность г. Бухары представляла собой два основных типа: товарную промышленность, феодальную по своей структуре, и капиталистическое мануфактурное производство на начальной ступени его развития, частично в виде рассеянной мануфактуры. Между этими двумя типами был ряд переходных форм; в слабо развитых промыслах (в кондитерском производстве, в литье бронзы и др.) начали появляться более крупные мастерские, где использовался труд наемных мастеров, но их привлечение было в этих промыслах скорее исключением, чем правилом.

Особый тип составляли, по характеру своей деятельности, строительные ремесла, не производившие товарной продукции и сохранившие чисто феодальный строй; особняком стоял архаический тип, представленный производством циновок, которое, несмотря на товарность, сохраняло черты семейно-общинной организации промысла. Наряду с естественно сложившимися в ходе развития товарного производства формами организации промышленности в Бухаре сохранялась реликтовая форма феодальных дворцовых мастерских и принудительное привлечение ремесленников к выполнению заказов двора и казны.

5. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Неодинаковый уровень развития отдельных отраслей промышленности г. Бухары порождал в них различные производственные отношения — от очень примитивных в циновочном

• промысле до капиталистических, складывающихся в литье чугуна и обработке волокна.

В циновочном промысле еще не успела сформироваться типичная для феодальной **промышленности** профессиональная корпорация, отсутствовало ученичество (обучались в процессе работы сыновья и дочери плетельщиков), широко применялся по семейной линии женский труд, производилась общественная заготовка сырья и совместное пользование им. В промысле плетения циновок мы видим еще не изжитые пережитки общинных отношений, занесенные в город недавними сельчанами. Крепкие связи этой группы с родственниками-сельчанами способствовали **сохранению** этих пережитков. Примитивная организация промысла циновщиков может быть **охарактеризована** как реликтовая, семейно-общинная. Хотя через сбыт продукции промысел оказался втянут в рыночные отношения, он не успел утратить свой примитивный характер. Причины этого лежат в крайней узости рынка сбыта его продукции и, как следствие этого, в слабом развитии самого промысла.

В организации всех остальных отраслей бухарской промышленности мы видим **типичный** строй средневекового цехового ремесла. Он был представлен здесь двумя типами.

В одних отраслях бытовала более простая, двучленная система производственных отношений: здесь в производстве участвовали только мастер и ученик (хальфа не было). Такую структуру имело, например, производство литейщиков бронзы. Отношения, основанные на двучленной системе (мастер—ученик) сохранялись в отраслях, отличавшихся слабой степенью товарности. Их можно считать генетически связанными с ранним этапом в истории феодальной промышленности и товарного производства. Такие отрасли характеризовались длительным ученичеством при сохранении известной патриархальности в отношениях между мастером и учеником. Это, однако, ни в коей мере не уменьшало эксплуатации последнего, а наоборот, усиливало ее, закрепощая ученика на более длительный срок. **Установившиеся** традиции патриархального почтения **к** учителю лишали ученика возможности протеста.

Наиболее ранней, примитивной формой ученичества было обучение прямых потомков ремесленника — его детей. Эта форма, как **мы** видели, была правилом в производстве циновок[32]. Наследственная передача ремесла имела также распространение, хотя и меньшее, во всех других, более раз-

[32] По свидетельству **Е. М.** Пещеревой, такая система господствовала в ремесленной промышленности некоторых слаборазвитых городских центров (г. Ходжикент, где не успел сложиться в полной мере **цеховой** строй **феодального** ремесла, и промысел передавался, как правило по наследству (Гончарное производство Средней Азии. М.—Л. 1959 стр. 312).

витых отраслях. Ремесло передавалось не только по **прямой** линии — сыновьям, но и по боковой — племянникам с отцовской, а иногда и с материнской стороны. Обучение сыновей и племянников проходило в процессе работы, их **использовали** в качестве подсобной силы на производстве. Отец или дядя многие годы пользовались их трудом, бесконтрольно распоряжаясь производимым ими прибавочным продуктом.

Привлечение к работе сыновей или **родственников, а** в случае их отсутствия — посторонних, было продиктовано не только и не столько желанием обучить их профессии, но прямой необходимостью: разделение **труда** требовало участия подсобной рабочей силы, **использовавшейся** и для чисто производственной помощи, **и** для **обслуживания** мастера, выполнявшего ответственные, **требующие** специальных навыков, операции. Принимая участие в работе, ученик постепенно **усваивал** все технические **приемы и** знания.

Сыновья мастера, приобретая **квалификацию** и получив посвящение, до самой смерти своего отца работали обычно в его мастерской, **полновластным** распорядителем доходов которой последний и оставался. Эта организация производственной «семейной кооперации»[33] вполне **соответствовала укладу** всего народного быта — сохранению неразделенной семьи.

«Семейная кооперация» была построена на тяжелой эксплуатации используемых в производстве младших членов семьи или родственников. Дело развивалось тем успешнее, чем большее число членов семьи участвовало в работе, что создавало условия для накопления капитала, давало возможность расширять производство уже за счет привлечения наемных мастеров. «Семейная кооперация» несла в себе, как показывает В. И. Ленин, зародыш **капиталистической** кооперации.[34] В этом отношении неразделенная семья бухарского ремесленника с ее патриархальным укладом вполне **оправдывала** оценку, данную К. Марксом патриархальной семье, которая «содержит **в** зародыше не только рабство (servitus), но и крепостничество...»[35]. Сыновей или родственников мастер стремился обучить в возможно короткий срок и более **полно** передать им свой опыт.

Наследственная передача ремесла была в Средней Азии широко распространена, однако в Бухаре этот обычай со временем перестал быть обязательным. Здесь отец, недовольный своим ремеслом, отдавал сына в обучение к мастеру другой

[33] См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 303.
[34] Там же.
[35] Эти слова К. Маркса приведены Ф. Энгельсом в его работе **«Происхождение** семьи, **частной собственности и государства»** 1953, стр. 58.

специальности. Показательна в этом отношении судьба трех поколений семьи мастера-строителя Усто Маджида Салихо-ва (1852—1950): его дед был чтецом корана, отец — ткачом адраса, а Усто Маджид стал строителем. Таким образом, три поколения семьи на протяжении XIX в. сменили три профес-сии. Их не остановило распространенное суеверие, которое в Самарканде, например, сохраняло свою власть над умами ре-месленников еще в начале XX в.: верили, что за измену **на-следственной** профессии — «оставление се на дороге» — чело-века постигнет **наказание, и** новая профессия не будет прино-сить дохода.

Посторонние находились в худшем положении, чем уче-ники-родственники, главным образом из-за **неопределенности** дальнейшей их судьбы. Принимая такого ученика, мастер не брал на себя обязанности обучить его промыслу, не нес за него юридической ответственности. В Средней Азии не было **в** обы-чае обусловливать каким-либо соглашением — письменным или устным — отношения между мастером и учеником или его родителями. Последние, приведя к ремесленнику сына, обычно говорили: «мясо его ваше, кости наши», отдавая его тем самым в полное распоряжение хозяина. Мастера брали себе дарового бессрочного работника и употребляли его на работах по своему усмотрению, использовали труд ученика на домашних работах, что продолжалось нередко много лет. Стре-мясь не создавать себе, своим сыновьям и сотоварищам по про-фессии конкуренции, мастер зачастую скрывал от постороннего ученика применяемые им приемы, не позволял ему присут-ствовать при выполнении **наиболее** ответственных операций.

Платы за обучение ученика мастер не получал — **она** появилась в некоторых отраслях лишь в начале XX в. в свя-зи с развитием в них новых производственных отношений.

Ученичество рассматривалось как служба (хизмат), говоря об этом периоде своей жизни, мастера обычно упо-требляют выражение: «Я столько-то лет служил **учеником»** (шогирд истода **хизмат** кардам). Именно поэтому платили не мастеру за обучение, а ученику за работу: его* учитель должен был нести расходы по содержанию ученика, а позднее и понемногу приплачивать ему.

Это дает нам основания рассматривать институт учениче-ства не как систему **обучения,** а как систему эксплуатации, которая в менее развитых отраслях была единственным путем привлечения чужого труда. Понятно, что для хозяина мастер-ской наибольший интерес представлял не мальчик, отданный ему в обучение, а квалифицированный работник, безвоз-мездный труд которого в течение многих лет являлся источ-ником получения **им** прибавочного продукта. В некоторых

отраслях взрослый ученик, т. е. по существу, квалифици□ рованный подсобный работник, являлся необходимым участ□ ником производственного процесса.

Однако мастер не мог бесконечно эксплуатировать учени□ ка. Наступало время, когда ученик, овладевший техникой производства, имел право обратиться к старшине цеха с просьбой ускорить посвящение, или, другими словами, дать разрешение на самостоятельную работу. Цеховая этика обя□ зывала старшину оказать на мастера влияние. Это был острый момент борьбы противоположных интересов, борьбы, протекавшей обычно в скрытых формах, с соблюдением эти□ кета почтения к старшему, тем более к обучившему ремеслу. Решающее слово было за мастером. В некоторых бухарских промыслах по обычаю получивший самостоятельность ученик оставался в мастерской хозяина на положении ученика или нимкора (т. е. работал бесплатно или за половинную плату) еще несколько месяцев после получения посвящения[36].

Следует пересмотреть и перевод самого термина шогирд. Как нам кажется, его лучше переводить словом «подручный»[37]. При оценке отношений между мастером и учеником нельзя упускать из вида, что, несмотря на острую противоположность их интересов, они еще не были представителями двух анта□ гонистических классов. Они сделались таковыми позднее — к началу XX в. — в процессе формирования отношений капи□ талистических: превращения хозяина в капиталиста□предпри□ нимателя, а ученика — в рабочего.

Отношения между учеником и его хозяином, как пра□ вило, письменно не оформлялись. Редчайшим исключением являются два опубликованных документа (وثيقه شاگردی):

которые были внесены как образцы в книгу казийских до□ кументов XVI в., приобретенную В. Л. Вяткиным у ургут□ ского казия[38]. Остается неясным, было ли в то время составление соглашений обычным явлением или они зак□ лючались лишь в особых случаях. Анализ этих документов (более близких к изучаемому периоду, чем мы не знаем) имеет большое значение для понимания отношений между мастером и его учеником.

В первом документе, составленном от имени Турсун-Мухаммада сына Курбона, говорится, что он отдает себя

[36] Этот обычай, по материалам И. М. Джабарова, существовал и у ремесленников Хорезма.

[37] Значение «подручный» (а никак не ученик) он имеет в составе термина шогирд-нишо, обозначавшего служителей (подручных) должно□ стных лиц, например казия.

[38] Казийские документы XVI в., Ташкент, 1937, № 35, стр. 24—25.

в наем (نقش خودمر اباجاچشاگردی دادەام) мастеру Кучику, ткачу алачи за 3000 динаров на полтора года и обязуется исполнять всякую работу, которую мастер ему поручит. В то же время Турсун-Мухаммад „берет в наем" своего учителя за 1000 динаров, чтобы тот за этот срок обучил его своему мастерству... (که دراین مدت صنعت الاچەبافی و ماستعاق تعلیم کند); а остальную сумму первого найма, т. е. 2000 динаров, потратил на питание и одежду ученика.

Второй документ составлен от имени Мулло Фазулло, сына Мулло Рустамо-никкоша, который „отдавал в наем" своего маленького брата (برادر... صغیر); находящегося на его иждивении, валяльщику кошм (نمدمال) сроком на три года за 5000 динаров. Учителя он „брал в наем" за 3000 динаров, чтобы тот обучил ученика за этот срок так, чтобы „мастера этого ремесла одобрили" (که استادان او صنعت); а остаток суммы первого найма потратил бы на питание и одежду ученика.

Как видно из обоих документов, денежные обязательства были чисто фиктивными,— они полностью взаимно погашались. Кому же из двух вступавших в юридические отношения сторон было нужно составление документа? Учитель не нуждался в защите своих прав при помощи официального документа: ему и так было обеспечено беспрекословное повиновение ученика и выполнение им любой работы, так как во власти хозяина было выпустить ученика на самостоятельную работу или не дать ему разрешительной молитвы.

Единственной целью оформления отношений документом могла быть охрана интересов ученика. Согласно документу учитель обязывался обучить его своему ремеслу в указанный срок, а не задерживать у себя на неопределенное время, чтобы пользоваться, как это обычно бывало, даровым трудом уже достаточно овладевшего ремеслом ученика. Именно для защиты ученика от произвола хозяина семья шла на дополнительные, и немалые, расходы по оформлению у казия документа. Это позволяет только предполагать, что подобные соглашения заключались при поступлении ученика из состоятельной семьи. Если в XVI в. составление докумен-

тов было обязательным для всех учеников, то следует сде□ лать вывод о значительном ухудшении положения учеников в более поздний период, когда их права не оформлялись.

Рассмотрим второй тип производственных отношений в промышленности, основанной на ручном труде,— трехчлен□ ную структуру промысла (мастер□хозяин — наемный мастер — ученик). Эта система сложилась в более позднее время, чем двучленная; она знаменовала собой увеличение размеров мастерской, в которой создавались условия для дальнейшего развития разделения труда, а следовательно, и для увеличе□ ния его производительности. «С увеличением размеров заве□ дений повышается производительность труда»[35] и, в резуль□ тате, в тех отраслях промышленности, в которых сложилась трехчленная система, создавались условия для расширения базы товарного производства. А все большая товаризация мелкотоварного производства, в свою очередь, служила сти□ мулом развития производительных сил всего общества в целом.

Таким образом, появление трехчленной системы производ□ ственных отношений имело большое прогрессивное значение. В социальном смысле сложение новой системы означало рост социальной дифференциации ремесленников. Среди них вы□ делились предприниматели□устокоры, с одной стороны, и зависимые мастера□хальфа, лишенные средств производства, с другой. Основным источником получения прибавочного продукта становится труд наемного мастера. Значение уче□ ничества как источника нетрудовых доходов сокращается.

Более поздняя и прогрессивная, трехчленная система заро□ дилась еще в средние века. Уже в X в. источники по истории Средней и Передней Азии упоминают, наряду с мастером□хо□ зяином и учеником, наемного мастера — муздвар[40]. В Иране этого же периода в составе профессиональных корпораций И. П. Петрушевским отмечаются «мастера (устад), под□ мастерья (хальфа) и ученики (шагирд)»[41]. Следовательно, уже в тот отдаленный период существовали ремесленные мастерские, где работало не два человека (хозяин и ученик), а три и больше (хозяин, один или несколько хальфа и уче□ ники), и где сложились условия для углубления разделения труда.

Следует при этом подчеркнуть, что этой ступени разви□ тия достигли далеко не все отрасли феодальной промышлен□ ности. В Бухаре конца XIX— начала XX в. развитую трех□

[35] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 304.
[40] А. Ю. Якубовский. Феодальное общество., стр. 8.
[41] Н. Пигулевская и др., История Ирана., стр. 139.

членную систему производственных отношений имели лишь ткацки», сапожный и чугуполитейный промыслы. В неко торых других (кузнечный, кондитерский и др.) хальфа име лись, но лишь как исключение, у немногих самых крупных мастеров.

Эти данные свидетельствуют, что совершенно неправо мерно распространятв наши представления о трехчленной структуре ремесленной промышленности на все ее отрасли. Между тем в работах историков и этнографов такая струк тура обычно трактуется либо как свойственная всей про мышленности в целом[42], либо как наиболее распространен ная, наиболее типичная[43]. В свете новых собранных нами фактов становится совершенно ясным, что более высокая трехчленная структура успела сложитвся и сделатвся основ ной лишь в наиболее развитвх высокотоварных отраслях ремесленной промышленности.

Это нужно учитывать и при характеристике всего облика **средневековой** промышленности в целом и при анализе кон кретных сведений, содержащихся в исторических источниках. Приведенные выше свидетельства источников X—XII вв. о наемных мастерах также, конечно, нельзя относить ко всем отраслям ремесла того времени — они были свойственны и тогда лишь немногим, наиболее развитвм. Распространение трехчленной структуры должно было потребовать немало времени, в отраслях, где труд хальфа применялся мало, она появилась возможно лишь в самом конце феодального периода, под влиянием все большего развития товарных отношений.

Пе следует также преувеличивать и глубину расслоения ремесленников. Хотя появление наемных мастеров хальфа знаменовало собой большой шаг в социальной дифферен циации промышленного населения, все же и здесь мы имеем еще дело лишь с прослойками внутри ремесленников, проти востоявших классу феодалов, подвергавшихся феодальной эксплуатации и боровшихся против нее.

Правда, «подмастерья п ученики были организованы в каждом ремесле так, как это наилучшим образом соотъет ствовало интересам мастеров», но «подмастерья были свя заны с существующим строем уже в силу своей заинтересо-

[42] Такая обобщенная трактовка видна и в только что нриведенных сообшениях А. Ю. Якубовского и И. П. Петрушевского; см. также «Исто рия Узбекской ССР», т. I, книга вторая, стр. 23 И др.

И. К. Нарскулов, указ. соч., стр. 55. Такого же нонимапия социальной структуры ремесленной промышленности Узбекистана нридер живался раньше и автор (см. раздел «Ремесло» в «Истории народов Узбе

ванности в том, чтобы самим стать мастерами»[41]. В феодальном ремесле положение подмастерья (а в Средней Азии, где подмастерьев не было, наемного мастера) было временным: с течением времени он становился самостоятельным мастером. Не только в тот ранний период средневековья, когда фигура наемного мастера только появилась, но и много позднее — вплоть до самого конца XIX в.— хозяин мастерской, державший хальфа, не был еще капиталистом-предпринимателем, а — хальфа-капиталистическим рабочим.

Однако принадлежность устокора и хальфы к одному классу, противостоявшему классу феодалов, не исключала того факта, что отношения между хозяином мастерской и работавшим у него наемным мастером определялись острой противоречивостью их интересов. Поэтому переход к трехчленной структуре производственных отношений знаменовал собой и новый этап в социальной борьбе, происходившей внутри ремесленных корпораций.

Свойственная народам Средней Азии патриархальность, определявшая правила поведения и стиль взаимоотношений в среде ремесленников, оказывалась не в состоянии прикрыть внутренние противоречия, погасить борьбу между наемными мастерами, с одной стороны, и мастером-хозяином, с другой. Своеобразной формой борьбы против эксплуатации было бегство хальфа от закабалившего его хозяина в другой город[46].

Возможно еще в средневековье сложилась и более действенная форма борьбы — своеобразные забастовки наемных мастеров. Если хозяин нарушал общепринятые — и без того тяжелые — нормы эксплуатации (например, не обеспечивал своим хальфа установленного обычаем питания), все работавшие у него хальфа бросали работу и обращались за помощью к старшине цеха. Последний объявлял такого устокора «нарушившим правила» (бекоида мекард), вешал замок на дьерях мастерской и не позволял никому поступать к ее хозяину на работу. Престиж старшины сильно пострадал бы, если бы он при таких обстоятельствах отказал в поддержке забастовавшим мастерам. Провинившийся был обязан принести публичное покаяние, устроив на свой счет угощение верхушке цеховой корпорации. Только после этого старшина давал ему разрешение продолжать работу.

Забастовки феодальных ремесленников не носили массового характера: они были направлены не против всех устокора

[41] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 51.
[46] См. История Узбекской ССР, т. I, книга вторая, стр. 22; С. Айни. Воспоминания, 551—552.

коров, а только против того, который преступил общепри□нятые нормы эксплуатации. Характерной чертой таких за□бастовок была обязательная санкция цехового старшины.

Здесь противостояли друг другу мастера в «подмастерья», которые, однако, «не шли дальше мелких столкновений в рамках отдельных цехов, столкновений, неразрывно связан□ных с самим существованием цехового строя»[46]. Поддержка, которую цех оказывал протестующим, была действенным средством, предотвращавшим дальнейшее разрастание кон□фликта. Все этнографические данные свидетельствуют, что главной задачей цехового старшины было именно поддержа□ние мирных отношений между различными прослойками ремесленников, имевших противоположные интересы. Хотя верно, что старшина защищал при этом в первую очередь наиболее «крепких» ремесленников, т. е. богатых хозяев ма□стерских, все же нельзя представлять его послушным ис□полнителем их воли, полностью игнорирующим интересы большинства[47]. Занимая примиренческую позицию, иногда поддерживая или хотя бы создавая иллюзию поддержки недовольных, он предотвращал разрастание конфликта — и в этом была одна из традиций цеховой этики, в которой отражалась и общенародная этика. «Примирение» (муросео) во что бы то ни стало — было и целью, и методом в ула□живании противоречий на производстве, так же как и в семье и в обществе.

Эта же цеховая этика была сдерживающей силой, тормо□зившей социальную борьбу. Признавалось тяжелым грехом поднять руку на своего хозяина или обругать его, «забыв хлеб-соль, которые хельфа съел в его доме».

«Патриархальные отношения между ними (подмастерья□ми — О. С.) и мастерами придавали последним двойную си□лу»[48], не только материальной зависимости, так как «мастера оказывали непосредственное влияние на всю жизнь под□мастерьев»[49], но и силу морального кодекса, общепринятой этики.

Грехом считалось нарушение любого правила, выработан□ного цеховой корпорацией. Цех стоял на страже сложивших□ся в каждой отрасли порядков, охраняя прежде всего ин□тересы основной прослойки ремесленников — самостоятель□ных мастеров, обладателей собственных мастерских, и высту□пая против каждого конкретного нарушителя цеховых правил.

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 52.
[47] Так изображает цехового старшину саножников С. Лёй и (Ёддошт-хо. III, глава Бобол ноафзолдузон стр. 229—234).
[48] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 51.
[49] Там же.

Если хальфа бежал от хозяина, не вернув бупака, цехо- вой старшина обязан был разыскатв его и не позволял ему поступать на работу к другому устокору или открывать свою мастерскую до тех пор, пока хальфа не возвращал долга.

Громадную силу имело воздействие профессиональной этики, профессиональной идеологии, расценивавшей каждое нарушение исконных правил как преступление против религии.

Несмотря на все это, противоречия между хозяином мастерской и работавшими у него наемными мастерами приводили иногда и к острым, открытым столкновениям. Правда, о борьбе ремесленников за свои права в период раннего феодализма мы знаем очень мало: на это указы- вают лишь тексты рисоля, в которых мы нередко встречаем специальный запрет «хвататв мастера за ворот». По для более позднего времени в нашем распоряжении оказывается этнографический источник — рассказы ремесленников стар- шего поколения, ярко рисующие конкретные проявления этой борьбы, очевиднами которых они были. В памяти бухар- цев еще живы воспоминания об острых столкновениях халь- фа со своими хозяевами, имевших место среди ткачей в начале XX в.

Проанализируем сущность производственных отношений между хозяином мастерской и наемными мастерами халь- фа, производившими основную массу продукции в отраслях, имевших трехчленную структуру. Па чем строилась эксплуа- тация наемных мастеров и в чем разница между средневе- ковым хальфа и капиталистическим рабочим? В Средней Азии отсутствовало юридическое крепостное право, и ремес- ленники были свободными[50]. Поэтому здесь в системе фео- дальных отношений на первый план выступало экономиче- ское принуждение, и это придавало им сходство с капита- листическими отношениями, основанными на найме как купле-продаже рабочей силы.

Однако найму хальфа была присуща своеобразная черта, в корне отличавшая его от капиталистического найма: по- ступая на работу, хальфа превращался в работника, лично зависимого от хозяина, лишался права уйти от него по свое- му желанию. Орудием его закабаления служил кабальный задаток — бупак. Институт бупака носил упиверсальный характер и широко применялся при найме работников как

[50] Об этом имеются прямые сведения источников для X в. См. А. Ю. Якубовский, Феодальное общество, стр. 7; Н. В. Пигу- левская и др., История Ирана, стр. 139.

в сельском хозяйстве, так и в ремесле. Его следует рассматривать как один из важнейших феодальных институтов закрепощения тружеников.

Бунак — это задаток, представляемый нанимающемуся с условием, что долг будет погашен в случае ухода от хозяина. Трудность, а подчас и невозможность вернуть задаток, который достигал довольно крупной суммы, превращала хальфа в лично зависимого человека, т. е. придавала отношениям между ним и его хозяином характерные черты феодальных отношений. Сущность бунака ярко отразилась в употреблявшейся среди ремесленников фразеологии: хальфа, получивший бунак, говорил, что его «продали за эту сумму».

Если искать для фигуры хальфа исторических параллелей, то ближе всего он может быть сопоставлен с русским закупом средних веков. Б. Д. Греков, исследовавший институт закупничества, подчеркивает, что «закупный наймит выступает в виде зависимого человека, весьма мало похожего на капиталистического рабочего, продавшего свою рабочую силу», что «задаток» в старом значении этого термина (с которым мы вправе сопоставить среднеазиатский бунак) «это и есть та сумма денег, которую закуп получил от своего господина при вступлении в зависимое состояние»[51]. Б. Д. Греков подчеркивает, что закупничество было проявлением экономического принуждения в эпоху феодализма: «именно таким экономическим путем попадал в подневольное состояние и закуп»[52].

У нас нет данных для того, чтобы судить, когда появился в Средней Азии институт бунака: выдача задатка никогда не оформлялась документом. Гарантом, обеспечивавшим его возвращение, был цеховой старшина, который должен был следить за выполнением всех обязательств («бупак ба умеди бобо медодан» — «бупак давали, надеясь на старшину»).

Степень закабаления закупа во все периоды, конечно, была не одинаковой, но конкретных данных по Средней Азии у нас не имеется; можно лишь установить, что закабаленность закупа в России X—XII вв. была выше, чем хальфа в Средней Азии конца XIX — начала XX в.: там закуп должен был вернуть полученный им «задаток» в двойном размере, в то время как среднеазиатский хальфа возвращал его в одинарном.

В закабалении хальфа большую роль играло также то, что он жил в доме хозяина и получал от него полное питание. Таков был общепринятый порядок, обеспечивавший

[51] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси т. I 1952 стр. 172.
[52] Там же, стр. 173.

хозяину максимальные возможности эксплуатации работающего у него мастера. Хальфа, приходившие из других мест, нередко были вынуждены поселятся у хозяина, однако в Бухаре таких пришельцев было мало, так как иногородние ткачи не владели техникой производства бухарских высокосортных тканей. Здесь хальфа чаще всего были из горожан и предпочитали жить дома, со своей семьей. Иногда хальфа отказывались и от питания. Эта особенность быта бухарских хальфа ослабляла степень их закрепощения и обеспечивала им более сносные условия существования; но подобный порядок появился, конечно, сравнительно поздно и, можно думать, установился не без борьбы.

Трехчленная система производственных отношений в ремесленной промышленности, являясь порождением феодального общества, таила в себе возможность дальнейшего социально-экономического развития, создавая условия для расширения производства, углубления социальной дифференциации и зарождения капиталистических отношений.

С присоединением Средней Азии к России, разбившим оковы той замкнутости, которая столетиями отделяла среднеазиатские народы от остального мира, развитие капитализма в большей или меньшей степени захватило различные отрасли ремесленной промышленности. Это в корне стало менять сложившиеся в эпоху средневековья социальные отношения, и их изменения были тем глубже, чем более развивалась по капиталистическому пути та или иная отрасль ремесленной промышленности.

Колониальный строй тормозил это развитие, и новые отношения складывались медленно и не во всех отраслях. Наиболее яркое и законченное выражение, как указывалось выше, они получили в ткачестве. Крупные устокоры, объединяя разрозненные раньше карликовые мастерские и, превращая их в более сложные по своей структуре предприятия мануфактурного типа, создавали условия для дальнейшего развития разделения труда и повышения его производительности. В крупных предприятиях устокоров осуществлялось то «действие большего числа рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда), для производства одного и того же сорта товаров, под командой одного и того же капиталиста», которые К. Маркс считал «логически и исторически исходным пунктом капиталистического производства»[52].

Таким образом, социальная природа крупного бухарского устокора самого конца XIX—начала XX в. для нас ясна

[52] К. Маркс, Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 354.

это представитель нового класса, класса капиталистов. Он имеет мало общего с средневековым устокором, работавшим в своей мастерской с помощью двух-трех наемных **мастеров,** представителей того же класса ремесленников, каким был **и** он сам. Теперь устокора и работавшего у него мастера разделила непроходимая пропасть.

Устокору-капиталисту как социальный антипод противостоит наемный мастер-хальфа. Участвуя в работе капиталистического предприятия, он не мог оставатвся прежним феодальным ремесленником: социальный смысл института хальфа стал иным. Если раньше положение наемного мастера-хальфа было для очень многих ткачей промежуточной и **к** тому же необязательной ступенью к превращению в хозяина собственной мастерской, то теперь хальфа становился социальной фигурой в новой структуре феодального общества: он был представителем нарождающегося пролетариата, к тому время как устокор сделался представителем буржуазии.

Участьуя в работе капиталистического предприятия — каковым было преднриятие устокора, хальфа превратился в капиталистического рабочего. Однако поскольку сохранялась прежняя основа — **ручной** труд,— классовое лицо бухарского рабочего-ремесленника XIX—начала XX в. продолжало сохранятв традиционный облик средневекового хальфа. По-прежнему сохранялась система бупака. По, возможно, природа этого института в период разложения феодальных и формирования капиталистических отношений претерпела изменения. С. Айни трактует бупак, как погашаемую частями ростовщическую ссуду, на которую нарастают проценты и проценты на проценты[54]. Если только писатель не ошибся, такая роль бупака в Бухаре являлась позднейшей деформацией старого института и особенностью быта этого города. В других городах на бупак проценты не насчитывались, **и** по частям ом не погашался при еженедельных расчетах хозяина с хальфа. Возможно, отмеченный С. Айни порядок выплатвы бупака как ростовщической ссуды отражал перерождение этого института в новых условиях, превращавшее бупак из платы за человека в долговое обязательство. Опутывание рабочих долгами широко практиковалось, особенно на ранних этапах, и в **капиталистической** машинной индустрии. Решитв вопрос о роли бупака в период сложения капиталистической мануфактуры — дело будущих исследований.

Весьма интересной фигурой в ремесленной промышленности г. Бухары является хальфа, нанимавшийся на работу

[54] С. Айни. Воспоминания, стр. 545—549.

без бунака (хальфайи орият). Такой хальфа лично не был закрепощен. Это подчеркивали и информаторы: по их словам, хальфа, получивший бунак, не имел права уклоняться от поручения хозяина, не смел запоздать или не прийти на работу, тогда как хальфа орият позволял себе поступать так, как ему было удобно — оплата была сдельной. Хальфа, который был в состоянии работать без бунака, не нуждался в нитании у хозяина и в проживании у него.

Мы не знаем, когда появился хальфайи орият. Его появление знаменовало собой значительный прогресс в преодолении феодальных отношений в мелкотоварном промышленном производстве. Такой порядок найма мастеров мог появиться в период перехода к капиталистическим отношениям после присоединения Средней Азии к России или еще ранее, как следствие зарождения элементов капитализма в недрах самого феодального общества. Этот интереснейший вопрос остается пока неизученным: для его решения необходимы более ранние исторические материалы, которые у нас отсутствуют. Институт хальфайи орият пока может быть изучен лишь по этнографическим данным, освещающим более поздний период.

Необходимо остановиться также на положении мастера-одиночки, работавшего самостоятельно в своей собственной мастерской.

Эта фигура наиболее типична для эпохи феодализма, она встречается во многих отраслях бухарского ремесла конца XIX — начала XX в. Даже в ткачестве — наиболее развитой отрасли бухарской промышленности — еще оставались ткачи-одиночки (устои худбоф), а одиночку работали заргары и многие другие ремесленники.

Фигура мастера-одиночки отличалась неустойчивостью: обеднев, он нанимался в чужую мастерскую как хальфа, окрепнув экономически, сам нанимал хальфа.

Основу для повышения его благосостояния мог составить труд его подросших сыновей, работавших с ним в мастерской. Именно эксплуатация младших членов семьи — «семейная кооперация» — позволяла немногим из мастеров-одиночек превращаться в устокоров и расширять свое производство дальше уже за счет найма хальфа. В. И. Ленин указывал, что «употребление наемного труда идет параллельно с увеличением числа семейных рабочих»[86].

В Бухаре конца XIX — начала XX в., в особенности во второй половине этого периода, фигура мастера-одиночки, рабо-

[86] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 303.

тавшего в своей собственной мастерской в качестве самостоятельного предпринимателя, сделалась уже анахронизмом и сохранялась в основном лишь в слаборазвитых отраслях. В большинстве случаев эта самостоятельность оказывалась мнимой[56]: мастер-одиночка обычно был связан либо со скупщиком, либо с крупным предприятием, от хозяина которого он получал сырье, **бунак**, а иногда (в условиях г. Бухары) и питание.

В обоих случаях он был лишен экономической самостоятельности, так как и скупщик, и хозяин полностью отделяли его от рынка. Хотя такой мастер-одиночка и владел средствами производства, все же он находился в полной зависимости от хозяина и по сути дела превращался в рабочего на дому. К нему в полной мере можно отнести высказывание В. И. Ленина, характеризующее положение ремесленников России: «...пресловутая «самостоятельность» кустарей нисколько не гарантирует от... эксплуатации в се худшей форме... на деле положение громадной массы этих «самостоятельных» кустарей зачастую более жалкое, чем положение **наемных** рабочих у кустарей...»[57].

Такие ремесленники на своей спине ощущали «вредные стороны капиталистического способа производства», в условиях, когда они «совпадают... с гнетом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства»[58]. Если интересы хальфа,— традиционной для цеха прослойки эксплуатируемых ремесленников — хоть в какой-то мере защищались цеховым регламентом, то в отношениях между мастером, работающим на дому, и его устокором или скупщиком, цеховая общественность совершенно не вмешивалась. Здесь не создалось еще крепких общепринятых норм, а следовательно, и не вставал вопрос о их нарушении. В результате мастер-одиночка оказывался полностью беззащитным против самой тяжелой эксплуатации. Хозяину отдавался труд не только самого ткача, но и всей его семьи; женщины, по установившемуся порядку, были заняты подготовкой пряжи для утка.

Так как женский труд не ценился и занятость женщин в производстве не повышала сколько-нибудь заметно доходов семьи, создавая в то же время бытовые трудности, поло-

[56] В. И. Ленин, характеризуя положение «одиночек-кустарей», пишет, что их «самостоятельность... оказывается, при подчинении их рынку, совершенно фиктивной» (Сочинения, т. 2, стр. 366).

[57] В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 416.

[58] К. Маркс, Капитал, т. III, 1936, стр. 715.

жение надомника становилось еще более тяжелым[59]. Его горестная доля нашла отражение в унылой песне, сложенной, как видно из ее содержания, в среде именно этой прослойки ремесленников:

Сердечко мое в желчь превратилось от стука
ткацкого станка.
Глазники слезятся от связывания
рушащихся нитей основы.
Сидя в яме, с рассвета до вечера нажимаю я
на недали станка.
Согнулся стан мой под тяжестью дел и забот.
Целый день ходит батан от станка
к моей груди и обратно.
С вечера до ночи ворчит моя бедная старуха,
А на рассвете устокор уже стучится в ворота.
Как у больного, пожелтело лицо мое
под бремепем этого рабства[60].

Система работы на дому получила развитие главным образом в наиболее развитых отраслях — в ткацких и сапожных промыслах, где складывались капиталистические предприятия. Такие отрасли бухарской промышленности в изучаемый период переживали «мануфактурный... период развития капитализма», который... «трудно, почти невозможно себе представить без раздачи работы по домам»[61].

Система этой «распыленной мануфактуры» отливалась в различных районах не в одинаковые формы. В положении мастера-надомника г. Бухары, по сравнению с другими райо-

[59] Мы в корне не согласны с оценкой положения надомника в книге И. К. Нарзикулова. Верно, что «иллюзия самостоятельности» (стр. 62) была еще дорога ремесленнику начала XX в. — и в этом сказывалась неразвитость его классового сознания. Но утверждать, что «в этой форме найма были заинтересованы обе стороны — и хозяин-устокол и кустарь-рабочий» (там же), — значит идеализировать положение последнего. Положение надомника-рабочего во всей Средней Азии, в том числе и в Бухаре, было много тяжелее, чем положение халфа, работавшего у хозяина.

[60] Текст песни был записан автором со слов самаркандских ткачей, позже он встретился в школьном учебнике для младших классов, составителем которого, несомненно, был также использовал фольклорный источник. Приводим таджикский текст песенки:

Дилакам зардоб шуд аз чанг-чанги бофандаги;
Чашмакам пуроб шуд аз рештахони кандаги.
Аз субх то том дар чохи поёнпои хонаам
Кўматам дуқад шуд аз кору бори зиндаги.
Рўзи дароз дасткаш ба синаи хешам
Аз шом то хуфтан камар-вар макунад
Сахар устокор ба дарвоза тақ-так мекунад
Хазон шуд руям аз хуфтанбои бандаги.

Русский перевод этого текста был в несколько иной редакции, приведен автором настоящих строк в написанном им разделе «Истории народов Узбекистана», II, стр. 286.

[61] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 386—387.

нами ханства, имелись некоторые характерные отличия. Здесь надомник и хальфа по своему положению были ближе друг к другу, чем, например, в Самарканде. Там хальфа, как правило, жил и питался у хозяина, в то время как надомник жил у себя дома и питания не получал. В Бухаре же и надомник, и хальфа проживали чаще всего со своей семьей, и тот и другой в одних случаях пользовались от хозяина питанием, в других — отказывались от этого. В условиях Бухары разница между надомником и хальфой заключалась в том, что первый работал у себя дома, на своем станке, вовлекая в производство всю свою семью, а второй приходил в мастерскую устокора, работал на его станке, в то время как семья работника оставалась вне производства.

Глубокие изменения, которые начали преобразовывать социальные отношения в ремесленной промышленности г. Бухары, коснулись и положения ремесленных учеников. С отделением устокоров от производства роль учителей стали выполнять квалифицированные хальфа. Хальфа-учитель не был заинтересован в эксплуатации ученика: и тот, и другой работали на хозяина, в пользу которого шел весь труд ученика. Поэтому теперь обучение сделалось платным: ученик брал на себя часть бупака хальфы-учителя. Вместе с тем, работая в мастерской, ученик стал получать за свой труд небольшую плату как от хозяина, так и от других работников мастерской, которым, наравне со своим учителем, он оказывал разные мелкие услуги.

Таким образом, ученик одновременно становился, подобно хальфа, рабочим капиталистического предприятия. Однако он не был свободен, как и сам хальфа, от личного закабаления: взяв на себя часть бупака учителя, он был вынужден, обучившись, оставаться в мастерской, принадлежавшей хозяину. Это было одним из конкретных проявлений феодальных пережитков, густо оплетавших на первых порах «основанную на ручном труде и кабале капиталистическую мануфактуру». Однако теперь закрепощение ученика не шло ни в какое сравнение с тем, которому он подвергался прежде: учитель-хальфа был заинтересован не в том, чтобы подольше удержать ученика, а, наоборот, в том, чтобы скорее обучить его и выпустить, переложив на его плечи часть своего бупака.

Глубокая классовая дифференциация разделила прежних ремесленников на два антагонистических класса — капиталистов и пролетариев. Классовые противоречия приобрели формы классовой борьбы, начало прояснятся классовое сознание пролетаризирующихся слоев бывших ремесленников. Описанные выше две забастовки качественно отлича-

лись от традиционных забастовок в феодальном ремесле. Их характеризовала массовость, солидарность между бастующими, ясное осознание классовых противоречий между хальфа и их хозяевами.

Б обострении забастовок как раз в указанный период, в появлении в них новых, небывалых раньше черт нельзя не видеть влияния русской революции 1905—1907 гг., отдаленные отзвуки которой пробились сквозь высокие городские стены столицы Бухарского эмирата.

Особое место в системе социальных отношений, сложившихся внутри феодальной промышленности, занимала фигура чернорабочего-поденщика.

Поденщики представляли собой определенную прослойку городского населения. В Бухаре функционировало два рынка мардикоров (бозори мардикор), что вызывалось постоянным спросом на поденный труд. На каждом из рынков ежедневно искали себе работу два-три десятка человек. Поденщики были заняты главным образом в строительных работах, они были непременными помощниками мастеров-строителей; без них не могла осуществляться система разделения труда, выработанная в этой отрасли ремесла, вероятно, очень давно. Поэтому, говоря о системе производственных отношений в строительном деле, нужно иметь в виду, что, помимо мастера и его учеников, там всегда участвовал и поденщик. Труд поденщиков применялся также в чугуполитейном производстве.

В изучаемый период в Бухаре, как и повсеместно по всей Средней Азии, поденщик обозначался термином «мардикор», который прилагался лишь к чернорабочему, получавшему поденную плату[62]. Крестьяне, привлекавшиеся в порядке феодальной повинности к работам по очистке городской реки и арычной сети, назывались в Бухаре не мардикор, а «хашарчи» т. е. «участники помочи».

Какова же была социальная природа мардикоров?

Историки чаще всего трактуют поденщину как институт, порожденный капитализмом. Мы не можем признать это правильным, хотя, действительно, значение поденщины возросло с развитием капиталистических отношений. По и феодальному строю фигура поденщика была не чужда, особенно, если говорить о городе. К. Маркс и Ф. Энгельс пишут о «плебеях-поденщиках» как о важной составной части населения феодального города: «нужда городов в поденной работе

[62] Термин «мардикор» известен и по историческим источникам, однако точное значение его в прошлом не может нока быть определено. См. О. Д. Чеховкч, Бухарская летопись XVIII века «Убайдуллахома», журн. «Проблемы источниковедения», стр. 211.

создала плебс»[63]. Ясно, что при феодальном строе поденщина была институтом феодальным. О кабальной сущности поденного труда свидетельствует имевшее хождение в Бухаре выражение «покупать поденщика» (мардикор харидан)[64].

При развитии капиталистических отношений сущность поденщины стала меняться. По справедливому замечанию М. Г. Вахабова, поденщики, занимаясь поденной работой лишь временно, «не составляли особого социального слоя»[65]. Все же нельзя не отметить, что при всей неустойчивости поденной работы для определенной части бухарцев (особенно занятых в строительном деле) поденщина давала основные средства к существованию, вовлекала их в феодальную по социальной структуре ремесленную промышленность.

Наиболее типичные для феодализма формы принимало принудительное привлечение ремесленников к работе для нужд феодального государства, в первую очередь для удовлетворения потребностей дьора и самого эмира. Заказы двора, носившие форму повинностей, ложились тяжелым бременем на ремесленников, нарушали их связь с рынком, и тем самым тормозили дальнейшее развитие промышленности, как товарного производства.

Дворцовые мастерские в Бухаре конца XIX— начала XX в. представляли собой далекий пережиток института, сложившегося еще на грани рабовладельческого и феодального времени. В Иране IV в. «ремесленники царского двора» работали в мастерских у дьорца Шапура II; шахские мастерские сыграли большую роль в развитии производства текстиля в Иране[66].

«Значительные шахские мастерские» существовали там наряду с развитым городским ремеслом, выпускавшим товарную продукцию[67]. По-видимому, такой же «царской мастерской», носившей черты предприятия рабовладельческого государства, была и ткацкая мастерская, о которой говорит Наршахи[68]. Как явствует из текста источника, она прекратила свое существование, и мы имеем все основания думать, что это произошло под влиянием развития новых форм

[63] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 51.

[64] См. у С. Айни «на меня покупателя не нашлось» (Едоистон III глава «Мардикори» стр. 213).

[65] М. Вахабов Узбек социалистик миллати, Ташкент, 1961, G 180—181.

[66] Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 221, 224, 241 и др.

[67] Н. Пигулевская, там же, стр. 252.

[68] Наршахи, стр. 29.

производственных отношений — перехода к феодальной системе мелких мастерских ремесленников[69].

Изучение промышленной деятельности населения позднефеодальной Бухары показало, однако, что, как пережиточная форма, государственные мастерские существовали вплоть до революции, сосуществуя не только с более типичным для феодализма мелкотоварным производством, но и с зародившимися уже к этому периоду в бухарском ремесле капиталистическими отношениями. Дворцовые мастерские были проявлением противоречий между старыми производственными отношениями и развившимися уже производительными силами, они тормозили рост промышленности и торговли.

Проявлением феодальной эксплуатации ремесленников являлись и государственные налоги. В средние века горожане облагались специальным налогом «тамга», который взимался с городских ремесленных мастерских и торговых заведений[70]. О взимании тамги в Средней Азии неоднократно упоминают исторические источники[71]. Текст о тамге в «Бабур-Наме»[72] дает возможность предположить, что неслучайно для обозначения этого налога применялся термин «тамга»: очевидно, в знак уплаты налога на товары и ремесленные изделия накладывалась печать[73].

В какое время была отменена тамга в Средней Азии и, в частности, в Бухаре и какой вид обложения пришел ей на смену — мы не знаем. В изучаемое время, по сообщениям информаторов, бухарцы, в том числе и ремесленники, налогов не платили. Однако в Бухаре ремесленники все же не были свободны от обложения. Во-первых, своеобразным видом налога была арендная плата за лавку-мастерскую. Соб-

[68] О времени прекращения работы в этой мастерской см. О. Д. Сухарева. К истории городов..., стр. 32.

[70] Об обложении городского населения см. В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Минучи. Анийская серия № 5, СПб., 1911, стр. 35; А. Ю. Якубовский. Феодальное общество..., стр. 44; Н. В. Пигулевская и др. История Ирана..., стр. 264; А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в аббасидскую эпоху. «Советское востоковедение» V, 1948, стр. 124.

[71] В. В. Бартольд приводит одно такое упоминание (запрет взимать иные налоги, кроме «тамги и справедливой поземельной» для первой половины XIV в. Требование отмены тамги, предъявленное Ходжа Ахрафом, отмечается им и в другом источнике, повествующем об этом же времени — Манаибе Ходжа Ахрор («Отчет о поездке в Среднюю Азию», ЗВО, XV). См. также Р. Н. Набиев. Великий узбекский поэт. Ташкент, 1950, стр. 38.

[72] Захир ид-дин Бабур. «Бабур-наме», перевод М. А. Салье, Ташкент, 1958, стр. 202.

[73] В «Бабур-наме» рассказывается о тамге, на которой стояло, как и на монетах, в знак особой милости правителя, имя чиновника, ведавшего казначейством.

отдельные лавки имелись далеко не у всех **ремесленников;** в основном ими владели казна, богачи и знать, которые активно занимались скупкой торговых лавок и ремесленных лавок-мастерских. Примером может служить деятельность крупнейшего бухарского духовного феодала второй полови- ны XVI в. Ходжа Саъда, который скупил на бухарских ба- зарах 104 **лавки**[74]; среди документов архива джуйбарских ишанов много оформляющих именно такую покупку[75]. Сда- ча лавок в аренду была обычным способом их эксплуатации. Сдавались в аренду и лавки, принадлежавшие казне.

Арендная плата ложилась всей тяжестью на менее состоя- тельные слои ремесленников. Лишь получение тем или иным способом лавки обеспечивало ремесленнику доступ в торго- вые ряды. Возможно, именно с предоставлением доступа в торговые ряды был связан и налог тамга[76]. В более позднее время плата за место была известна под названием тахти- джой (таг джойи)[77].

Помимо косвенного налога в виде арендной платы за место в торговом ряду, государство получало свои доходы от **городской** промышленности и в виде прямого налога — за- кота. В Бухаре горожане были освобождены лишь **от подушной** и подымной подати, но уплата закота была обязательна, так как закот входит в число пяти религиозных обязанностей мусульман[78], лицемерно именуясь **«налогом** в пользу бедных». На деле закотные сборы шли в государственную казну, а иногда **в** карман крупных сановников[79]. Закон взимался «с базарных рядов» (закоти раста); как известно, там находи- лись не только торговые лавки, но и лавки-мастерские ремес- ленников.

Свойственная феодальной ремесленной промышленности цеховая организация **ремесленников** в виде профессиональ- ных корпораций, объединявших ремесленников одной **про-**

[74] П. П. Иванов. Хозяйство Джуйбарских **шейхов**, стр. 52.

[75] См. Из архива шейхов Джуйбари, документы №№ 4, 5, 6 и др.

[76] Об этом определенно говорит И. П. Петрушевский в отношении Ирана (История Ирана, стр. 264).

[77] История **Узбекской** ССР, т. I, книга вторая, стр. 41. Этимология термина понимается здесь неправильно, почему дается транскрипция термина как тахта-джой (тахта — доска). В действительности же термин следует **писать как** «тахти джой», **что значит «место под** (собой)». «Тахт» (сой) имеет то же значение, что и татарское «тагара» (...).

[78] О такой трактовке налога «закот» бухарскими властями говорится и в «Записках Мирзы Шемса Бухари», опубликованных В. Григорьевым (Ученые **записки, издаваемые** Казанским **университетом**, книжка 1, 1851, **стр.** 61).

[79] Право взимать налоги с торговых рядов в свою пользу могло быть предоставлено и, действительно, предоставлялось, крупным чиновникам (мунабер и дехон-беги). Это было пожалованным ук "танхо.

фесспи, сохранялась в Бухаре наряду с другими феодальными институтами, несмотря на начавшееся внутри городской ремесленной промышленности развитие капиталистических отношений. Сложившись, по-видимому, при самом зарождении **феодализма**[80], эта организация оказалась настолько жизнеспособной и гибкой, что, пережив все перипетии исторического развития феодальной формации, не потеряла своего значения и в изучаемый период, приспосабливалась к складывавшимся капиталистическим отношениям.

Корпоративные организации имелись во всех отраслях бухарского ремесла. Объединяя ремесленников одной специальности, они были тем органом, благодаря которому на всех членов корпорации распространялись и прочно поддерживались единые для корпорации нормы и порядки.

Глубокие изменения в социальной сущности ремесла — превращение наиболее развитых отраслей в капиталистическую мануфактуру — и вытекавшие отсюда изменения положения в производстве, с одной стороны, устокоров, а с другой, — наемных мастеров-хальфа и учеников внесли новые черты и в жизнь этих ремесленных корпораций. Так как хозяин крупного предприятия теперь не участвовал в производстве, ведущей фигурой не только на производстве, но и в корпорации сделался хальфа. В их среде соблюдался цеховой культ, совершался обряд посвящения. В тех отраслях, которые имели более традиционный облик феодального промысла, по-прежнему бытовали старые формы корпораций, хотя и их деятельность претерпела изменения под влиянием складывающегося в этот период нового уклада.

В сохранении средневековой организации — корпораций ремесленников — проявлялась социальная природа бухарской промышленности, которая, несмотря на явное разложение прежних производственных отношений, продолжала оставаться в основном промышленностью феодальной.

Не касаясь здесь вопроса о проявлениях в быту ремесленников Бухары профессиональных культов (культов патронов отдельных отраслей ремесленной промышленности)[81], ограничимся лишь несколькими положениями.

[80] Н. Пигулевская обнаруживает их наличие в Иране VI и VII вв. (Византия и Иран на рубеже VI и VII вв., стр. 228—229). В другой работе она относит появление корпораций ремесленников к еще более раннему времени — IV в., когда, «очевидно, каждое ремесло составляло свое «собрание», т. е. имело отдельную организацию...», управляющуюся выборным старшиной (Города Ирана в раннем средневековье, стр. 223, 224).

[81] Вопрос о профессиональных культах освещается в специальной статье автора «К вопросу о генезисе профессиональных культов». Памяти М. С. Андреева». Труды Института истории археологии и этнографии АН Таджикской ССР, CXX, 1966 г.

Профессиональные культы играли в жизни ремесленников важную роль. Сложение особого культа в каждой отрасли ремесла способствовало сплочению ремесленников одной специальности. Обособление той или иной отрасли в отдельный промысел находило свое выражение как в появлении новой корпорации, так и в сложении нового культа с особым покровителем и особой «священной историей» промысла. Пастойчивое стремление освятить именем «святого» каждое новое ремесло или отрасль диктовалось условиями эпохи феодализма.

На пути промышленного развития — появления новых форм разделения труда, совершенстьования техники и изменений в продукции (как в сторону ее улучшения и осложнения, так и в сторону понижения качества изделий) — стояла традиция. Введение новшеств рассматривалось как недопустимое нарушение традиции, как отступление от веры отцов и дедов — бидъат. Для того чтобы узаконить нововведение, его стремились поставить под защиту какого-нибудь «святого», найти ему мифического патрона, которому приписывалось введение новой профессии[82]. Поддержанное «авторитетным» именем «святого» новшество превращалось в святое дело, продолжать которое считалось религиозной обязанностью.

Таково было, вероятно, происхождение обычных для всех рисоля перечислений «святых» как зачинателей и покровителей имевшихся в ремесле отраслей. Появление этих святых в рисоля, несомненно, связано с историей выделения новых отраслей из первичного ремесла, которое развивалось от более простых, примитивных технических приемов к более сложным и изощренным, дававшим возможность производить разнообразные и более тонкие и сложные изделия, ускорявшим процесс производства, увеличивавшим производительноств труда.

Господство ислама привело к тому, что покровителями ремесел стали считаться мусульманские «святые»[83] подобно тому, как у народов Западной Европы патронами ремесел считались христианские святые. Распространение в мусульманских странах суфизма выдвинуло в качестье патронов ремесел па первый план суфийских святых. По-видимому,

[82] Автору настоящих строк уже приходилось приводить пример этого рода в отношении оформившегося к началу XX в. ремесла по производству табакерок. («К истории художественного ремесла Узбекистана», Сб. Музея антронологии и этнографии, т. XIV, стр. 126—127).

[83] Пример замены древних божеств мусульманскими святыми см. у М. G. Андреева. По новоду образования примитивных среднеазиатских цехов и цеховых сказаний (рисоля). «Этнография» 1927 № 2 стр. 324

освященные их именами ремесла были более позднего про□ исхождения.

Цеховая корпорация, являвшаяся по своей сущности об□ щиной ремесленников[64], стремилась поставить ее членов з равное положение и оберечь их от конкуренции, стояла на страже традиций, препятствуя их нарушению. Введение ка□ кого□либо усовершенствования или выпуск нового вида из□ делий ставили мастера, освоившего новшество, в более выгод□ ные условия. Это перебивало покупателей у его сотоварищей, создавало ему возможность богатеть, конкурируя с другими мастерами. Пресекать такую конкуренцию было одной из за□ дач цеховой корпорации, и цеховая общественность, в силу этого, должна была отрицательно относиться к новшествам до тех пор, пока они не пробивали себе дорогу и не станови□ лись доступными всем или многим, в свою очередь превра□ щаясь в общепринятую форму. В приписывании покровителей отдельным отраслям мы видим отражение борьбы этих отрас□ лей (и стоявших за ними мастеров) за право на существо□ вание в системе феодального ремесла.

К изучаемому периоду под действием властно врывавших□ ся в жизнь новшеств влияние этой идеологической надстрой□ ки значительно ослабело.

Материалы, освещающие структуру и социальные отно- шения в ремесленной промышленности г. Бухары конца XIX — начала XX в., показывают всю сложность и неоднород- ность сложившихся в ней социальных институтов. Эти ин- ституты формировались в течение многих веков, в ходе по- степенного развития производительных сил и производствен- ных отношений феодального города. Начав деформироваться при зарождении капиталистических отношений, феодальные институты все же сохраняли свое определяющее значение в производственной деятельности жителей города.

Обострение в начале XX в. классовых противоречий и пробуждение классового самосознания пролетаризировавшихся слоев городских ремесленников способствовали победе бу- харской революции 1920 года, поддержанной трудовым на- селением столицы Бухарского ханства и приведшей к сверг- жению феодального строя.

---

[64] Как общину рассматривали цех К. Маркс и Ф. Энгельс (Сочине- ния, т. 3, стр. 51).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕМЕСЛЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ БУХАРЫ

Абр Абровый — узор на ткани, полученный способом перевязки основы с характерными затеками на границах перевязанных участков.

Абрбанд — перевязчик основы, специалист по накладыванию перевязок, резервирующей определенные участки основы при крашении.

Абрбанди — название промысла по перевязыванию основы, подготовка ее к орнаментации способом резервации.

Адрас — полушелковая ткань (основа шелковая, уток бумажный) с [illegible] узором.

Адрасбоф — ткач, вырабатывающий адрас.

Айриш — сортировка (камыша) — термин плетельщиков циновок.

Аксакал, оқсақҳол — старшина; у ремесленников — старшина цеха или один из старшин, ведавший сбытом продукции.

Алафи — бронзовый колокольчик, привязываемый на шею мелкому скоту, чтобы легче было найти его в густых зарослях.

Алвончак — часть ткацкого станка, к которой прикреплен батан.

Алоча — полосатая ткань, в Бухаре — полушелковая, в других местах (Самарканд, Ургут и др.) — бумажная.

Амбур — щипцы, калам-амбур — большие щипцы для откусывания кусков металла, кадж□амбур — щипцы кривой формы, рост□амбур — большие прямые щипцы.

Андова — мастерок (орудие каменщиков).

Антишт□хока — толченый уголь, употреблявшийся для пришороха.

Арвохи пир — праздник ремесленников: ритуальное пиршество, устраиваемое членами цеха в поминовение духа мифического патрона корпорации.

Ариза□куб — деревянный футляр для прошений, подаваемых эмиру.

Арровасози — название промысла по изготовлению арб.

Арракаш□карт (из таджикского «корд» — нож) — укрепленный на деревянной колоде зазубренный нож для разрезания на части стеблей камыша (орудие плетельщиков циновок).

Арракч — вилка, применяемая ювелирами для выподнения резных решеточек.

Аршш — термин плетельщиков циновок, обозначающий одну из операций (очистка стебля камыша).

Асоткори — чернь, чернение — один из способов украшения ювелирных изделий.

Атлас — атлас, сорт ткани, шелковой или полушелковой (с бумажным утком).

Бакоул — повар□профессионал высшей квалификации.

Банорас — полушелковая ткань, основа которой из шелка (белого), с небольшой примесью бумаги (темно□синей), образующей тонкие полоски. Уток бумажный.

Бахмал — бархат.

Бекасаб — полушелковая ткань в полосатый узор (основа шелковая, уток бумажный).

Бекасаббоф — ткач, вырабатывающий бекасаб.

Бекорда — «объявленный вне закона», **бекорда кардан** — «объявлять вне закона» — наказание, налагаемое старшиной корпорации на нарушившего корпоративные нормы. Выражалось в запрете работать в мастерской и продавать изделия в торговом ряду корпорации. Мерой искупления было устройство угощения для верхушки корпорации.

Бельча — железный скребок у кожевников для очистки мездры.

Бирешум — шелковые нити, **бирешуми хом** — грежа, неотваренная шелковая пряжа.

Бириндж — бронза, сплав из меди и олова, также желтая медь.

Бирьёнгари — производство жареного гороха, употреблявшегося как лакомство (промысел).

Бобо — старшина в некоторых корпорациях ремесленников.

Бод — в ткачестве — зев, образующийся при опускании одного ряда основы.

Бозингар — ролики на ткацком станке, к которым прикреплены ремизы с подножками.

Бозори мардикор — «рынок нанятых рабочих» — место, где происходил их наем.

Буз-астар — натянутая на пяльцы бумажная ткань, к которой приметывается вышиваемое изделие (у золотошвеев).

Бузгунч — бузгунч, галл фисташкового дерева, употребляющийся как протрава при крашении в черный цвет.

Буйрс (бурье)—циновка из камыша.

Буйрбофи — название промысла по плетению циновок.

Болка — молот, употребляемый кузнецами и медниками.

Булгори — сорт кожи для верха обуви из воловьих шкур.

Бунак — кабальная ссуда, дававшаяся ремесленнику при найме.

Бурх-сармасти-вали — «святой», один из мифических покровителей ремесла кондитеров, в ткачестве считался покровителем наемных мастеров — хальфа.

Бута — тигель из огнеупорной глины (применялся литейщиками бронзы и ювелирами).

Ваджикта — селение близ Бухары, где находились мастерские литейщиков чугуна.

Вофрўш — скупщик.

Гаварса — зерна (в ювелирном деле).

Гаворасози — выделка жемчужин (промысел).

Гач — алебастр.

Гачкор — резчик по алебастру.

Гах — место, где благородные металлы очищались от примеси (небольшое углубление в земле, стенки которого выложены специальным составом).

Гахбанд — специалист по очищению благородных металлов от примесей.

Гахбанди — название промысла.

Геджа — металлическая пластинка продолговатой формы с выемкой, в которую ювелиры выливали расплавленный металл, чтобы он застыл в виде брусочка.

Гилькор — каменщик.

Гирс — тиски.

Гич — примеси в благородных металлах.

Гудунг (жудунг) — лошадиный молоток.

Гулканд — леденец из сахара и розовых лепестков. Считался целебным средством.

Гуля — ремиза, кичечка.
Гулябанд — вязчик ремиз.
Гурсум — выемки, создающие рябинку на ювелирных изделиях. Гурсум-задан — особый прием в ювелирном деле.
Гушна — сморчок (гриб), отвар которого употреблялся в красильном деле для отбеливания грежи.
Гаргара — блок, через который при тканье пропускается поднятая к потолку основа.
Гилофдузи — выделка ножен для оружия (промысел).
Давот — чернильница, вделанная в **металлический** ненал.
Давотсоз — литейщик бронзы, специализировавшийся на **изготовлении** чернильниц.
Дам — меха для поддувания.
Дамгар — поддувальщик в чугунолитейном промысле.
Дандон-покунак — зубочистка (изделие ювелиров).
Дарсоз — мастер по изготовлению дверей.
Дарафшдузи — вышивание тамбурным крючком.
Дасгах (даст гах) — батан — часть ткацкого станка.
Дастак — часть ткацкого станка, подвижные планки, которые двигаются вместе с батаном.
Дастнона — браслет.
Дастшуй — рукомойник **(медный)**.
Дахандам — подувательная трубка, употреблявшаяся в ювелирном деле.
Девонбачча — прозвище мастеров, работавших на хозяина (в ткачестве).
Девон-беги — имперский чиновник, ведавший казенными расходами.
Девчарх — большое колесо в установке для кручения шелка.
Дег — котел.
Деггар — чугунолитейщик.
Деггари — отливка чугунных изделий (промысел).
Дойра — «бубен» — один из узоров **абрового** ткачества (круг).
Дорайи — редкая ткань из **неотваренной** грежи — **полуфабрикат**, из которого после отварки получаются тонкие платки (кайтан).
Дос, дост — сапожок в виде серна, которым **кожевенники** очищали **мездру**.
Доссоб — кузнец, **специалист** по выделке сернов.
Дукон — станок, мастерская, лавка.
Дукончча — мастерская.
Дуластара — ювелирное изделие, состоящее из более толстого слоя серебра и нанаянного сверху тонкого слоя золота.
Дурезгар — плотник.
Дурезгари — плотничное дело.
Джирей — территориальные группы, на которые делилась корпорация бухарских ткачей.
Джомадузи — название промысла по шитью халатов.
Джонбоф — ткач, вырабатывавший редкую ткань из неотваренной грежи, из которой изготовлялись **платки «калгак»**.
«Джондорская алача» — алачз **(бумажная)**, вырабатывавшаяся в **селении** Джондор.
Джувоз — маслобойка.
Джувозгар — работник на маслобойке.
Джузгир — панка для бумаг (делалась из кожи).
Джура (в ткачестве) — два парных куска ткани, достаточных для одной одежды. Срезаются при тканье с основы из-за невозможности навивать на него большую меру.
Ейраш — термин плетеночной циновок, обозначающий одну из **операций** (превращение камыша в плоскую полоску).
Ерчар — подручный работник (в чугунолитейном деле).
Зангуля — колокольчик, бубенчик (отливались из бронзы).

Занғулайи дастбанди — бубенцы.
Занғулмасоз — название промысла — выделка колокольчиков (одна из отраслей в литье бронзы).
Занданичи — название ткани, встречающееся в средневековых письменных источниках. В русский язык прошикло в форме зендель, зендель.
Заранг — дерево особо твердой породы, служило рабочей частью лощильного молотка и лощильного камня.
Зардўз — вышивальщик (вышивальщица) золотом.
Зардўзи — название промысла (шитье золотом).
Заргар — ювелир.
Заргарӣ — ювелирное дело.
Зарманок — селение близ Бухары, где находились чугунолитейные мастерские.
Зарпарак — зерны: колечки, спаянные из зерни.
Зинсоз, **зинкар** — седельщик.
Зинсозӣ, **зинкарӣ** — производство седел (промысел).
Зогута — крупная шпулька, на которую наматывалась пряжа при снования основы для полосатых тканей.
Зулук — «дыня» — название абрового узора в виде овальных пятен.
Зонубанд — бубенцы, привязывавшиеся к коленям верблюда.
Зульфин — бронзовое литое украшение для двери в виде подвижно укрепленной на кольце пластинки.
Илк — клей, клейкая мастика.
Индак-чўб — часть золотошвейных пялец — поперечные палочки, к которым притягивается бязевая основа с приметанным к ней вышиваемым предметом.
Иштн, иштибари — правка основы (при тканье); ишти **бурдан** — править основу.
Иштибар — правщик основы, следивший за целостью нитей и правильностью узора при тканье адраса и других высокосортных тканей.
Ичкор — поташ. Употреблялся при отваривании грежи.
Кабобпази — приготовление шашлыка (промысел).
Кабудгари — кубовое крашение, окраска холодным способом в синий цвет при помощи индиго.
Калава — моток хлопчатобумажной пряжи.
Калабатун — золотая или серебряная нить для золотого шитья.
Калтача — верхняя женская одежда (то же, что мунисак, мурсак).
Кандакори — резьба, резной (в ювелирном деле).
Каллянушдузи — шитье тюбетеек (промысел).
Карбос — мата, хлопчатобумажная ткань белого или желтоватого цвета, вырабатывавшаяся на ручном станке.
Касаба — ремесленная корпорация.
Кафки дарьё — особая мастика, привозившаяся из Ирана. Употреблялась для оттискивания формы при отливке перстней из низкопробного золота (техника, заимствованная у персидских или кавказских ювелиров).
Кафш — кожаные калоши.
Кафшдўз — саножник, изготовлявший кожаные калоши.
Кафшдўзи — шитье кожаных калош (одна из отраслей саножного промысла).
Кафшер — припаивание, спайка (у металлистов).
Каштадузи — вышивание (занятие).
Кемухт — шагрень, кожа, выделываемая из шкуры с крупа лошади или осла.
Кемухтар — шагренщик — кожевенник, вырабатывавший шагрень.

Кириё — ювелирный инструмент металлическая пластинка с отверстиями различного диаметра, через которые волочили серебряную В золотую проволоку.

Киркыра — проволока, украшенная мелкими косыми зарубками, употреб□ лявшаяся в ювелирном деле.

Кирник — стамеска, употреблявшаяся ювелирами для выборки фона и углубленных мест чеканного узора.

Кордсоз — кожевник, кузнец.

Кирпгар — ткач работавший совместно с правщиком основы (шпинар).

Кирфарма — хозяин мастерской, нанимавший **мастера**, — термин, употреб□ лявшийся у ювелиров, а также у кулольников.

Корхона — мастерская, также строительная площадка.

Корхонайи танга — **монетный двор**, находившийся в арке.

Кор□чуб — пяльцы золотошвея.

Корчўби кардан — одна из операции подготовки основы к тканью (рас□ кладывание и деление ее на пучки — либог, по 50 нитей в каж□ дом).

Коса — чашка большого размера (около 0,8 литра).

Косагар — гончар, изделавший чашки.

Кулоль — гончар.

Кулох — мужской головной убор из ткани в виде высокого **колпака**.

Кулпитапўшак — женская шапочка с накосником.

Кунлук — **поденная** плата (вынлачивалась на работах в дворцовых мастер□ ских).

Кура — горн.

Кўнпалўз — **сапожник**, занимавшийся починкой **обуви**.

Кушшихона — бойня.

Кавон-буйра — один из видов циновки (стелилась перед очагом).

Кайроки — сорт **козлиной** кожи для верха обуви.

Кайчйи ушгургарам — «ножницы с верблюжьей шеей», которыми выреза□ ли бумажные узоры для золотошвейных работ.

Қалам — стамеска для чеканки у медников и ювелиров; калами **кавда** и калами наккоши — стамеска для чеканки узора, калами кир□ кира — стамеска, которой для украшения делают на проволоке косые зарубки; **қаламн тахфнри** — стамеска для выборки фона; **қаламн тахр** — стамеска для подправки **узора**; калами **джум-барори** — стамеска, которой при чеканке выбираются глубокие прямые линии.

Калами — толстая полосатая ткань грубой работы с белым утком. Шла **на** мужские халаты.

Налагай — тонкий прозрачный шелк, вырабатывавшийся из неотваренной грежи и подвергавшийся отварке в сотканном виде.

Калгайбоф — ткач калгая (то же, что джонбоф).

Калгайкаш — мастер по отделке тонкой шелковой ткани: ее отварке и ориаментации способом батикования или печатки.

Калгайсози — название промысла по выработке тонких шелковых платков из полуфабриката.

Камарбандон — «Кирбасамарбанд» — обряд посвящения ученика в члены цеха.

Камарбаста — член ремесленной корпорации, получивший посвящение.

Кандал — мастика, при помощи которой на куске дерева укреплялся под□ вергавшийся чеканке предмет.

Кандалот — сорт конфет из сахара и муки с горошиной внутри.

Қанди печак — сорт леденцовых конфет.

Қандпат — специалист по изготовлению леденцовых конфет.

Карор — соглашение между мастером и хозяином строительства (в строи-тельных ремеслах).

Касаб — старинное, позже исчезнувшее название ткани (см. **бекасаб**).
Кассоб — мясник.
Кассоби — название промысла (убой скота к разделка мяса).
Кашк-кесак — красная глина, раствор которой употреблялся для наметки узора при орнаментации перевязкой платков **калгай**.
Кирмиз — кошениль.
Колиб — в литье из бронзы — форма отливаемого предмета, которую **оттискивали** в песке, заполнявшем изложницы; в ювелирном деле — бронзовая пластинка с резным орнаментом, служащая для выполнения штампованных узоров; в **производстве** набоек и **батикованных** — **штампы**, которыми наносили на ткань краску, протраву или резервирующую мастику; в саножном деле — **колодка**, на которой шилась обувь.
Кубба — полусферические полые **куполышки**, употреблявшиеся как часть ювелирного изделия; нашивалась также на золотошвейные изделия.
Кулф — железный замок.
Кулфсоз — слесарь, выделывавший замки.
Кургошин — свинец.
Кылыч — деревянное орудие в форме меча, служившее для прибивания утка при тканье на примитивном станке **урмак**.
Лангар — грузила, оттягивавшие основу, заправленную в станок.
Лаух — подставка под книгу.
Лафан — сорт **халвы** с размельченными орехами.
Лахим — расплавленный металл.
Лаъли — поднос (медный).
Лаъли ковиш — один из узоров абровых тканей (**большой** круг с резными краями).
Лаъли бодомча — один из узоров абровых **тканей** (большой круг, усаженный по краям миндалинками).
Лаъли боло-айру — один из узоров абровых тканей (**большой** круг, над которым помещена фигура в виде соединенных вместе бровей).
Либит — **пучок** в 50 шитей, на которые делили основу при подготовке ее к перевязке.
Лойкор — каменщик низшей **квалификации**.
Мангальдон, мангал — **жаровня**, наполнявшаяся раскаленными **углями** и употреблявшаяся для обогревания.
Мангальреза — отрасль чугуполитейного промысла и литья бронзы: отливка жаровен для **углей**.
Маникол — **форма** для изготовления полых полушарий для ювелирных изделий. Представляет собой толстую бронзовую пластинку с **углублениями** разного размера.
Маникол даста — шест с рабочей **частью** правильной полусферической формы, при помощи которого в особой форме (**маникол**) металлу придавалась форма полых полушарий.
Мардикор — **поденщик**.
Мардикор харидан — (покупка по **деницка**), **выражение**, обозначавшее наем поденщиков.
Мадак — пробный камень для определения пробы драгоценных металлов; **махак эдди** — ставить пробу при помощи пробного камня.
Махси — **ичиги**: саножки на мягком подошве.
Махсидуз — саножник, **изготовлявший** ичиги.
Машгут — **свернутая** в клубок **основа**, подготовленная для тканья.
Мехлос-сандон — наковальня с длинным отростком для формовки частей изделий из листов меди (например, носиков кувшинов).
Мехчагар — гвоздарь.

Меши — сорт бараньей кожи (белая лайка); шла на **подкладки** обув», шорных изделий и **мелких** поделок.

Мешигар — кожевенник, специалист по выработке белой лайки.

Милтыкчи — оружейник, мастер по изготовлению ружей старой конст□ рукции (фитильных).

Миль — тонкий бронзовый прут, который при тканье бархата вставлялся в зев, чтобы можно было обрезать ряд основы, образующей ворс.

Минбар — инструмент резчиков по гипсу для выбирания фона.

Минакори — эмаль: употреблялась в ювелирном деле, **минакори** — употребление эмалей в ювелирном деле: изделие украшенное цветными эмалями.

Мис — красная медь.

Мисгар — меднак.

Мисгари — изготовление медной посуды и других изделий из листовой меди.

Мискаль — золотник (мера веса).

Моку — челнок.

Мола — щетка из растительных волокон для смазывания основы клейсте□ ром при тканье шелковых абровых тканей абр.

Мошинчи — портной работающий на швейной машине.

Мутуканн-кари — селение близ Бухары, где было сосредоточено чугуно□ литейное производство бухарских мастеров.

Мўза — саноги на твердой подошве с **каблуком.**

Мўзадуз — саножник.

Мукаввосй — переплетчик.

Мукаввосли — переплетное дело (промысел).

Мум — воск.

Мураббо — варенье (из фруктов лепестков роз, из моркови).

Муросса — примирение, умиротворение.

Мухр — печать.

Мухрак — ювелир, изготовляющий резные печати.

Навард — навой (часть ткацкого станка).

Навот — кристаллический сахар.

Накш — узор.

Накшбанд — прозвище бухарского суфия XIV в. Ходжа Баховаддина.

Нарў мода — две половинки изложниц для литья бронзовых изделий.

Нахуд — горошина, самая мелкая мера веся, применяемая ювелирами.

Наългар — кузнец, выделывающий **подковы** и подковывающий лошадей.

Нимсолми кор — половинная оплата, которую в некоторых ремеслах по□ лучал хорошо обученный, но не прошедший посвящения уче□ ник.

Нишолло — пенистая масса из сахара или патоки и белков, с примесью отвара мыльного корня.

Нишонзан — мастер, наносящий на основу (ткани) отметки для после□ дующего наложения резерва **перевязкой** основы.

Нонвой — хлебопек.

Нонвойи — хлебопечение (промысел).

Нонвойхона — пекарня.

Носдон — табакерка для табака, закладываемого под язык. В Бухаре обычно имела вид маленькой металлической коробочки, изго□ товляемой ювелирами.

Нофармон — красно□фиолетовый цвет.

Ноча — шпулька для утка, вставляемая в челнок.

Ночабарди — подсобный **работник,** занятый нсремоткой **грежи** на шпуль□ ки, ночаяклякун — **работник,** занятый **перемоткой** грежи.

Ойи-нивот — род полужидкой халвы на жире.
Ойкот — питание, которое хозяин мастерской представлял работающим у него наемным мастерам.
Одамгари — безвозвратная ссуда, выдававшаяся хозяином мастерской мастеру, нанимаемому им на определенный срок (в ткачестве).
Ордашин — размол зерна.
Оташгирак — щипцы для углей (употреблялись металлистами всех специальностей).
От-курни — селение близ Бухары, где находились мастерские бухарских чугунолитейщиков.
Офтоба (из об-тоба) — кувшин для воды.
Охангари — кузнечное и слесарное дело.
Охангар — кузнец.
Оху — серна, кожа серны или дикого козла применялась для станочка, на котором ткались пояса.
Ошпаз — повар.
Пардоз пардоз додан — и резьбе по ганчу — тонкая разделка поверхности узоров; в ткачестве — лощение, в металлообрабатывающих ремеслах — шлифовка и зачистка изделий.
Пардозгар — лощильщик тканей.
Пардозгарн — лощение тканей путем отбивки их лощильным молотком (промысел).
Парми — сверло, с помощью которого ювелиры делали различной формы углубления.
Пари-паша — серо-голубая полушелковая ткань в мелкую полоску.
Пас-навард — второй навой станка для тканья бархата.
Пат — ворс (например, у бархата).
Патиля — четырехгранная палочка, на которую волочильщик наматывают при работе золотую нить.
Пашмак — сорт халвы из сахара, муки и жира, имеющий вид тонких нитей.
Пеш-навард — первый навой станка для тканья бархата, на который навертывается сотканная ткань.
Печак — род конфет из сахара и муки.
Пиллакаш — шелкомотальщик, пиллакашн — размотка коконов (промысел).
Пир — «старец» — мифический патрон промысла.
Пирзода — потомок мифического патрона ремесла (если таковым считалось историческое лицо).
Пистаки — темно-зеленый цвет.
Пистакшкан — человек, занимавшийся надкалыванием фисташек, очисткой орехов и косточек.
Пистакшкани — надкалывание фисташек и очистка ядрышек орехов и косточек (промысел).
Пойкор — помощник старшины ремесленной корпорации.
Позагари — отрасль чугунолитейного промысла — отливка наконечников для омачей.
Поктарошак — инструмент резчиков по ганчу — лопаточка с острым концом для подчистки резьбы.
Поку — «бритва» — лезвие специальной формы, для разрезания основы, образующей ворс бархата.
Пояча — род подвески (в ювелирных изделиях).
Поянгол — часть ткацкого станка — подножка, при помощи которой опускалась ремиза.
Пудратчи — подрядчик (с русского) — капиталист, берущий подряды на строительные работы.
Пустиндузи — шитье тулупов.

Пустшуй — кожевенник.
Пут — уток.
тк — кувалда.
Пук — инструмент резчиков по гипсу в виде суживающегося к концу лезвия.
Рангрез — красильщик, специалист по горячему крашению.
Рангрезй — горячее крашение (промысел).
Рангрезхона — красильня, где производилось горячее крашение и отварка грежи.
Рахтангарн — маслобойное дело.
Рахкори — филигрань.
Рахсоз — ювелир работающий в технике филиграни.
Регшуйн, регшуни кардан — шлифовка медных и бронзовых изделий при помощи протирания их песком.
Ресмон — нить (бумажная).
Ресмонресн — прядение хлопка.
Рехтагар — литейщик бронзы.
Рехтагарн — литье бронзы (промысел).
Римчи — мастер по выделке оконных рам (от русского «рама»).
Рогифа — «кормление» — обеспечение продуктами чиновников определенных категорий со стороны казны. Кормление получали и отдельные ремесленники, награжденные чином.
Ругани чарби — нутряное сало, употребляемое как составная часть мастики, которая применялась для резерва при нанесении на ткань узоров (способ батикования).
Румол (ломол) — платок.
Румолбоф — ткач, вырабатывавший платки.
Румолсоз — набойщик, набивавший узор черного цвета на платки из бумажной ткани.
Рух — цинк.
Самбусапози — печенье пирожков (промысел).
Сандон (сангдон) — наковальня. сангдони дуруя — наковальня с двумя отростками различного диаметра, приспособленными для формовки деталей из листовой меди.
Саплуксози — выделка деревянных сундуков (промысел).
Саоф (сахов) — переплетчик.
Сардоба — крытый резервуар для хранения воды.
Сари кор — гладкий, безворсный конец куска бархата, с которого начинают ткать.
Сарупой — полный костюм, жалуемый ежегодно определенным категориям чиновников и военных.
Сафед кардан — покрывать полудой (медную посуду).
Сафолгар — гончар, синоним слова кулоль.
Сегаза — цилиндр большого размера («в три газа»).
Сепоя — треугольная подставка из обожженной глины, употреблявшаяся гончарами при установке посуды в обжигательную печь.
Сиёкор — чернильщик, занимавшийся починкой и подкраской старой обуви.
Сих — металлический прут, которым литейщики бронзы размешивали плавящиеся металлы.
Собунгар — мыловар.
Собунгари — мыловарение (промысел).
Собуни — сорт халвы.
Согри — шагрень, (то же, что кемухт).
Согутарош — мастер по выделке шелкового товара.

Слугароши — название промысла по выработке деревянной посуды, ре- цег, вил и т. п.

Сордакор — мастер, изготовлявший лишь простые изделия (в ювелир- ном деле).

Сувон — нанильник, сувони серах — нанильник призматической формы, сувони пахан — нанильник плоский.

Сузангар — игольщик.

Суфа — возвышенная площадка перед домом, в Бухаре обычно выложен- ная кирпичом.

Тавонак — изложницы, употреблявшиеся при отливке предметов из бронзы, позже — из золота и серебра.

Тагбанд — пояс в виде широкой тканой тесьмы, чиновники эмира и вои- ны, носили его поверх одежды, находясь на службе.

Тагбандбоф — мастер, вырабатывавший пояса.

Тагбандбофи — тканье поясов (промысел).

Тайрам — яма, в которую при выработке шагреи закладывались кожи для квашения и окраски в зеленый цвет.

Тамкор — **бурё** — употреблялась металлистами при снимании отдельных чаетей изделий.

Тан игак — установка для снования, место, где производилось снование.

Танигачи — хозяин сновательной установки.

Тандан — снование (основы для тканей).

Танурсози — выделка тануров — печей для выпечки лепешек (промысел).

Таррачуб — горбыль, на котором выскабливались кожи при обработке.

Тарроҳ — вязчик берд для ткацкого станка.

Тахшишон — техника, применявшаяся ювелирами покрытие поверхности изделия шлифованной бирюзой, укрепленной в ячейках из серебряной проволоки.

Тафраф — термин употреблявшийся золотошвеями (окантовка элементов узора особой строчкой).

Тахгача — один из узоров тканей абр.

Таш — мотыга, кетмень.

Ташшар — кузнец, специалист по выделке мотыг (кетменей).

Тер — гребень берда ткацкого станка.

Тербанд — вязчик гребней для берда.

Тербандй — выработка гребней для берда (промысел).

Тезоб — соляная кислота. Употреблялась ювелирами для очистки золота и серебра от примесей.

Тезобгар — мастер по очистке золота и серебра от примесей при помощи соляной кислоты.

Тельпак — меховая шапка.

Тельпакдуз — мастер, который шил меховые шапки.

Тельпакдузй — промысел, шитье меховых шапок.

Тери — сорт халвы.

Теша — топорик.

Тешагар — кузнец, изготовлявший топорики теша.

Тиллойи джурагй — «млечное золото», сплав золота и серебра, употреб- лявшийся для ювелирных изделий.

Тирма — особая техника тканья на четырех ремизах, при которой по- верхности ткани придается мелкий тканый узор (применя- лась при тканье шелковых платков).

Тика — кусок ткани, сработанный с ткацкого станка. Продавались обычно вместе два куска (джура), что было мерой, достаточной для одной одежды.

Токи заргарон — купольный пассаж (Купол ювелиров), около которого располагался торговый ряд ювелиров.

Тоқи камонгарон — купольный пассаж, где когда-то находились лавки мастерские мастеров по выделке луков и стрел, позже там продавались и ремонтировались ружья.

Тоқи тельпак (тельпакдузон) — купольный пассаж, в котором производилась торговля шапками.

Тоқи саррофон — купольный пассаж (купол мечет) где в конце XIX — начале XX в. торговали шелковыми платками.

Тос — металлическая чаша (обычно медная).

Тосак — колокольчик круглой формы.

Тўпи-буйра — шиповка «обычная» — один из видов камышовых шиповок.

Тўқумдўз — мастер, изготовляющий ослиные и верблюжьи седла.

Тўқумдўзи — изготовление ослиных и верблюжьих седел (промысел).

Тўқуш — плетенье — термин, обозначающий главную операцию в плетении шиповок.

Тунука — листовое железо, жесть.

Тунукасоз — жестянщик.

Тустак — пинцет, употреблялся ювелирами.

Тути — попугай, фигурка птички, украшавшая иногда металлические изделия (жаровни, кувшины, ювелирные изделия).

Туф — кисть.

Туфбофи — выделка кистей для украшения одежды, сбруи и предметов быта (промысел).

Туфдон — плевательница.

Тух, хальфаи тух — старшина, выбиравшийся наемными мастерами, работавшими у одного хозяина.

Ўзувсоз — ювелир, специалист по выделке колец.

Ўқи тирп — стержень тисков.

Урмак — ткацкий станок примитивного устройства, применявшийся при тканье шерсти (ограничен наласов).

Урён-пайгамбар — мифический патрон промысла плетельщиков шиповок.

Усто — мастер, член ремесленной корпорации.

Устозод — ремесленник, занимавшийся наследственным промыслом.

Устойи худбоф — ткач-одиночка, занимавшийся промыслом самостоятельно, в собственной мастерской.

Устохон — хозяин мастерской, в которой работали наемные мастера.

Ўяитургардак — инструмент резчиков по тайчу.

Фотиҳа — разрешительная молитва, которой мастер давал согласие на посвящение своего ученика в члены корпорации.

Хлиягахона — пазы в продольных планках золотошвейных пялец для укрепления поперечных планок.

Хазор-холиб — бронзовая пластина с разнообразными мелкими узорами для штампования их на золотых или серебряных листках. Употреблялась при реставрации изделий.

Хазрати Доуд — «Святой Давид», считавшийся патроном всех металлистов.

Хазрати Джабраил — архангел Гавриил, который в мифах о происхождении промыслов выступает как посредник между аллахом и «святым» патроном промысла, обучившим ремесленников.

Халлок — гранильщик и шлифовальщик драгоценных камней.

Халвогар — кондитер, мастер по изготовлению халвы.

Халвогарй — производство сладостей (промысел).

Хали симобй — золочение при помощи ртути.

Хали тилло — позолота.

Хачка — серьги: кольца для замка на дверях и воротах, халқайи калон — «большие серьги» — наиболее традиционной для Бухары формы, с тремя крупными подвесками.

Ҳиндаджи — станок для очистки хлопка от семян.

Хальфа — мастер, работающий по найму, халфайи бунак — хальфа, взяв□ший кабальную ссуду (бунак) халфайи оринг — хальфа, работающий без ссуды, не закабаленный, халфайи тух — старший хальфа, выбранный другими хальфа, работающими у одного хозяина.

Харак — козлы, подставка (под пяльцы у золотошвеек).

Харос — мельница, приводимая в движение силой животного.

Хароспон — мельник, работавший на мельнице, приводимой в движение силой животных.

Харрот — токарь.

Харроти — токарное пело (промысел).

Хиштпир — мастер-строитель строивший") кирпичные здания.

Ходжа Баховаддин Накшбзнд — суфий XVI в., считавшийся патроном многих промыслов, особенно связанных с нанесением узоров.

Хонек — молоток; хонски ташчини — молоток для склепывания отдель□ных частей кетменя; хонски лардоз — молот для отбивки режущих краев изготовляемых кузнецами изделий; дасг хонск — маленький молоток (у кузнеца).

Хонанор — работающий дома (ремесленник).

Хум — корчага.

Хумдон — обжигательная печь гончара или кирпичника.

Хумдончи — хозяин обжигательной печи (в производстве кирпича).

Хуми мис — большой сосуд из меди.

Хурпи — протрава (в красильном деле).

Чарм — подошвенная кожа.

Чармгар — кожевенник, в частности специалист по выделке подошвен□ной кожи, чармгари — выделка подошвенной кожи (про□мысел).

Чарх — колесо, часть какого□нибудь орудия, самопрялка, точильное и шлифовальное колесо чархи реги — шлифовальное колесо из песчаника, употреблялось гранильщиками драгоценных камней чархи-сангтароши — шлифовальное колесо гранильщика.

Чархчой — помощник шелкомотальщика.

Чахча (ячча) — яма, в которую спускались подножки ткацкого станка.

Чашми булбулй — один из тканых узоров на платках «ширак».

Чилонгар — кузнец, слесарь.

Чилонгари — кузнечное или слесарное дело (промысел).

Чиль дибос — мера основы для изготовления тканей на сорок одежд.

Чипгагар — кузнец высшей квалификации, умеющий спаивать отдельные части изготовляемых орудий.

Чирог — светильник (масляный).

Читгар — набойщик, изготовлявший хлопчатобумажные набивные ткани и штучные изделия.

Читгари — изготовление набоек (промысел).

Чоднр — садовая палатка (такие палатки богачи и знать в Бухаре расставляли в местах гуляний для приема гостей).

Чодирдузи — изготовление садовых палаток (промысел).

Чойджуш — кувшинчик для кипячения воды или заваривания чая.

Чопакор — полуфабрикат — ткань с нанесенной на нее при помощи штампов резервирующей мастикой (термин мастеров по вы□делке тонких шелковых платков «жалтай» способом батико□вания).

Чортоб — циновка определенного размера (в четыре газа).

Чукичзан — молотобоец, подручный кузнеца или слесаря.

Чуштарош — разливальщик, помощник литейщика чугуна.

Шабака — резная решеточка, которой украшались ювелирные изделия.

Шабакакори — техника изготовления резных решсточек для ювелирных изделий.

Шакар-ганджи-вали — прежнее «святого», считавшегося патроном ремесла кондитеров.

Шамшерак — часть золотошвейных пялец — поперечная планка.

Шамъ — свеча.

Шамъсози — отливка свечей (промысел).

Шашпо — головное украшение, в виде длинных нитей с кистями, нависавшихся на платок.

Шикни (из шкрин) — патока виноградная или тутовая.

Ширеш — саножный клей.

Шогирд — ремесленный ученик, подручный мастера.

Шои (шоди) — шелковая ткань — канаус (буквально «шахская»).

Шоибоф — ткач канауса.

Шинча — ткань, в основе которой, в основном бумажной, некоторые полосы из шелковой пряжи.

Шонатарош — выделка деревянных гребней (промысел).

Шох — «хуст» — один из узоров абровых тканей.

Шуроба кардан — технический прием **медников**: обмакивание раскаленного медного изделия в раствор нашатыря для придания металлу красного цвета.

Шустагар (шуштагар) — выделитель тканей (бумажных).

Шустагари (шуштагари) — выбеливание тканей (промысел).

Ямин — подсиная плата (термин, употреблявшийся в среде мастеров-строителей).

Якбаст — абровые ткани с одноцветным узором, сделанным однократным крашением перевязанной в узор основы.

Янчиш — одна из операций в плетень» циновок (расплющивание стебля камыша).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Кузнец за работой. Шлифовка топорика, зажатого в тиски. Фот. * 12 1250

Рис. 2. Мастерская кузнеца. Заточка изделия на точильном станке. Фото

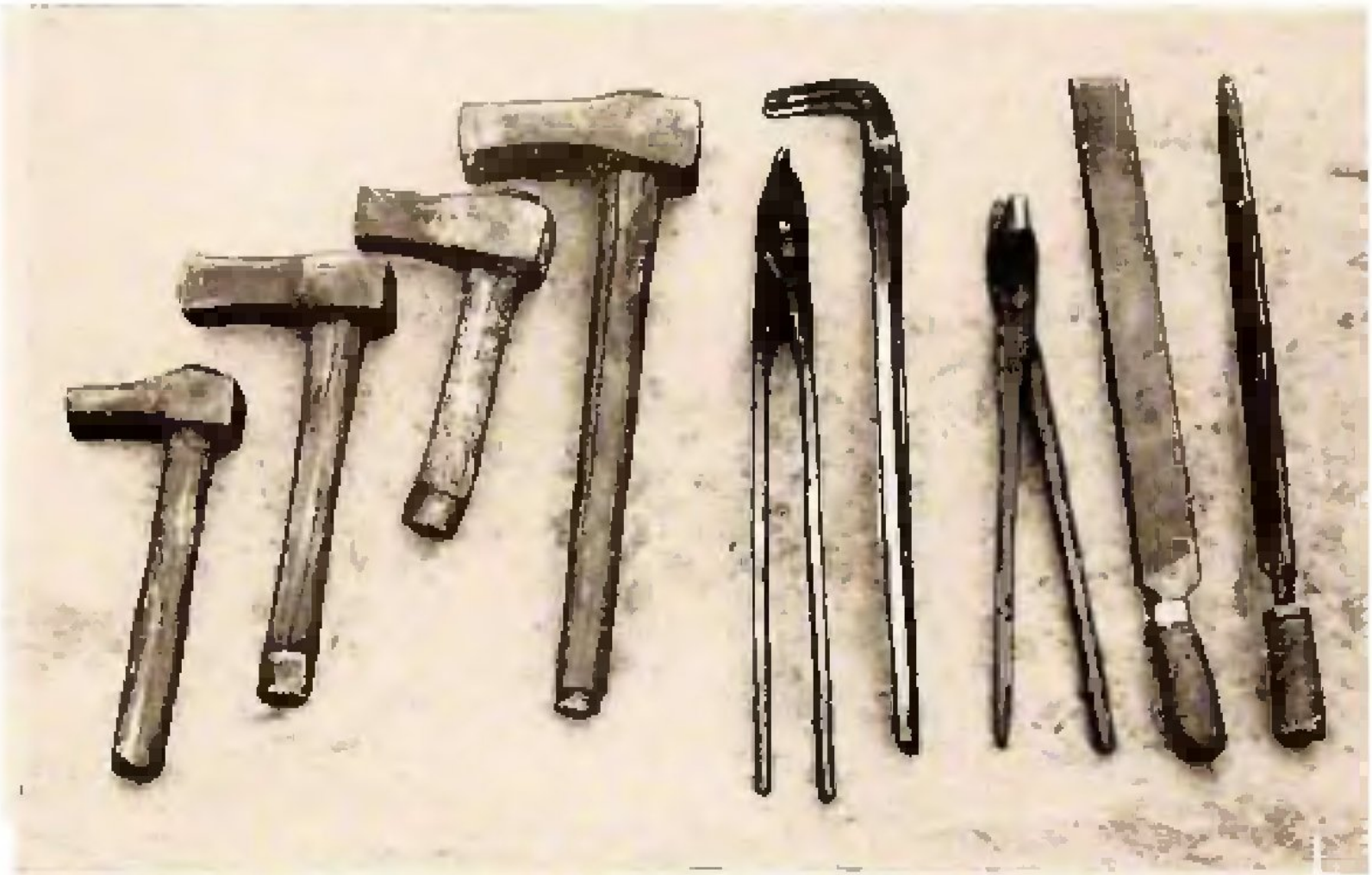

Рис. 3. Орудия **кузнеца;** молоты — дест-хонек, хонски чарпа, хонски тяжелый **кувалда** — путк; **щипцы** рост-амбур, кадж-амбур, калам-амбур; напильники — сулаи пахак, сулаи ссраха.

Рис. 4. Медник за чеканкой узора. Фото. Музей искусств УзССР.

Рис. 5. **Медный** чеканный кувшинчик (чайджум) **с** литой бронзовой **ручкой.** • Юго. Музей искусств УССР

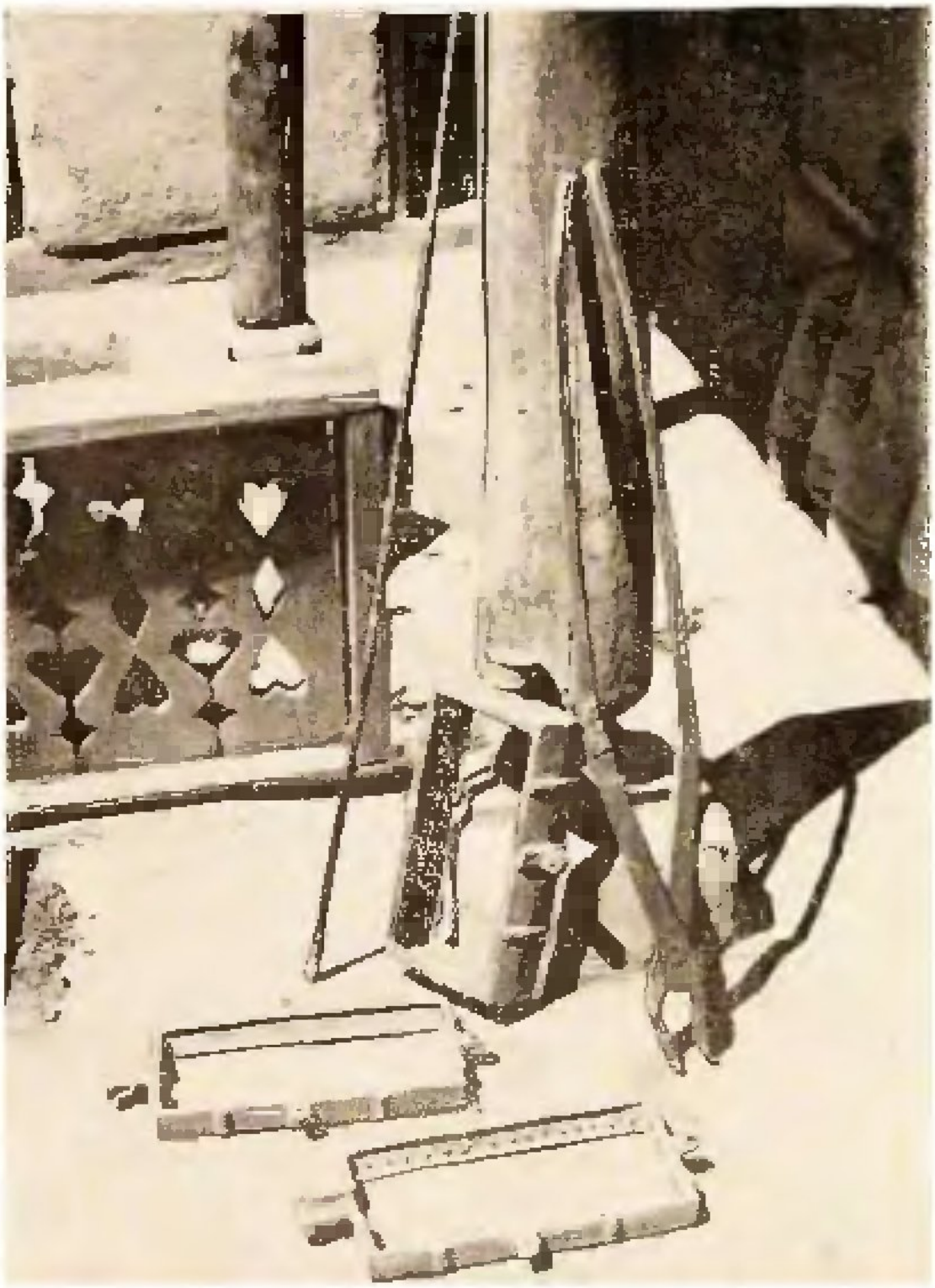

Рис.6 Инструменты для литья бронзы: парные вложницы, щипцы для поднимания тигля, прут для помешивания металла. Фото.

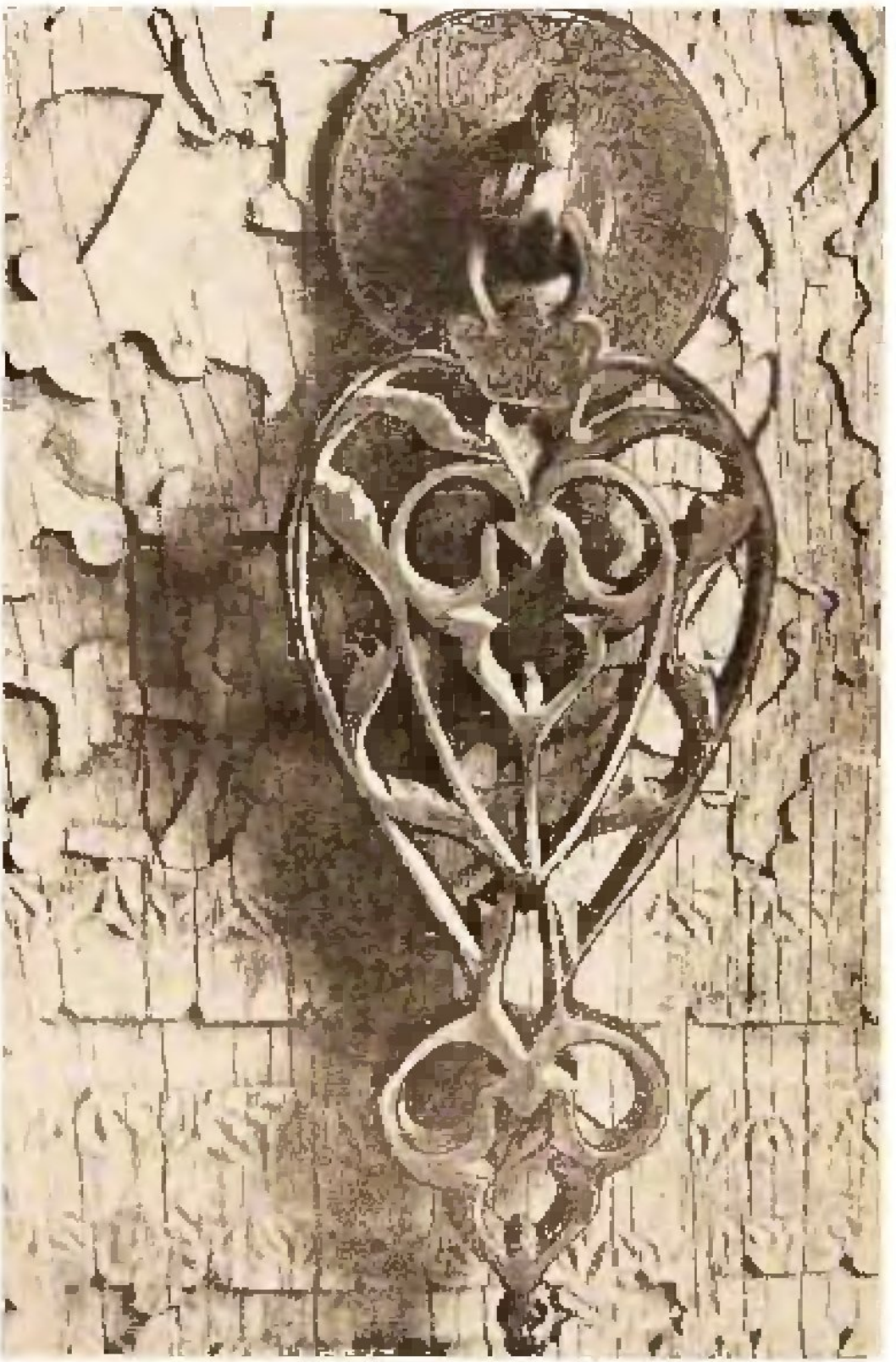

Рис. 7. Бронзовое литое украшение для двери (**пулакча**, хумфин). Музей искусств УзССР.

Рис. 8. Пленка чугуна.

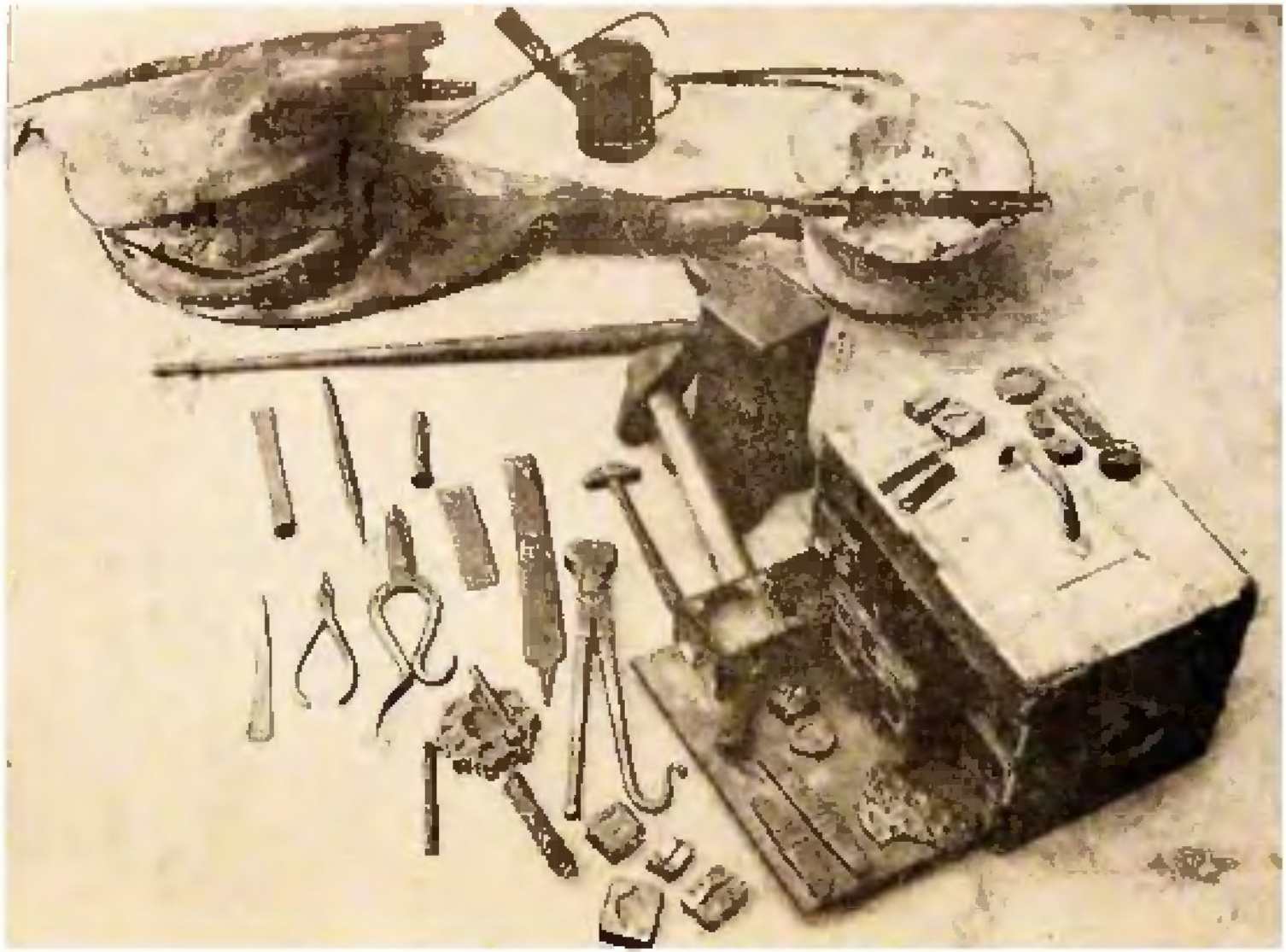

Рис. 9. Инструменты ювелира.

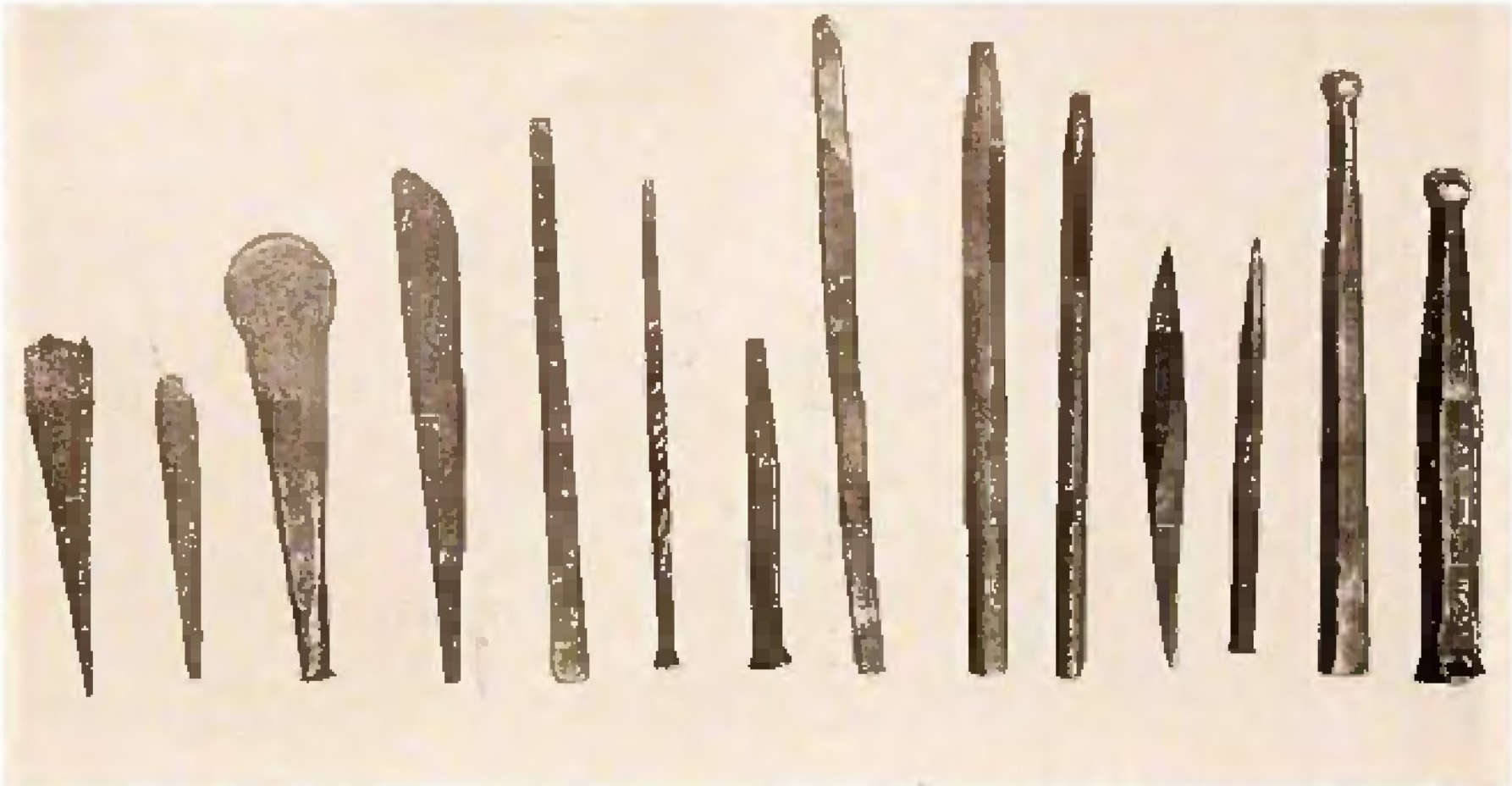
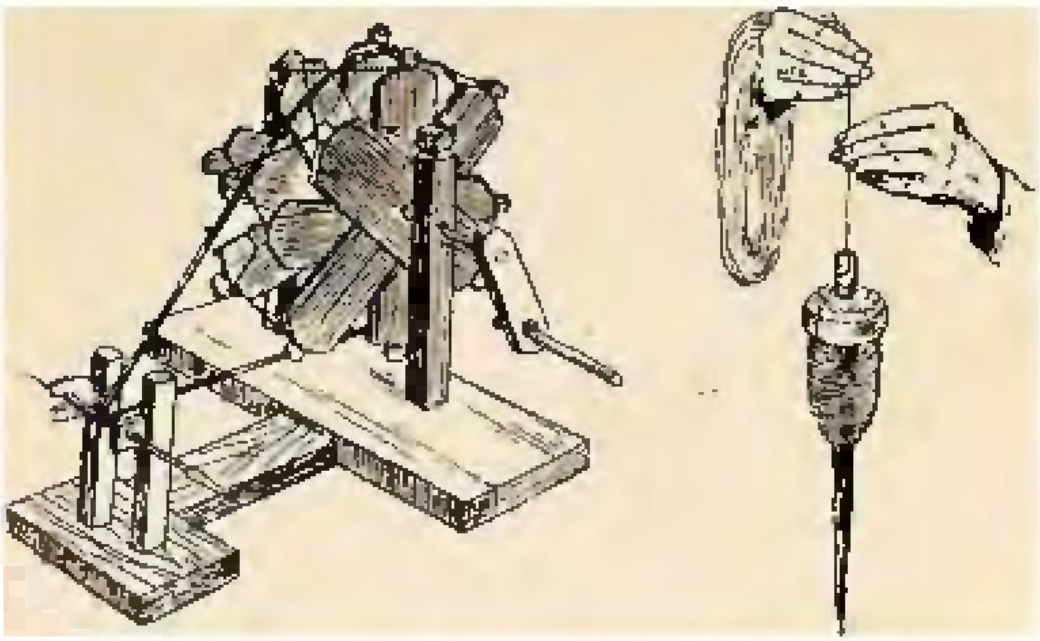

Рис. 10 Инструменты резцами. **Набор стамесок(калам) для чеканки и резьбы.** Фото.

Рис. 11. Узоры для ювелирных изделий и изделия кавказцев.

Сверху: разные шаблоны из бумаги для филиграни и эстампы для чеканки и чернения; внизу: слева — головная бляшка (украшенное серебряное сплавом — серьги бухарского типа (золото, изумруды, рубины, жемчуг). Фото.

12. Самопрялка для прядения хлопка и веретено с грузилом для прядения шерсти.

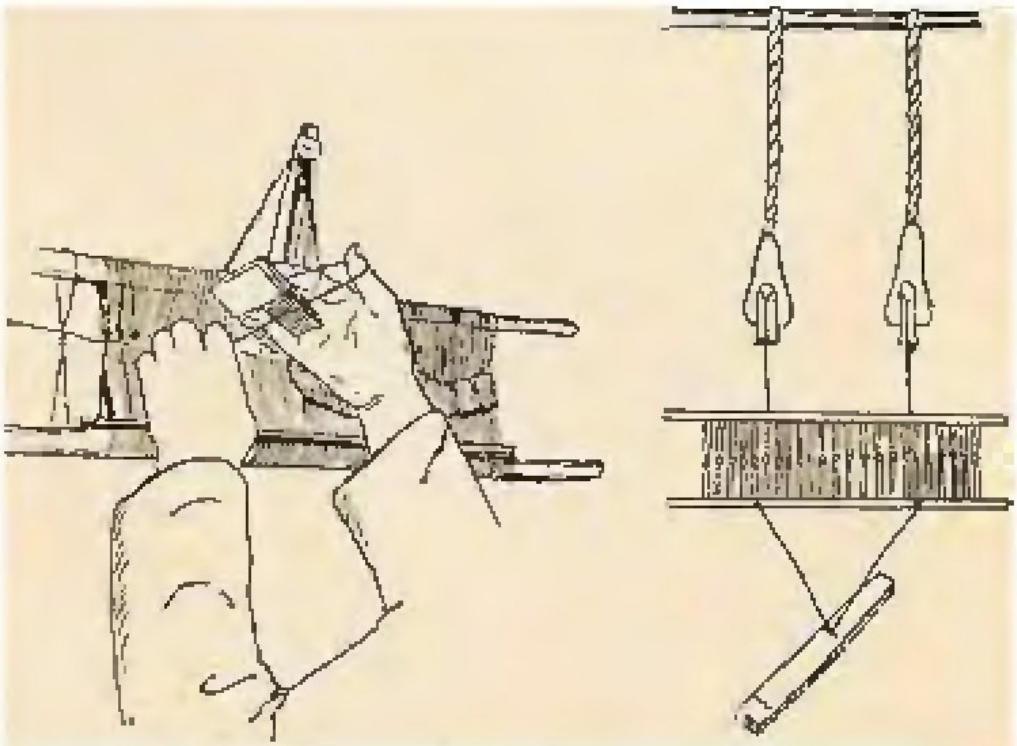

Рис. 13. Слева—ряска ремиз; справа—деталь ткацкого станка — ремизный аппарат.

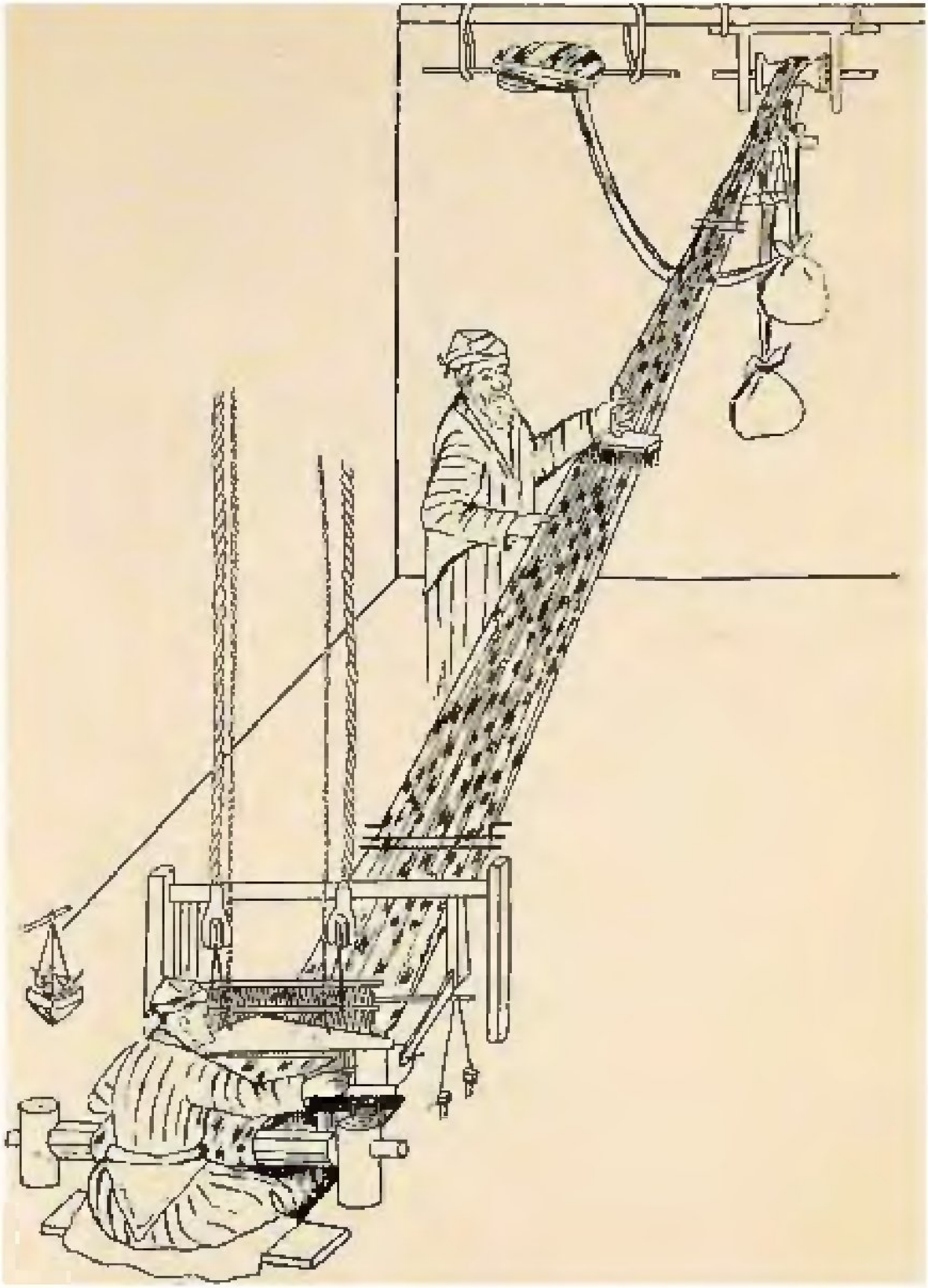

Рис. 14. Мастерская алрасбофа: совместная работа ткача (коригар) и правшика основы (пштибар). Рисунок ткача Хасана Бабаева.

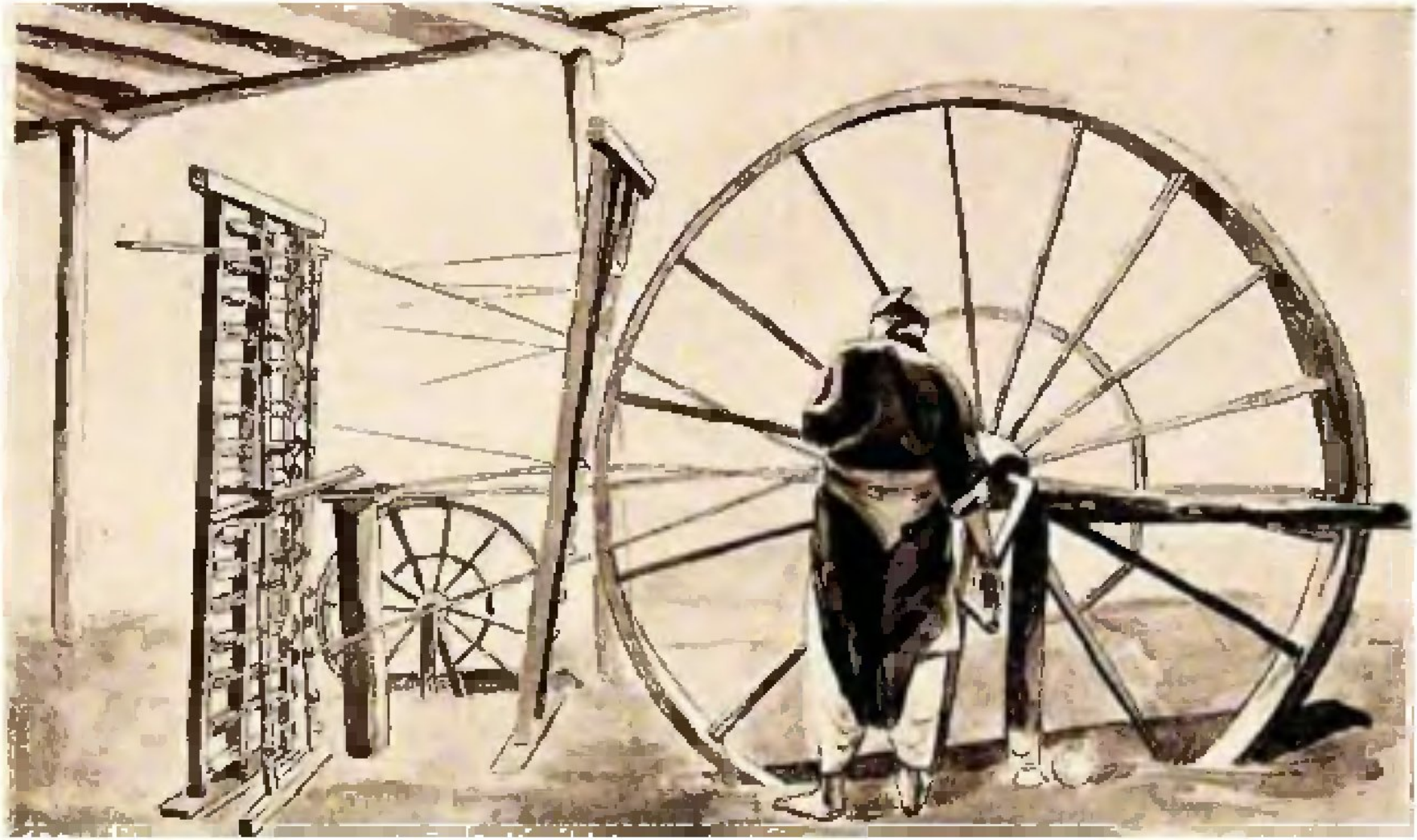

Рис. 15. Оборудование шелкомотальной мастерской. Колесо для кручения шелка (ленчарх); на заднем плане — колесо для перемотки шелковой пряжи, идущей с котла. Рисунок (по фотографии С. Дулина)

Рис. 1С. Вязка гребля для сеток. Рисунок (по фотографии).

Рис. 17. Снование. Рисунок (по фотографии С. Лудина).

Рис. Ia, Примитивный станок (урмах). Рисунок, (но фотографии С. Лудина).

Рис. 19. Нанесение узора на основу для перевязки. Рисунок (по фотографии С. Лукина)

Рис. 20. Снятие репера с основы после окраски. Рисунок (по фотографии С. Дудина).

Рис. 21. Образец бухарской ткани. Бархат. Музей искусств УзССР.

Рис. 22. Образец бухарской ткани. Атлас. Музей искусств УзССР.

Рис. 23. **Жительница** Бухары в старинном **платье** из алараса и в **налобной повязке**, шитой золотом. Фото.

Рис. 24 Типичная планировка бухарского дома. Фото

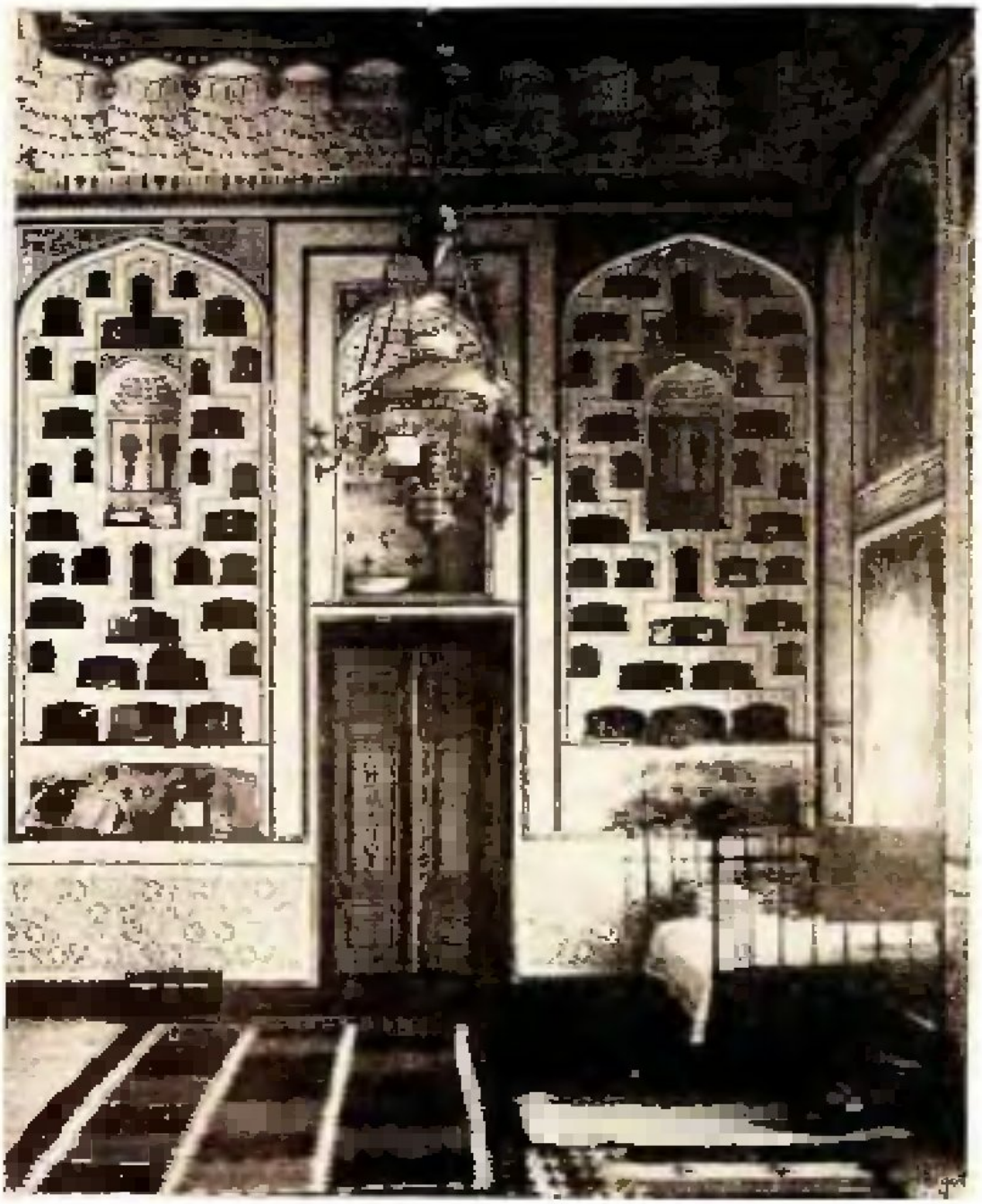

Рис. 25. Внутренняя отделка богатого бухарского жилища конца XIX—начала XX в. Фото

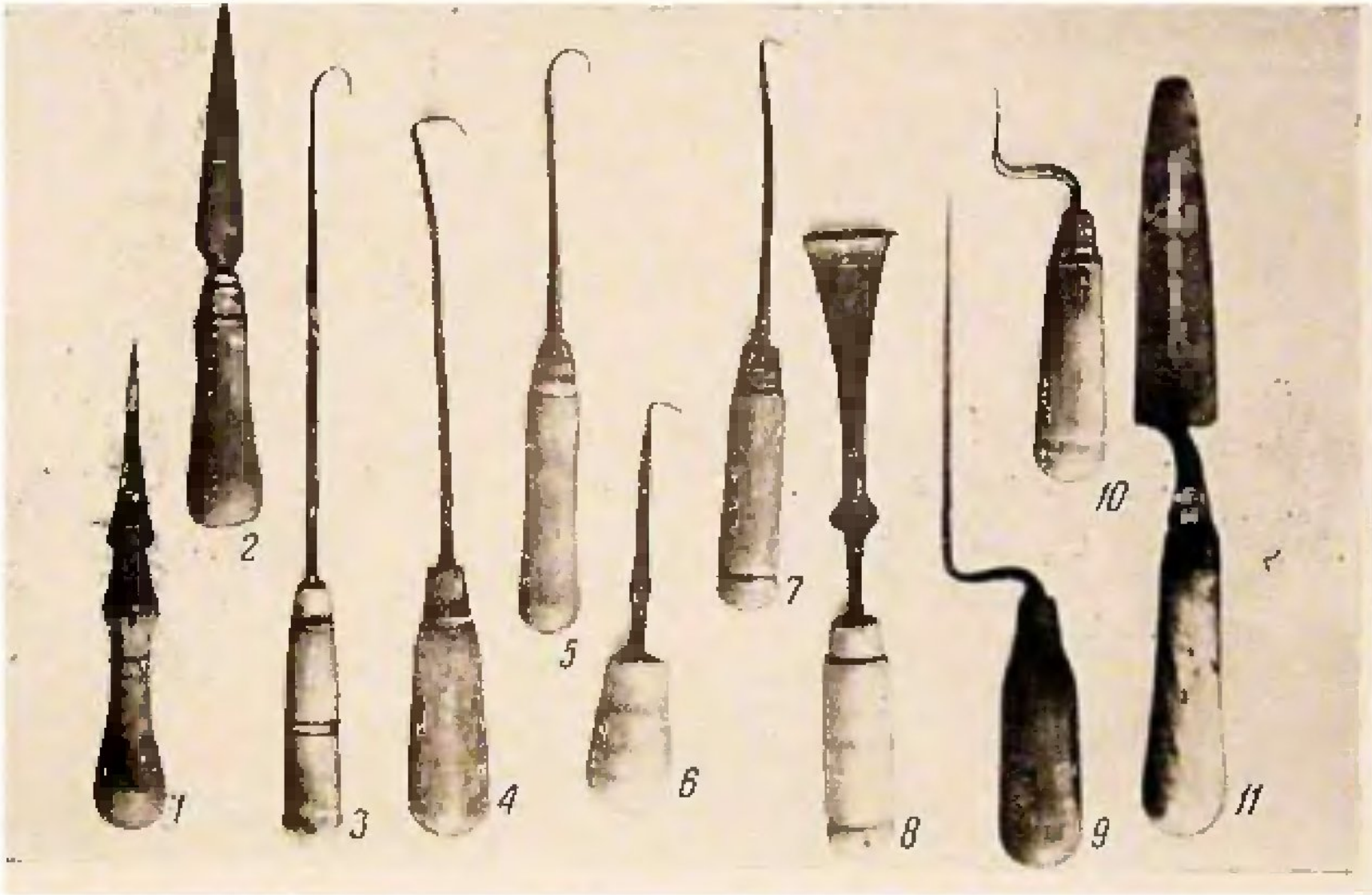

Рис. 2G Инструменты резчика по гипсу:

1—2—нуль— инструмент для ... для нарезания ма...
...ки узора; *3—7—линиар*—инструменты ...;*9—10—унитуградин*—инструменты для ... для вынимания ... для вырезания ... *11*—лопаточка; для вымывания фона.

Рис. 27. Золотошвей за работой. Фото.

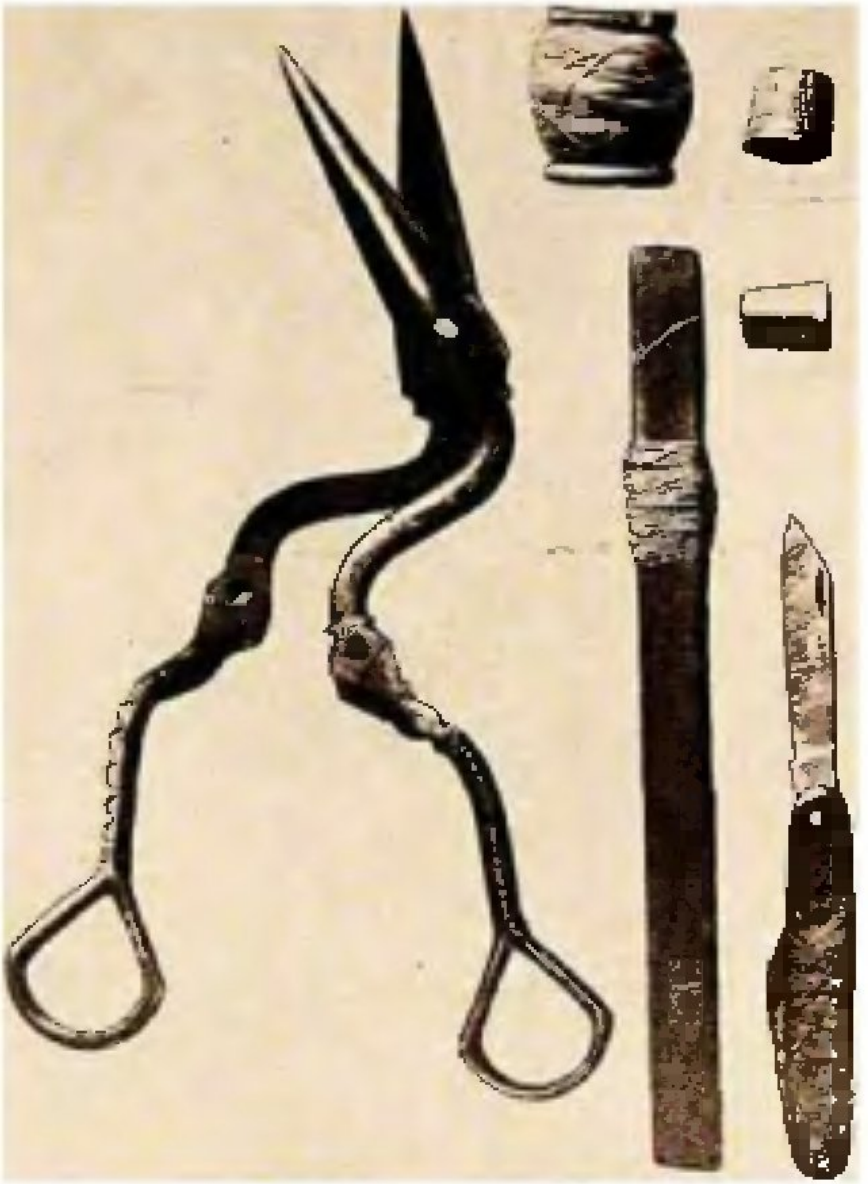

Рис. 28. Инструменты [illegible] — **ножницы** для [illegible] узоров из **бумаги**; [illegible] — четырехгранная палочка для **наматывания** золотой нити; корд — нож **для** обрезания **ниток**; ангушт □ [illegible] — наперсток.

Рис. 29. Халат [illegible] золотом. Фото. **Музей** искусств УзССР.

Рис. 30. Изготовление циновок. Подготовительные операции: сортиров
и расплющивание камыша. Фото.

Рис. 31, Плетение циновок. Фото.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	**Напечатано**	**Следует** читать
19	**24 сверху**	*оисолайза*	*оисолайза*
27	**5 сверху**	Мир-Масъу	Мир-Масъуд
35	**4 сверху**	*муллиарта*	*чуллиарта*
38	14 **снизу**	шрифт	**шифт**
45	13 **сверху**	*январа*	*2января*
49	**14 снизу**	шиках	**низках**
52	22 снизу	Усто Мухсинова	Усто Мухтора Мухсинова
67	21 сверху	*имя*	*тф*
67	24 сверху	*полнчал*	*полнчал*
75	11 снизу	притрава	протрава
65	Сноска 44	Традиционное соперничество городов	Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане
116	7 снизу	Снекорая	Снекорая
162	11 сверху	**Фазулло**	*Фазалло*
177	Сноска 72	М. А. Салье	М. А. Салье
178	7 снизу	Закон	Закот
190	26 снизу	Рух — шик	Рух — шик, олова
	Рис. 24	Тиничная плапировка бухарского дома	Тиничная плапировка богатого бухарского дома
	Рис. 26	8—*рух*	3— пух

Редактор Ф. *М.* Десятник
Художник 8. Тип
Художественный редактор А. Т. *Шепельков*
Технический редактор З. П. *Горькая*
Корректоры Ф. Денисова, И. Таиров

Р 04216 Сдано в набор 20/XII-61 г. Подписано к печати 23/I-61 г. Бумага 60×92 1/16 = 7,125 бум. л.— 14,25 печ. л. Уч.-изд. л. 14,3 (1 вкл.). Изд. № 224/61 Тираж 650. Цена 1 р. 10 к. Перелет 20 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 1250.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

